

Т. В. Склирова, О. Л. Янушкевичено

Возрастная педагогика и психология

**Учебное пособие для студентов
педагогических вузов**

- Возрастная педагогика и психология
 - Введение. Цели и задачи
 - I. Духовно — нравственная характеристика процессов становления личности
 - Ключевые положения православной антропологии, используемые в пособии
 - Личность человека в сферах бытия
 - II. Краткая характеристика основных используемых в педагогике и психологии схем возрастной периодизации
 - Л.С. Выгодский
 - Д.Б. Эльконин
 - Ж. Пиаже
 - Э. Эриксон
 - Протоиерей Василий Зеньковский
 - Л. Кольберг
 - Уровни приятия морали
 - III. Все возрасты человеческой жизни
 - Наследство
 - Зачатие
 - Пренатальный период
 - Роды
 - Новорожденность
 - Младенчество. (До года)
 - Раннее детство. (От года до трех лет)
 - Дошкольное детство. (От четырех до шести лет)
 - Младший школьный возраст. (От семи до десяти лет)
 - Подростковый возраст. (От одиннадцати до четырнадцати лет)
 - Юность. (С пятнадцати — восемнадцати до двадцати лет)
 - Молодость. (От двадцати одного до двадцати девяти лет)
 - Зрелость. (От тридцати до шестидесяти лет)
 - Старость. (Пятьдесят семь — шестьдесят лет)
 - Заключение

- [Литература](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Возрастная педагогика и психология

Введение. Цели и задачи

Предлагаемое пособие основано на материалах лекций, прочитанных студентам педагогического факультета Православного Свято — Тихоновского Богословского института одним из авторов этой книги — Татьяной Владимировной Складовой, зав. кафедрой социальной педагогики, и практической и теоретической деятельности другого педагога — Ольги Леонидовны Янушкявичене, автора известных трудов по педагогике^[1]. Данный курс является интегрированным, так как включает в себя основы нескольких программ психолого — педагогической направленности и построен на базисных курсах христианской антропологии, возрастной педагогики, возрастной психологии, православной педагогики, психологии развития личности, геронтологии.

Осмыслять материал, изложенный в пособии, авторам помогали также собственные дети. В пособии приведен ряд реальных наблюдений над их жизнью. Имена юных героев: Сема, Саша, Аня, Антон, Лена.

Особенностью данного курса является рассмотрение с психолого — педагогических позиций всех возрастных этапов в жизни человеческой личности — от зачатия до старости и смерти. Это обстоятельство продиктовано современными требованиями к подготовке специалистов в разных областях человеческих отношений — священников, педагогов, психологов, социальных работников. В педагогических и социальных службах должны работать профессионалы, знакомые с особенностями протекания каждого возрастного этапа в жизни человека, тем более такие знания нужны будущим священникам. Традиционное в педагогике рассмотрение развития личности только до ее юношеского периода не отвечает задаваемым жизнью требованиям. Каждый возрастной этап в жизни человека, включая старость и переход к смерти, обладает собственной психолого — педагогической характеристикой.

Духовные особенности развития личности, их характеристика и оценка специально здесь не рассматриваются, так как авторы исходят из утверждения святителя Феофана Затворника о том, что «жизнь

христианская не есть жизнь естественная» (34, 14)^[2], поэтому приводимое в пособии рассмотрение возрастных характеристик является описанием «жизни естественной», в которой всегда есть возможность «положить начало жизни по духу» (там же). Однако, опираясь на основные положения христианской антропологии, используя опыт православных педагогов, собственный педагогический и материнский опыт, авторы сформулировали педагогические задачи и методы духовного воспитания, наиболее адекватные для каждого возраста.

Основная цель предлагаемого курса — описание возрастных особенностей развития личности, учитывающее основные положения православной антропологии и современной психологии развития личности.

Задачи курса:

описать психологические характеристики личности для каждого возрастного этапа;

сформулировать педагогические задачи, обусловленные психологическими особенностями возраста;

предложить наиболее адекватные приведенным психолого — педагогическим характеристикам методы духовного воспитания, исходя из основных положений христианской антропологии.

I. Духовно — нравственная характеристика процессов становления личности

Ключевые положения православной антропологии, используемые в пособии

Основные, ключевые, положения православной антропологии, на которые опираются авторы в данной работе, это: 1) присутствие образа Божия в человеке, заданное ему богоподобие; 2) свобода нравственного самоопределения человека; 3) поврежденность человеческого естества первородным грехом и подверженность человека воздействию демонических сил; 4) представление о спасении как о результате действия Божией благодати и свободного человеческого произволения.

В основе православной антропологии лежит учение об образе Божиим в человеке. Каждый человек несет в своей личности образ и подобие Божие. Образ Божий человеку дан изначально, он является онтологическим основанием бытия личности человека, его жизни и творчества. На учении об образе Божиим в человеке построена вся педагогика Православия. Как сказал выдающийся православный мыслитель, богослов и педагог протоиерей Василий Зеньковский, — «это безграничная вера в человека, это чувство, что ничто не может окончательно зачеркнуть образ Божий в человеке, это твердое исповедание того, что никому никогда не растратить того сокровища, какое заключил Господь в душу нашу» (22, 42). И если образ Божий дан человеческой личности, то богоподобие задано, достижение его является основным смыслом жизни православно верующего человека.

Свобода нравственного самоопределения человека является важнейшим условием устремленности человека к Богу, достижению того идеала, которое было изначально заложено в человеке, — богоподобия. Благодаря дарованной Богом свободе человек не подчинен закону необходимости окончательно. Как пишет в своем труде преподаватель Московской Православной Духовной Академии архимандрит Платон (Игумнов), «он — виновник своего становления, так как обладает свободой, в его власти изменять и направлять процесс своего формирования и развития. Он сам является причиной своего состояния. Пользуясь даром свободы, человек сообщает смысл процессу своего становления, предпочитая тот или иной закон

существования...» (1, 106). Однако «свобода — это способность личности к творческому становлению в границах тех возможностей, которые определены Богом» (там же).

Учение о первородном грехе не является в православной антропологии основным в понимании человеческой сущности, но оно помогает понять человека в его реальной земной жизни, в его судьбе. Слово «грех» (amartia) в переводе с греческого означает промах. Профессор В.В. Зеньковский в своем труде «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» пишет, что «греховность, конечно, проникла во весь состав человека, во все его функции, отчего создалась в человеке, в его глубине, коренная двойственность, добро в человеке так неисследимо сплелось со злом...» (22, 40). Грех (как отклонение, заблуждение, падение) мешает человеку исполнить истинную цель его жизни. Процесс преодоления греха и исключения его из личной жизни кладет начало спасению.

При каких условиях возможно спасение человека? Какова роль человеческой свободы в устройении спасения? На эти вопросы православное догматическое богословие отвечает следующим образом: спасение возможно при условии направленности человеческой воли к Богу и свободном открытии сердца к принятию благодати (41, 200). «Господь говорит: Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною (Откр. 3, 20). Об этом говорит преподобный Макарий Египетский („Духовные беседы“): „Воля человеческая есть как бы существенное условие: если нет воли, Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей“. Так же учит и святитель Иоанн Златоуст: „Благодать, хотя она и благодать, спасает пожелавших, а не тех, которые не хотят ее и отвращаются от нее, постоянно против нее воюют и противятся ей“; „Бог не принуждает никого; если Он хочет, а мы не хотим, то спасение наше невозможно не потому, что хотение Его было бессильно, но потому, что Он принуждать никого не хочет“. Таким образом, благодать не является силой, действующей в человеке непреодолимо. Восточные отцы утверждают, что человек может свободно направлять свою волю вопреки благодати» (там же, 201).

Для того чтобы стяжать благодатное Божие присутствие, человек должен непрестанно прилагать собственные усилия. Православная

антропология учит о синергии (содружественном действии в одном направлении) Божественной благодати и человеческих усилий. Необходимость духовного подвига для спасения есть непреложное условие любой человеческой жизни. Вместе с тем свободная человеческая деятельность обеспечивает необходимые, но отнюдь недостаточные для спасения условия. Именно присутствие Божией благодати необходимое (главное) условие в деле спасения.

Личность человека в сферах бытия

Понятие о личности. Курс не содержит определения понятия личности. Одним из основных положений при изучении нравственного богословия является признание того, что личность нельзя объяснить какими — либо внешними — внеличными — элементами. «Личность не может быть объектом научного изучения в той же полноте и объеме, как предметы внешнего мира. Она всегда остается непостижимой в своей конечной глубинной сущности... Как образ Божий личность не нуждается ни в каком причинно — генетическом объяснении. Единственный способ объяснить личность в полной неделимости и неразрушимости ее бытийной структуры заключается в признании догматической истины о сотворенности ее Богом из ничего» (1, 17). Объектом же научного исследования может быть эмпирическое содержание жизни личности.

Научное рассмотрение жизни человека возможно в трех сферах его бытия — сфере природного его существования, сфере социально — культурной жизни и религиозной церковной жизни (1, 19). Областью исследования психолого — педагогических дисциплин являются процессы, происходящие в интеллектуальной, эмоциональной, духовной сферах личности человека, его поведении и взаимоотношениях с окружающей действительностью. Эти процессы характеризуются следующими определениями.

Развитие личности. Процесс, присущий внутренней структуре личности, описывающий происходящие в личности изменения. Развитие личности понимается как процесс проявления того, что в ней изначально присутствовало, было дано, и появления нового, того, чего в ней не было прежде.

Воспитание — возвращение человека, учитывающее все три сферы бытия его личности. Определяемое как вос — помоществование в питании всех составляющих сторон личности, воспитание предполагает воздействие на телесную, душевную и духовную сферу бытия человека. Создание благоприятных условий для формирования личности под благодатным окормлением Церкви является одной из важнейших задач православного воспитания.

Воспитание в православной антропологии понимается как содействие во спасении. Протоиерей Евгений Шестун: «Только в такой постановке воспитание обретает свой смысл как подготовка к жизни в вечности уже здесь, на земле» (35, 31).

Формирование личности. «Формирование — это то, что противостоит закону распада, что ведет к преодолению хаоса и к оформлению жизни в устойчивую и целостную структуру» (1, 20). Определяя формирование как процесс становления личности, оформления структуры ее бытия, мы исходим из того, что воздействие на личность (со стороны родителей, педагогов, социума и т. д.), в том числе и воспитание, является лишь частью, одним из факторов этого масштабного процесса. Осознавая формирование личности как ее телесное, душевное и духовное становление, православная антропология признает приоритет духовного начала как универсальной реальности человеческой жизни. Дух нематериален, поэтому неосязаем и невидим. Но именно дух является тем стержнем, тем системообразующим компонентом, который формирует человека как единое целое, как личность, созданную по образу и подобию Божию.

Различие подходов к рассмотрению формирования личности. В педагогической литературе принято рассматривать стихийное и целенаправленное формирование личности. И если о целенаправленном формировании написано и сказано много, то стихийное формирование зачастую отождествляют с процессом социализации. Однако это не так. Процесс социализации имеет свою теорию (см. далее). Прояснение сути формирования необходимо для правильной постановки педагогических целей и задач.

Любая воспитательная концепция основывается на некотором комплексе антропологических представлений. Антропология отвечает на вопросы: что есть человек? какова его физическая, психическая, нравственная сущность? каково его место в мире и высшее бытийственное предназначение?

Господствовавшая долгое время в нашей стране материалистическая идеология обусловила развитие антропологических представлений о том, что бытие человека всецело определяется биологическими и социальными факторами. Это позволяло считать, что процесс формирования человека может быть

полностью прогнозируем и подконтролен. Термин «формирование» стал все чаще употребляться в значении процесса целенаправленного воздействия на личность со стороны. В психологии родились идеи формирования качеств психической деятельности человека — его мышления, памяти, воображения, восприятия. Была создана теория поэтапного формирования мыслительной деятельности. В педагогике оформлялись методы формирования интеллектуальных, эстетических, морально — нравственных, патриотических и других качеств личности воспитанника. Распад советской идеологии повлек за собой и отказ государства на монополию в воспитании своих граждан. Воспитание как единая система распалась и превратилось в поле для экспериментов и различных «новаций».

Демократические преобразования в обществе привели к тому, что наиболее распространенной в настоящее время является воспитательная концепция, основанная на философии гуманизма. Отказ от иерархии в воспитательном процессе, свойственный педагогике гуманизма, обусловил развитие «педагогике сотрудничества» с ее принципом равноправия воспитателя и воспитуемого и основной задачей — самоактуализация личности.

Самоактуализация личности воспитанника как воплощение потенциальных его возможностей и способностей является основной проблемой в воспитательной концепции гуманизма. Имплицитно подразумевается, что в человеке все положительно. Гуманистическая психология и педагогика признают изначальную гармоничность человеческого существа, а также принимают множественность и равноправие ценностных ориентаций (так называемый плюрализм мнений). Воспитатель и воспитанник могут иметь различные нравственные установки, но это не мешает их сотрудничеству. Функция воспитателя сводится к роли помощника (стимулятора, усилителя), содействующего раскрытию и реализации мотивов, потребностей и интересов группы и каждого ее члена (32, 114). В этой связи и становится основополагающим принцип толерантного отношения к воспитаннику [3].

Несомненно, педагогика сотрудничества более человечная в сравнении с «педагогикой формирования», зачастую ее так и называют — «педагогикой ненасилия». Положительным аспектом такого педагогического подхода является помощь воспитаннику в раскрытии

его дарований, учет индивидуальных особенностей и наклонностей; воспитанники не подвергаются формирующему воздействию воспитателя ради «отвлеченных педагогических идей». Педагогика ненасилия сохраняет некоторую целостность личности, помогая стихийному оформлению структуры ее бытия.

Спасение личности как конечная цель воспитания. Православная педагогика признает неповторимость каждого человека и неисповедимость путей Господних, но это не означает, что ей не известны окончательные цели воспитания. Не посягая на божественную свободу человека и благоговая перед тайной его предназначения, православный педагог тем не менее прилагает усилия для того, чтобы в формировании личности воспитанника возобладали духовно здоровые тенденции. Исповедуя иерархический, а не гармонический подход к воспитанию, православная педагогика полагает, что человеку надлежит не «развиться» и «реализоваться», а спастись. И в силу этого в Православии неизмеримо возрастает роль воспитателя и педагога, его активность и ответственность за последствия тех воздействий, с которыми он обращается к своим воспитанникам.

Трудно не согласиться с тем, что «идея духовной помощи соблазнительна как никакая, особенно когда выражается высокими словами» (2, 184). Очень легко в благородном порыве представить себя таким строителем, каменщиком человеческих душ, формирующим будущих обитателей Царствия Небесного (аналогично тому, как когда — то формировали строителей коммунизма). Но в таком подходе проявится насилие, и, как любое насилие, это может образовать в дальнейшем непоправимые последствия. В онтологической глубине каждого человека живет тайна свободы, и никогда другой человек не может быть объектом насильственного воздействия, какие бы высокие цели при этом ни ставились. Сам Господь не ограничил свободу человека даже тогда, когда ученик Его, Иуда, сделал свой выбор: Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее (Ин. 13, 27). Свобода человека неизмеримо велика и высока, но и страшна — это величайшая ответственность человека перед Богом. Сын Человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается (Лк. 22, 22).

Светская педагогика и психология стараются помочь человеку, обходя проблему добра и зла. Этого не могут позволить себе православные педагоги и психологи, знающие о глубинной духовной жизни человека. Рассуждая о принципах помощи другому человеку, психолог Г.С. Абрамова пишет: «Духовная помощь отличается от помощи психологической, как сущность человека отличается от проявлений его „я“. Духовная помощь может быть понята как помощь в обретении человеком совести, свободы, ответственности, веры и любви к Богу. Насколько она возможна под влиянием другого человека?.. Сколько бы психологических теорий ни было на свете, они не могут пройти мимо факта духовной работы человека. Чем она может быть вызвана? Какова в ней роль другого человека?» (2, 184–185).

На поставленные вопросы нельзя ответить однозначно, а потому, обращаясь к ребенку, о них всегда нужно помнить, чтобы не перешагнуть границы дозволенного, чтобы всегда помнить о требовании Гиппократы — не навреди.

Однако где же границы, так сказать, дозволенного для человека, где область делания? Это сам человек, его устремленность к высокому идеалу. У него есть только один путь — самосовершенствование, и только на этом пути будет меняться окружающий мир, а вместе с ним и окружающие его люди. В истории христианской святости существуют удивительнейшие свидетельства того, как личность одного человека, стремящегося к богоугодной жизни, меняла обстоятельства жизни и саму жизнь многих сотен людей. Близкие к нашему времени примеры жизни святой праведной Матроны Московской и преподобного Серафима Вырицкого помогут понять, как усилиями одного святого подвижника в атмосфере военных действий, отчаяния и горя создавались в душе мужественное спокойствие, мир и упование на Господа.

Во время Великой Отечественной войны в оккупированной немцами Вырице (вблизи осажденного блокадой Ленинграда) не прекращались богослужения в храме, где служил отец Серафим Вырицкий. К молитве батюшки присоединялись не только сами жители Вырицы — на службу в храм приходили солдаты немецкой армии. И в этом городке войны словно не стало. Так же, по воспоминаниям современников, помогала людям духовным советом и

примером своего богоугодного жития подвижница Матронушка Московская.

Основной принцип православного воспитания. Недаром преподобный Серафим Саровский учил: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Именно это, именно проблема спасения является целью православной педагогики. Конечно, реальные педагоги от святости далеки, но в педагогике существует принцип: воспитывать становление становлением. Живой поиск живого человека, того, кто пребывает рядом с тобой, которому ты не безразличен, который является твоим другом, который понимает тебя, может быть, лучше, чем ты сам, радуется всем твоим успехам и скорбит о твоих падениях, не может не воспитывать. Такое отношение к воспитуемому, безусловно, является подвигом, но если педагог не готов на такой подвиг, то лучше ему не браться за воспитание, а заняться чем — нибудь другим. Вспомним апостола Иакова, который призывал: Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению. Ибо все мы много согрешаем (Иак. 3, 1–2).

В христианстве Бог личностен. В самой онтологической сущности Святой Троицы лежит понятие Ипостаси. И вот это личностное начало присуще каждому человеку как образу Божию. Поэтому основополагающий принцип православной педагогики — встреча личности с личностью. Если педагог увидит в каждом ребенке образ Божий и, сознавая свою немощь, обратится с молитвой за помощью к Богу, то любовь будет подсказывать ему, как поступить в каждой конкретной ситуации. Главное здесь помнить, что не ты (педагог, родитель) спасаешь ребенка, но от твоего отношения к нему зависит твое собственное спасение.

Социализация — это освоение человеком социальных норм и правил поведения, общения и взаимодействия с социумом. Сущность социализации состоит в том, что в процессе ее человек формируется как член того общества, к которому он принадлежит. Процесс социализации человека происходит при помощи многих факторов (необходимых условий для протекания этого процесса) (42). Это и микрофакторы — семья, религиозная община, общество сверстников, соседи и все те социальные группы, в которых человек пребывает непосредственно и которые влияют на него, и мезофакторы. К мезофакторам относятся так называемые «промежуточные» факторы,

влияющие на человека опосредованно, — тип поселения, средства массовой коммуникации, этническая принадлежность. Теория социализации, учитывая влияние макро — и мегафакторов на процесс социализации человека, тем не менее отмечает, что возможны ситуации, когда воспитанный человек может быть не вполне социализирован, и наоборот, хорошо социализированные личности зачастую бывают невоспитанны.

II. Краткая характеристика основных используемых в педагогике и психологии схем возрастной периодизации

Прежде чем приступить к данному разделу, сделаем две оговорки.

Во — первых, нами описывается здесь лишь один аспект из богатейшего научного наследия каждого из рассматриваемых психологов, а именно: предложенные ими схемы возрастной периодизации, которые будут здесь называться по именам их создателей. Существующие в психологии системы деления, представленные вниманию читателя, сильно разнятся друг от друга в зависимости от того, что рассматривается в качестве критерия развития. В аспекте этого критерия — будь то созревание интеллекта или социальных отношений человека — и ведется рассмотрение особенностей становления психики человека. Вообще, любая психологическая теория, с помощью которой исследуется тот или иной процесс, задает исследователю некий «угол зрения», и тогда исследователь воспринимает человека сквозь призму используемой теории. Рассмотрим некоторые примеры. Так, в психоанализе главной задачей является выявление и изучение подсознательной сферы, которая управляет человеком. В психологических концепциях бихевиоризма (англ. behaviour — поведение) делается акцент на конкретных действиях и поступках человека, изучении воздействия окружения на личность.

Гуманистическое направление в психологии ставит в центр своей методологии внутренний мир человека, его «феноменальное поле», или «самость», которое рассматривается как представления человека о самом себе, основанные на прошлом опыте, данных настоящего и ожиданиях будущего. Вместе с тем каждая из этих теорий накопила богатейший арсенал наблюдений, на основе которых выявлены определенные закономерности. Эти закономерности отражают как реальность психической жизни человека вообще, так и психическую

реальность самого автора теории, выраженную в его манере мышления. Таким образом, в любой научной теории есть предмет и способы его описания. И если предмет — это реально существующее явление, то способы описания, какими бы они ни были точными, так и остаются некоторой «плоской» проекцией этого «объемного» явления. Поэтому можно предположить, что использование психологической теории становится способом мышления, обусловленным мировоззренческими установками исследователя. Этот способ зависит от его культурной, религиозной или половой принадлежности.

Во — вторых, говоря о различных системах деления детства на периоды, существующих в педагогике, мы будем помнить о том, что авторы данного пособия стоят на позиции православной антропологии: личность человека как образа Божия свободна и таинственна в своей духовной жизни, поэтому любые классификации могут описать нравственное развитие человека лишь схематично, условно, весьма приблизительно. Личность человека принципиально не может быть вписана ни в какие определения или схемы. Теперь, помня о том, что мы стоим на позиции православной антропологии, приступим непосредственно к данному разделу.

Л.С. Выгодский

Л.С. Выготский [4]. Ряд основных понятий, употребляемых в возрастной психологии, был введен Л.С. Выготским в разработанной им теории развития психики человека. Выготский ввел в науку категориальный анализ проблемы возраста, его структуры и динамики. Основанием для возрастной периодизации явилась внутренняя логика детского развития — процесса самодвижения, возникновения и образования в психике нового. Новый тип строения личности и ее деятельности, психические и социальные изменения, которые впервые возникают на данном возрастном этапе и определяют сознание ребенка и его отношение к среде, называется новообразованием возраста.

На каждом возрастном этапе существует центральное новообразование, к нему примыкают частичные новообразования, которые относятся к сторонам личности ребенка, к новообразованиям предыдущих возрастов. Структура возраста включает в себя центральные и побочные линии развития. К центральным линиям развития относятся те процессы, которые связаны с основным новообразованием возраста, к побочным — другие частичные процессы. К примеру, развитие речи в раннем детстве связано с центральной линией развития, а в подростковом — с побочными. К началу каждого возраста складывается специфическое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, называемое социальной ситуацией развития. Основным законом динамики возраста является признание того, что силы, которые движут развитие ребенка, приводят к отрицанию самой основы развития возраста и распаду существующей социальной ситуации развития. На каждом возрастном этапе существует зона интеллектуального подражания, которая связана с реальным уровнем развития ребенка и называется зоной ближайшего развития. То, что сегодня ребенок делает при помощи взрослого, завтра он сумеет воспроизвести самостоятельно. Для каждого ребенка существует его собственная индивидуальная зона ближайшего развития. Деятельность, связанная с центральным новообразованием возраста, называется ведущей деятельностью. Это не та деятельность, на которую тратится больше всего времени, а та, в

которой ребенок максимально проявляется как человек. Возрастные изменения могут происходить резко, критически или постепенно, литически.

Эпохи, или стадии развития завершаются кризисами развития. Кризисом является расчленение ранее бывшего единым элемента, которое связано с динамикой перехода от одного возраста к другому. Это процесс появления новых сторон в психике, перестройка связи между существующими в психике объектами. Характеризуя кризис, Выготский пишет, что в это время ребенок меняется весь, в целом, границы кризиса размыты, а кульминация обязательна. В это время дети трудновоспитуемы даже по сравнению с самими собой в стабильные периоды своего развития. Кризис вызывает внутренняя логика самого процесса развития, а не внешние условия. В кризисе не возникает новых интересов и видов деятельности.

Периоды детской жизни, отделенные друг от друга литически, составляют фазы развития.

Л.С. Выготский проанализировал процессы психического развития ребенка в разные возрастные периоды и разработал общую схему, которая позволяет наблюдать причины смены возрастов. Согласно этой схеме каждый возраст открывается кризисом. Кризис обуславливает становление новой социальной ситуации развития. В ней имеются внутренние противоречия, которые и развивают в психике ребенка новообразование. Возникшее новообразование несет в себе предпосылки разрушения данной социальной ситуации развития и назревания нового кризиса.

Л.С. Выготский обосновал возрастную периодизацию детского развития, которая завершается рассмотрением кризиса семнадцати лет. Она выглядит следующим образом.

Кризис новорожденности.

Младенческий возраст (от двух месяцев до года).

Кризис одного года.

Раннее детство (от одного года до трех лет).

Кризис трех лет.

Дошкольный возраст (от трех до семи лет).

Кризис семи лет.

Школьный возраст (от восьми до двенадцати лет).

Кризис тринадцати лет.

Пубертатный возраст (четырнадцать — восемнадцать лет).
Кризис семнадцати лет.

Д.Б. Эльконин

Д.Б. Эльконин ^[5]. Идеи Л.С. Выготского о социально — культурной обусловленности возрастного развития развил Эльконин Д.Б. Он предложил другое понимание детского психического развития. Согласно его концепции смена стадий развития зависит от степени взаимодействия ребенка и общества. По мысли Эльконина, личность ребенка формируется внутри систем «ребенок — общественный предмет» и «ребенок — общественный взрослый». Ребенок, знакомясь с окружающим миром, реализует свои определенные потребности, мотивы и задачи (ребенок — взрослый) и овладевает культурными способами действия с предметным миром (ребенок — предмет). Рассматривая своеобразие социальной ситуации развития и ведущей деятельности в каждый возрастной период, Д.Б. Эльконин выявил следующую закономерность. Сначала ребенок ориентируется в основных смыслах человеческой деятельности и только потом осваивает общественно выработанные способы действия с предметами. Эти две линии усвоения нельзя рассматривать изолированно, так как они взаимодополняют друг друга. Но в каждом возрастном периоде одна из тенденций является преобладающей. Первая тенденция — развитие мотивационно — потребностной сферы, вторая — развитие операционно — технических возможностей.

Д.Б. Эльконин выделил в детском возрасте шесть периодов, каждому из которых соответствует свой тип ведущей деятельности.

Первый период — младенчество (от рождения до года). Ведущая деятельность — непосредственно эмоциональное общение, личностное общение со взрослым внутри которого ребенок учится предметным действиям. Мотивационно — потребностная сфера доминирует.

Второй период — раннее детство (от года до трех лет). Ведущая деятельность — предметно — манипулятивная, внутри которой ребенок сотрудничает со взрослым в освоении новых видов деятельности. Преобладает операционно — техническая сфера.

Третий период — дошкольное детство (от трех до шести лет). Ведущая деятельность — сюжетно — ролевая игра, внутри которой

ребенок ориентируется в самых общих смыслах человеческой деятельности, например, семейной и профессиональной. Мотивационно — потребностная сфера доминирует.

Четвертый период — младший школьный возраст (от семи до десяти лет). Ведущая деятельность — учеба. Дети осваивают правила и способы учебных действий. В процессе усвоения развиваются также и мотивы познавательной деятельности, но преобладает операционно — техническая сфера.

Пятый период — подростковый возраст (от десяти до пятнадцати лет). Ведущая деятельность — общение со сверстниками. Воспроизводя межличностные отношения, которые существуют в мире взрослых людей, подростки принимают или отвергают их. В этом общении оформляются смысловые ориентации подростка на его будущее, на взаимоотношения с людьми, появляются задачи и мотивы дальнейшей деятельности. Мотивационно — потребностная сфера доминирует.

Шестой период — ранняя юность (от пятнадцати до семнадцати лет). Ведущая деятельность — учебно — профессиональная. В этот период происходит освоение профессиональных навыков и умений. Операционная деятельность преобладает.

Таким образом, психическое развитие осуществляется в процессе закономерной смены ведущего типа деятельности. Переходы от одного периода к другому сопровождаются значительными трудностями в отношениях взрослых и детей, так как ребенок «заявляет» о своих новых потребностях или умениях. Эти переходные периоды названы кризисами возрастного развития.

Определяя возраст как относительно замкнутый период детского развития, Д.Б. Эльконин характеризовал каждый такой период (возраст) главными показателями — социальной ситуацией развития, ведущим типом деятельности, основными психическими новообразованиями.

Ж. Пиаже

Ж. Пиаже ^[6]. Одна из наиболее известных систем принадлежит Жану Пиаже, который основывал свою систему на анализе развития мышления. По мнению Пиаже, интеллект, как живая структура, растет, меняется и адаптируется к миру. Различия между детьми и взрослыми обусловлены не только тем, что дети знают меньше, но и тем, что способ познания детей иной, чем у взрослых. Пиаже высказал предположение, что детям присущи некоторые когнитивные (мыслительные) ограничения. По мере того, как человек растет и получает больше знаний, усложняются и способы обработки информации в его когнитивных структурах. Ученый выделил три главных периода в умственном развитии ребенка, внутри каждого периода выделяется несколько стадий. Все дети проходят периоды и стадии развития в определенной последовательности, каждая новая стадия основывается на предыдущей, и этот порядок является неизменным для всех детей.

Первый период развития назван Пиаже сенсомоторным, поскольку в возрасте до двух лет дети знакомятся с миром в основном посредством ощущений — рассматривания, хватания, сосания, кусания, жевания и др.

Второй период — конкретных операций, включает в себя две стадии: дооперационную и операционную. Первая стадия — дооперационная, характерна для возраста от двух до шести лет. В этом возрасте дети формируют понятия и пользуются символами, но делают это, опираясь на свой опыт. В отличие от взрослых, дети могут видеть происходящее только со своей точки зрения (эгоцентризм) и сосредотачиваться на одном отношении за раз (центрация). Зачастую ребенок не может продумать последствий конкретной цепи событий. В начале этой стадии дети настолько серьезно относятся к названиям, что порой не могут отделить их буквальное значение от сути этой вещи. Так, ребенок может называть воду в кружке «пить», а воду в ванной другим словом, которое означает в его лексиконе «купаться».

В тех случаях, когда происходящее явление не вписывается в имеющийся у ребенка опыт, он может прибегнуть к «магическим»

представлениям о причинах и следствиях — например, предпринять попытку «заклинания» автобуса, чтобы он скорее приехал. Также мышлению детей этого возраста свойственен «анимизм» (лат. «*anima*» — душа) — одушевление окружающих предметов. Например, ребенок может решить, что лифт «рассердился» на него и потому захлопнул дверцей полу его пальто. На этой стадии ребенок зачастую испытывает затруднения при классифицировании объектов и понятий.

На второй стадии — операционной (от семи до одиннадцати — двенадцати лет) дети начинают использовать в мышлении логику, классифицировать объекты по нескольким признакам. Мышление ребенка на этой стадии учитывает иерархию классов. Так, машина — это большая группа, внутри которой есть подгруппы марок автомобилей, да и внутри этих подгрупп могут быть еще более мелкие подгруппы. Логические операции успешно применяются к действиям с конкретными объектами.

Третий период — формальных операций, от двенадцати лет или чуть позже. Мышление подростка развивается настолько, что он в состоянии оперировать абстрактными понятиями, не опирающимися на наглядные образы. Подростки не только в состоянии думать и рассуждать о свободе, любви, справедливости; они могут строить свои умозаключения и выдвигать гипотезы, рассуждать по аналогии и метафорически, обобщать и анализировать свой опыт.

В созданной Ж. Пиаже теории когнитивного развития обозначены различия между формой и содержанием познания. Содержание детского познания — все то, что приобретается благодаря опыту и наблюдению. Форма познания есть специальная структура мыслительной деятельности человека. Как говорит Пиаже, человек усваивает то, что его окружает, но он усваивает это соответственно своей «умственной химии». Познание реальности всегда зависит от господствующих умственных структур. Одно и то же знание может быть разного достоинства в зависимости от того, на какие мыслительные структуры оно опирается. Важнейшим педагогическим принципом для Пиаже является признание ребенка «активным исследователем», который постигает мир согласно своей собственной умственной структуре.

Изучая развитие мышления, Пиаже указал на взаимодействие морального чувства с развивающимися мыслительными структурами и

постепенно расширяющимся социальным опытом ребенка. Развитие морального чувства по Пиаже осуществляется в две стадии. На стадии нравственного реализма дети уверены, что существующие нравственные предписания абсолютны и степень нарушения этих предписаний прямо пропорциональна количественной оценке происшедшего. Так, ребенок будет считать девочку, накрывавшую на стол и нечаянно разбившую двенадцать тарелок более виноватой, чем девочку, намеренно разбившую только две тарелки в порыве гнева на сестру (по примеру Пиаже). Позже дети достигают стадии нравственного релятивизма. Теперь они понимают, что существующие правила в некоторых ситуациях могут значительно корректироваться и нравственность поступка зависит не от его последствий, а от намерений. Эту теорию Пиаже о двух стадиях нравственного развития значительно развил Лоуренс Кольберг (см. ниже).

Э. Эриксон

Э. Эриксон ^[7]. Одной из немногих концепций возрастной периодизации всей жизни человека, а не только детства, является эпигенетическая концепция Эрика Эриксона. Эриксон рассмотрел развитие человека в связи с его отношениями с близкими людьми. Исследуя стили материнского поведения, ученый показал, что они определяются тем, что именно ожидает от ребенка в будущем та социальная группа, к которой он принадлежит. По мнению Эриксона, на каждой стадии возрастного развития общество выдвигает определенные ожидания в отношении человека. Таким образом, каждому возрасту свойственна определенная задача. Однако успешность решения этой задачи зависит как от уровня развития личности, так и от духовной атмосферы общества и условий жизни этого человека (отсюда и название — психосоциальная модель развития личности). Рассматривая развитие личности как динамический процесс, продолжающийся от рождения до смерти, Эриксон считал, что важнейшее значение для психики человека имеет упорядочивание и интегрирование собственного жизненного опыта — синтез эго. Сквозная задача, пронизывающая всю жизнь человека, — обретение идентичности.

Идентичность — это тождественность человека самому себе. Это твердо усвоенный и принимаемый самим человеком целостный образ себя в самых разных жизненных обстоятельствах. Идентичность — это прежде всего показатель зрелой (взрослой) личности, истоки и тайны организации которой связаны с предшествующими стадиями развития. Приобретение идентичности как целостности своего «я» происходит между двумя полюсами развития — позитивным и негативным. Развитие личности — борьба этих крайних возможностей.

В каждом возрасте человек должен делать выбор между двумя альтернативными фазами решения возрастных и ситуативных задач своего развития. Если побеждает продуктивное направление, тогда у человека развиваются его сильные качества или основная способность самотождественности. Если человек развивается в деструктивном направлении, то возникает патология данного возраста, ослабляющая

чувство самоидентичности, человек становится все менее адекватен самому себе. Эриксон выделил восемь стадий жизни человека и представил свойственные каждой стадии «полюса», между которыми формируется личность.

На первой стадии — младенчество (от рождения до года — полутора лет). По тому, какой уход получает малыш в этом возрасте, он «решает»: заслуживает этот мир доверия или нет. Если развивается доверие (в противовес недоверию), то у младенца рождается первое базисное качество психики — надежда. В противном случае ребенок решает, что жизнь непредсказуема и не заслуживает доверия. Полюса: доверие — недоверие.

Вторая стадия — ранний возраст (от полутора до четырех лет). На этой стадии ребенок решает задачу формирования своей самостоятельности (автономии и независимости). Ребенок учится управлять своим поведением. Негативный вариант развития — либо гиперопека, либо отсутствие поддержки и доверия со стороны взрослых, приводящие ребенка к неуверенности в себе, сомнению в своих действиях. Если близкие взрослые проявляют разумную дозволенность, не торопят ребенка, поддерживают его стремление к самостоятельности, то задача возраста решается положительно. Из противостояния автономности и сомнения рождается воля.

Третья стадия — детство (от четырех до шести лет). На этой стадии решается альтернатива между инициативой и чувством вины. Дети в этом возрасте узнают, как устроен мир и как можно на него воздействовать. Если их исследовательская активность поощряется взрослыми, то ребенок обретает чувство инициативы. Если взрослые ограничивают возможности ребенка, чрезмерно строго критикуют и наказывают его, то он привыкает чувствовать себя виноватым. Положительным приобретением этого возраста Э. Эриксон называет целенаправленность.

Четвертая стадия — школьный возраст (от шести до одиннадцати лет). Основной вопрос этого периода: могу ли я стать настолько умелым, чтобы выжить и приспособиться к миру? В этом возрасте дети развивают многочисленные навыки и умения в школе, дома и среди своих сверстников. В негативном варианте, если ребенок не получает удовольствия от работы и учебы, не испытывает гордости за то, что хотя бы что — то он умеет делать хорошо, если его усердие не

подкрепляется взрослыми, он осознает себя неумелым и бесполезным. Из противостояния трудолюбия и чувства неполноценности должно родиться позитивное приобретение этой ступени — умелость, компетентность.

Пятая стадия — отрочество (от одиннадцати до двадцати лет). До этого возраста человек узнал целый ряд разных ролей — ученика, сына, друга, спортсмена и т. п. В этом возрасте важно разобраться во всем многообразии своих проявлений и интегрировать их все в одну идентичность — кто я? каковы мои взгляды, убеждения, позиции? Для такой интеграции нужно найти некие основания, которые охватили бы все эти роли. В подростковом кризисе идентичности заново встают все пройденные критические моменты развития, и подросток сознательно решает, значимы ли для него предыдущие возраста. Тогда социальное доверие к миру, самостоятельность, инициативность создают новую целостность личности — идентичность. Принимая идентичность в противовес смещению ролей, человек обретает верность.

Шестая стадия — молодость (от двадцати одного года до двадцати пяти лет). Основные задачи возраста — поиск спутника жизни, желание тесного сотрудничества с другими: могу ли я полностью отдать себя другому человеку? Уверенный в своей идентичности молодой человек проявляет психологическую интимность, душевную теплоту, понимание, доверие. Человек, не уверенный в своей идентичности, избегает близких отношений, его отношения с другими становятся безликими и стереотипными, он приходит к изоляции. Принимая близость в противовес изоляции, человек обретает любовь.

Седьмая стадия — зрелость (от двадцати пяти до пятидесяти — шестидесяти лет). Этот этап жизни связан с решением противоречия между способностью к развитию и личностным застоем: что я могу предложить будущим поколениям? Поднимаясь над уровнем идентичности, обращая больше внимания на нужды и проблемы других людей, человек позитивно решает свою задачу развития. Неудачи при разрешении предыдущих конфликтов часто приводят к поглощенности собой: излишней озабоченности своим здоровьем, стремлению непременно удовлетворить свои потребности, уберечь свой покой. В этом случае происходит личностное опустошение. В противостоянии творчества и застоя должно родиться положительное качество — забота.

Восьмая стадия — старость (свыше шестидесяти лет). Весь предыдущий жизненный опыт человека ставит перед ним вопрос: доволен ли я прожитой жизнью? Если человек, оглядываясь на прожитую жизнь, осознает глубинный смысл того, что было, он принимает свою жизнь целиком, такой, какая она есть. Но если жизнь кажется ему напрасной тратой сил и чередой упущенных возможностей, у него возникает чувство отчаяния. Из противостояния целостности (интеграции) и разочарования (отчаяния) должна родиться мудрость.

Предложенная Э. Эриксоном схема периодизации названа эпигенетическим ансамблем, в котором одновременно со — присутствуют все возрасты. Переход от одного возраста к другому вызывает кризисы идентичности. Кризисы по Эриксону — это поворотные пункты, моменты выбора между прогрессом и регрессом, интеграцией и задержкой. Ни один прожитый человеком возраст не проходит бесследно, поскольку ни одно кризисное противоречие возраста не может быть окончательно разрешено прижизненно.

Описывая развитие человеческой психики, Э. Эриксон признает неисчерпаемость научными методами этой реальности и потому не придает своей концепции характера жесткого каркаса. Так, он пишет, что последовательность возрастов и порядок их смены не есть непреложный закон развития каждого человека. Во — первых, в каждой точке развития существует возможность возрастного регресса, или «растительного» существования («вечные юноши» и «седовласые младенцы»). Во — вторых, личная биография, заведомо не совпадающая с нормативным представлением о развитии, открывает возможности не только для остановки и регресса развития, но и для трансцендирования собственного возраста, выхода за рамки жизненных представлений о возрасте (поэтому мы говорим иногда об «отроках, мудрых, как старцы», или о «взрослой ответственности иных юношей»). Таким образом каждому возрасту указываются не какие — то определенные, свойственные ему нормы, а высшие возможности достижения для данного возраста.

Протоиерей Василий Зеньковский

В.В. Зеньковский [8]. Возрастная периодизация детства, предложенная профессором психологии В.В. Зеньковским основана на рассмотрении влияния духовного начала в человеке на развитие души и тела, которые Зеньковский называет эмпирией.

Определяя образ Божий в ребенке как духовное начало его личности, Зеньковский показывает, как по — разному проявляется эта «божественная искра» в каждом возрасте. По мысли профессора Зеньковского, смена возрастов связана именно с изменением проявлений зреющего духа в его эмпирии. Источником развития является устремление духовного начала к выражению в материальной жизни человека, которая подчинена путям духа. В соотношении этих двух сфер в каждый период земной жизни и определяется неповторимая судьба каждого человека, его крест.

«Путь человека определяется не простой сопряженностью духа и психофизической стороны, но в нем обнаруживается своя — для каждого человека особая — закономерность, которую зовут „судьбой“, которая в христианстве именуется „крестом“. В глубине личности скрыта причина своеобразия, неповторимости ее, скрыт, однако, и ее крест, который, говоря формально, есть не что иное, как логика духовного развития данного человека. Каждый человек приносит с собой в мир свои задачи, которые он должен решить в своей жизни; и эти задачи, связанные с духовными особенностями человека, остаются одними и теми же, независимо от условий, в которых человек живет, — иначе говоря, они могут и должны быть решены в любых условиях жизни... Логика жизни связана не с внешними событиями, а с внутренними задачами, с духовной стороной жизни. В биографии каждого человека... надо уметь видеть сквозь внешнюю цепь событий в жизни человека ту последнюю глубину, в которой раскрывается крест человека — его духовные задачи, логика его духовного пути. Реальность нашей свободы не снимает силы этой данности нам креста... Мы свободны в том, возьмемся ли мы за выполнение своей задачи... но неснимаемость „вписанного“ в нас креста есть предел

нашей свободы, есть свидетель нашей зависимости от Бога, каждому дающего его крест» (23, 53).

Отмечая, что каждому человеку не только дана, но и задана его личность, Зеньковский пишет, что, обычно к зрелому возрасту, человек начинает осознавать общую связность и внутреннюю логичность своей жизни. Определение внутренних задач собственной жизни, понимание того, как они могут быть решены в данных условиях «моего» существования и является, по мысли Зеньковского, основной темой духовной жизни человека.

Период, предшествующий зрелости, Зеньковский называет детством и рассматривает его в широком смысле, захватывая юность. Характеристика каждого периода детства приводится Зеньковским в соответствии с тем, как развивается духовная жизнь в различные периоды детства.

Раннее детство (от рождения до шести лет). «Дитя медленно, шаг за шагом овладевает своим телом, приобретая тем волевой опыт, раскрывающий перед ним путь свободы, столь связанный с волевой сферой» (23, 105). В раннем детстве дитя свободно, но еще не ответственно, это как бы прообраз святости, которая свободна, но «безответственна» ввиду полной связи с Богом.

Овладение физическими навыками в раннем детстве, развитие интеллекта, влияние культурного наследия создают условия дальнейшего развития в эмоциональной сфере ребенка. Разобраться в своих чувствах ребенок еще не может. Огромное значение в душевной работе ребенка принадлежит воображению, с этим связано центральное явление в раннем детстве ребенка — игра. «В игре дитя устремлено к реальности, но свободно от ее давления», — и это важно для того, чтобы первая в жизни человека деятельность носила характер свободного творчества, помогающего проникать в смысловую сферу происходящего. В этом возрасте уже проявляется «вкус ко злу», но «греховное» в жизни ребенка занимает дальнюю периферию его существования. Больше место занимает осмысление природы, человеческих отношений, «вживание» в духовный мир. «Дитя дышит дыханием бесконечности — просто, беспечно, наивно, но и непосредственно, живо, глубоко. Оно набирается на всю жизнь безмолвных, но творчески действующих в нем интуиций» (23, 111). Происходит напитывание внутренней духовной составляющей

растущей личности. Сознание ребенка мало связано с этим процессом, и постепенно происходит смещение интереса к внешнему миру.

Второе детство (от семи до одиннадцати лет). В этом возрасте происходит духовный поворот к миру. «Наступает пора реализма, трезвости, пора приспособления к миру и людям — и духовная жизнь... сразу мелеет» (23, 114). Она в этот период становится более определенной и понятной ребенку через моральную сферу. Ребенок воспринимает идеи и представления о «законе», «норме», «долге». В этом возрасте оформляются моральные идеи и правила. Зеньковский подчеркивает, что для ребенка естествен гетерономный характер моральных установок, то есть данных не обществом или людьми, а имеющих иной источник своего происхождения. Перемещение духовных интересов к миру отражается на творчестве детей, оно становится более схематичным и менее образным, «поток творчества входит в определенные берега».

Вся устремленность ребенка направлена к тому, что «нужно» делать, в наслаждении в приспособлении, послушании и следовании авторитетам, в «радостном отказе от случайностей своих моральных выдумок в пользу правил и идей, воплощаемых в ярких героических образах». Характеризуя религиозное сознание второго детства, Зеньковский показывает удивительный парадокс — духовная чуткость к горнему миру слабеет, но вместе с тем дети просто и естественно переходят к религиозной активности. В этом возрасте естественным и приятным для ребенка становится посещение храма, помощь в прислуживании в нем, выполнение обрядов и соблюдение церковных требований.

Отрочество (от двенадцати до шестнадцати лет). Напитавшись «погружением» в порядок природы, социальной и моральной жизни, ребенок испытывает порой некоторое телесное и психическое увядание. Ослабевают память, внимание, отходят прежние интересы, происходит отторжение от всего того, чего хотят окружающие. Так начинается беспокойная и противоречивая пора полового созревания. Сила пола, доселе действующая скрыто и неполно, в пубертате заявляет о себе во весь голос. «Эта сила властно и нетерпеливо опрокидывает привычки, сложившиеся вкусы, толкает куда — то вперед, мутит и волнует душу, бросая ее из одной крайности в другую. Внутреннее беспокойство, часто противоречивые желания, бурное

проявление капризного „своеволия“, желание действовать вопреки правилам и собственным привычкам, упрямство и молодая заносчивость... — все это показывает, что душа подростка совершенно отошла от трезвости и реализма, от следования правилам и от приспособления к порядку...» (23, 117).

Но в этом периоде растущий человек по — новому обращается к своему внутреннему миру. Душа вновь осознает себя перед лицом безграничной перспективы, которая, в отличие от раннего детства, осознается уже не вне, а внутри самого человека. В этом обращении к своему внутреннему миру подросток может одинаково выказать как начатки страстных порывов к самопожертвованию, так и проявления неприкрашенного эгоизма. Отрицание существующих устоев и проявление своеволия в этом возрасте — вторичны, сутью является отрицание практического разума и «непосредственное упоение набегаящими влечениями, импрессионизм» (23, 118).

Юность (после шестнадцати лет). Это последний возраст детства, синтетически соединяющий все предыдущие периоды с тем, чтобы дать возможность личности вступить в фазу зрелости. В этот период происходит единение внешних увлечений и внутреннего вдохновения, энтузиазма и доверчивого отношения к миру и людям. Уже найдено, хотя и интуитивно, равновесие между эмпирическим и духовным составом человека. В.В. Зеньковский много работал с молодежью этого возраста и в своей книге с особой любовью характеризует этот период. «От юности всегда веет гениальностью... ибо здесь духовный мир действительности одухотворяет и согревает эмпирический состав человека. Этот духовный мир не оттеснен „приспособлением“ к жизни, он свободен и полон того дыхания бесконечности, которое выражено так полно, ясно и пленительно именно в юности» (23, 122).

Вдохновение юности, по мысли Зеньковского, есть художественный замысел, предваряющий творческую работу. Но к детству этот период отнесен в связи с тем, что юность ограничена, она редко сознает, чем на самом деле живет ее душа. В этой духовной слепоте обнаруживается несовершенство юности и вся трагическая неустроенность человека, общая повинность греху в мире. «Именно в юности, несмотря на ее подлинную доверчивость и легкость любовного отношения ко всем людям, по контрасту становится особенно ясно, что личность... несет в себе начало разрушительное в

своей социально — духовной слепоте, в нечувствии своего действительного, но закрытого для сознания единения с другими людьми...» (23, 125). Вступая во взрослый возраст, человек воочию сталкивается с повреждённостью собственного человеческого естества. Для верующей души становится совершенно очевидно, что никакие культурные, социальные и иные человеческие институты не в силах помочь ему в преодолении этой повреждённости, глубинной разобщённости её со всем остальным миром. Понимание и признание того, что только в лоне Церкви возможно преодоление тёмной преграды между Богом и собой, позволяет человеку в возрасте юности вступить в действительно взрослую жизнь.

Завершая рассмотрение возрастной периодизации детства, предложенной В.В. Зеньковским, стоит отметить, что попытки выявления духовных основ возрастов жизни человека были предприняты в XX веке еще несколькими авторами. Наиболее известна возрастная классификация жизненных задач, обусловленных «развитием духа» в человеке, предложенная немецким антропософом Р. Штайнером. В книге Зеньковского В.В.(23, 61) дана характеристика учения о человеке в антропософии в свете христианской антропологии. Приводя критический анализ антропософского учения, В.В.Зеньковский подчёркивает, что оно абсолютно не связывает духовное развитие человека с благодатной помощью свыше, всецело опираясь на т. н. естественную духовность, повреждённого грехом человека. Это позволило В.В.Зеньковскому назвать антропософию «учением о тёмной духовности в человеке». В силу ряда обстоятельств концепция духовного развития личности, предложенная В.В. Зеньковским, осталась практически неизвестной европейским психологам. В этой связи те из них, кто признает существование духовной составляющей в личности человека, обычно обращается к наследию Р. Штайнера. Так, например, цитируемый далее в книге Бернар Ливехуд (14), описывая закономерности развития психики взрослого человека, упоминает антропософские идеи Р. Штайнера. На наш взгляд, честный поиск истинных причин происходящих в человеке изменений, который предпринимал в своей многолетней психологической практике Б. Ливехуд, позволяет нам воспользоваться результатами его работы.

Л. Кольберг

Л. Кольберг ^[9]. Исследуя развитие образа морального суждения у детей, подростков и взрослых, Л.Колберг предлагал им серию коротких рассказов, каждый из которых имел некоторую моральную дилемму. Испытуемым приходилось делать выбор, как поступить в описанной ситуации и обосновать свой выбор. Анализируя эти ответы, Л. Колберг выявил определённую закономерность — развитие моральных суждений зачастую зависит от возраста. В этой связи психологом было высказано предположение о том, что моральные установки в психике человека, развиваясь, проходят определённые стадии. Так как всё многообразие ответов испытуемых в целом распределилось по шести направлениям, то и были обозначены эти шесть стадий. Их анализ позволил сделать вывод о том, что в своих моральных суждениях человек руководствуется либо принципами собственного психологического комфорта — избегания наказания или получения выгод — (Колберг назвал этот уровень предконвенционным), либо принципами «видимого» соглашения — с тем, чтобы чувствовать себя комфортно в социуме (конвенционный уровень), либо формальными моральными принципами — моральные суждения основаны на определённой идеологии (послеконвенционный уровень). Таким образом стадии морального развития могут быть представлены следующим образом:

I. Предконвенционный моральный уровень.

Первая стадия — ориентация на наказание и послушание.

Вторая стадия — наивная гедонистическая ориентация.

II. Конвенционный моральный уровень.

Третья стадия — ориентация на поведение хорошей девочки\хорошего мальчика Четвертая стадия — ориентация поддержания социального порядка.

III. Послеконвенционный моральный уровень.

Пятая стадия — ориентация социального соглашения.

Шестая стадия — ориентация на универсальные этические принципы.

Возраст, в котором ребенок переходит на следующий уровень, индивидуален, хотя некоторые закономерности есть. Дети, обучающиеся в начальной школе, как правило, находятся на предконвенционном моральном уровне. Они ориентируются на авторитет, верят в абсолютность и универсальность ценностей, поэтому понятия добра и зла они перенимают от взрослых.

Подходя к подростковому возрасту, дети, как правило, переходят на конвенционный уровень. При этом большинство подростков становятся «конформистами»: мнение большинства для них совпадает с понятием добра.

Переживаемый подростками негативный кризис, не считается нравственным деградацией — он показывает, что подросток переходит на более высокий уровень развития, включающий в свое внимание социальную ситуацию. При этом часть подростков находится на стадии «хорошего мальчика», другие же достигают стадии «поддержания социального порядка».

Однако существуют ситуации, когда и в подростковом возрасте (а порой и позже!) человек не достигает конвенционного уровня, он продолжает руководствоваться принципами исключительно собственного психологического комфорта. Происходит это в силу различных причин, чаще целого комплекса — недоразвития интеллектуальной сферы, неразвитости коммуникативного умения и др. Проведенные Фрондлихом в 1991 году исследования по материалам Колберга показали, что 83 % правонарушителей — подростков не достигли конвенционного уровня развития.

Переход к третьему, по Колбергу, уровню морального развития, для наиболее быстро развивающихся детей бывает в 15–16 лет. Этот переход вначале кажется регрессом совести. Подросток начинает отвергать мораль, утверждать относительность нравственных ценностей, понятия долга, честности, добра становятся для него бессмысленными словами. Он утверждает, что никто не имеет право решать, как другому следует себя вести. Такие подростки часто переживают кризис потери жизненных смыслов. Результатом переживаемого кризиса является личное собственное принятие каких — то ценностей. При этом следует заметить, что далеко не все люди в своей жизни достигают этого уровня автономной совести. Часть людей

до самой смерти находится на конвенционном уровне развития, некоторые не достигают даже и его.

Уровни принятия морали

Подводя итоги этого раздела, исходя из многолетней практической работы с детьми разных возрастов, а также опираясь на исследования различных психологов и педагогов: протоиерея Василия Зеньковского, Софьи Куломзиной и других, в соответствии с концепцией Кольберга, мы также выделим три уровня в нравственном восприятии детей (вновь подчеркивая мысль, что личность человека как образа Божия свободна и таинственна в своей духовной жизни, поэтому любые классификации могут описать нравственное развитие человека лишь схематично, условно, весьма приблизительно). При этом в каждом уровне можно выделить по две стадии.

Уровень принятия морали авторитета.

Первая стадия — принятие морали родителей.

Вторая стадия — принятие морали учителя.

Уровень принятия морали социума.

Третья стадия — принятие морали сверстников.

Четвертая стадия — принятие морали общества.

3. Уровень автономной совести.

Пятая стадия — сомнение в существующих нравственных ценностях.

Шестая стадия — собственный выбор системы ценностной иерархии.

Попытаемся осмыслить записанную схему с точки зрения христианской антропологии. Каждая человеческая личность обладает даром свободы выбора, но чтобы этим даром воспользоваться, человек должен впитать, пережить то, что он будет выбирать. Сначала ребенок живет взглядами родителей на то, что хорошо и что плохо. Затем он принимает в свою душу мнения учителей, потом мораль сверстников и, наконец, всего общества. И вот тут — то наступает кризис, он вдруг отвергает все и сомневается во всем. Но этот кризис неизбежен: чтобы сделать свободный выбор, человек должен отодвинуть от себя все, что предлагали ему другие.

Напомним, что по Кольбергу для наиболее быстро развивающихся детей этот кризис наступает в пятнадцать — шестнадцать лет.

III. Все возрасты человеческой жизни

Приступая к основному разделу данного пособия, где авторы предлагают собственное понимание того, как рассматриваемые концепции возрастной периодизации могут быть применимы к воспитанию в свете православной антропологии, во — первых, мы еще раз повторим: личность человека как образа Божия свободна и таинственна в своей духовной жизни, поэтому любые классификации могут описать нравственное развитие человека лишь схематично, условно, весьма приблизительно. Личность человека принципиально не может быть вписана ни в какие определения или схемы.

Во — вторых, отметим главную особенность, характеризующую авторскую возрастную периодизацию, — здесь рассматриваются все возрасты человеческой жизни.

Наследство

Характерная ситуация из жизни двухлетних малышей. Мальчик старательно строит в песочнице крепость. Два других малыша долго наблюдают за тем, что он делает. Наконец, один из них решается и начинает неуклюже помогать, но тут второй внезапно подбегает и разрушает песочные строения, топча их ногами. Кто и когда научил этих детей таким разным, противоположным, действиям: одного — разрушать, другого — строить? Таких примеров можно привести множество. Безусловно, рождающиеся дети не являются «чистой доской», каждый из них приносит в жизнь свое «наследство». Каково же это наследство?

В Библии говорится, что Бог являет милость в тысячи родов, но наказывает детей за грехи отцов до третьего и четвертого рода: ...Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину, и преступление, и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей, до третьего и четвертого рода (Быт. 34, 6–7). Быть может, Божие наказание детей за грехи родителей и выражается в наследии склонности к греху, опутывающей душу ребенка с самого рождения? Но через тысячи родов тянутся к нему и ниточки возможных добродетелей. При этом каждый человек обретает во Христе свободу разорвать путы греха и сделать свою жизнь путем к Богу... или не сделать.

Зачатие

Браки, как известно, благословляются на небесах, а человеку, вступающему во взрослую жизнь, предоставляется свобода решать: как он будет вести себя до брака, когда, с кем и как он заключит брачный договор, как совершится зачатие его будущего ребенка. И во многом от его решений будет зависеть, каким родится его будущий ребенок. Физическое единение мужчины и женщины, делая их единой плотью, дает возможность рождения новой жизни. Потому так значимы духовные и нравственные установки вступающих в брак молодых людей. Ибо их духовное состояние во многом определит особенности той жизни, которую они могут зачать ^[10].

Рассуждая о психологической готовности молодых людей к близким отношениям, врач, психолог и многодетная мать Франсуаза Дольто пишет: «Я нахожу ужасным, когда молодым людям рассказывают о противозачаточных средствах, но никогда, никто не говорил им о благородстве зачатия...» (6). Для Франсуазы Дольто зачатие является встречей, встречей не вдвоем, а втроем.

Любая духовно богатая культура имеет в своем арсенале обряды сугубой подготовки к таинству зачатия. В прежние времена в православной России благочестивые муж и жена «в супружеские отношения вступали помолясь» (29, 83). Все страстное по возможности было удаляемо из супружества. «Сначала зажигали лампы перед всеми иконами и служили специальный молебен, и только потом уединялись исключительно для деторождения. Причем было заведено так строго, что они друг друга не видели. Таково было зачатие нового человека...» (там же). С другой стороны, Иоанн Златоуст писал: «Не лишайте себя друг друга, точию по согласию. Что это? „Да не уклоняется, говорит он (апостол Павел — ред.), жена против воли мужа, и муж против воли жены“. Почему? Поелику от сего воздержания рождаются великие бедствия, ибо часто отсюда рождаются и прелюбодеяния, и блудодеяния, и расстройство домов». Какую точку зрения принять, решать супругам. Но, наверное, принцип любви должен быть основой супружеских отношений.

Во второй главе Книги Бытия читаем: ...оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут двое одна плоть (Быт. 2, 24). Известно, что между мужчиной и женщиной, полюбившими друг друга, образуется некое духовное единение, которое со временем проявляется не только в духовной сфере, но даже и в физическом отношении. Например, между супругами, много лет прожившими в браке, можно заметить некоторое сходство, довольно неопределенное, но тем не менее существующее.

В Священном Писании и Преданиях основной целью христианского брака и обозначается создание духовного единения. «Христианский брак — не только земной, плотский союз, но вечные узы, которые не распадаются и тогда, когда тела наши станут „духовными“ и когда Христос будет „всяческая во всех“, — пишет протоиерей Иоанн Мейендорф в книге „Брак в Православии“ (43). В этой же книге, опираясь на тексты Евангелия, автор показывает, что Новый Завет создал новое понятие о браке. „Христианин призывается уже в этом мире воспринять новую жизнь, стать гражданином Царства, а идти по этому пути он может в браке. В таком случае брак перестает быть простым удовлетворением временных природных потребностей и гарантией иллюзорного выживания через потомство“ (43, 11). Определяя существенную разницу в христианском и ветхозаветно — иудаистском понимании брака как имеющего значение только для продолжения рода, автор пишет, что „нигде — ни в Евангелии, ни у Апостола Павла, ни в святоотеческой литературе — мы не найдем оправдания брака детьми. В своей великолепной 20-й гомилии на Послание к Ефессянам святой Иоанн Златоуст определяет брак как „союз“ и „тайну“ и лишь изредка упоминает о деторождении“ (там же, 44).

Однако брак, в котором дети нежелательны, основан на поврежденной эгоистической и похотливой любви. Отказываясь от своего родительского предназначения, человек не только отвергает заповедание своего Творца, но искажает свое собственное естество. Отказ от желания подражать Творцу жизни и Отцу всяческих приводит человека к невозможности сохранять в себе образ и подобие Божие. Так высоко и благородно понимание зачатия новой человеческой жизни в христианстве.

Пренатальный период

Чудо свершилось... Произошло зарождение новой жизни. Она еще неощутима и пребывает в сокровенной глубине материнского лона, ее еще невозможно увидеть даже при помощи специальных приборов, но она уже есть, она уже на земле, с нами. Проходит время, ребенок в лоне матери постепенно возрастает, его уже можно наблюдать, он уже явственно заявляет о себе и очень многое воспринимает извне. Пребывание в материнской утробе питает ребенка с первых дней не только физически, но и интеллектуально, и духовно. Подтверждение тому можно найти в обычаях и традициях любого народа. Практически каждая культура имеет свои правила, регламентирующие поведение беременной женщины, и даже поведение ее ближайших родственников, в первую очередь — мужа.

Духовное воспитание. Сегодня науке известно, что физическое существование матери и ребенка в утробе не вполне едино. Это как нельзя лучше подтверждается мнением святых отцов Церкви о самостоятельной духовной жизни ребенка в лоне матери.

Уже много веков назад святые отцы учили, что ребенок в утробе матери живет своей собственной духовной жизнью. В агиографической литературе есть множество тому подтверждений. Вот как пишет архимандрит Никон о преподобном Сергии Радонежском в «Житии и подвигах Преподобного Сергия, Игумена Радонежского и всея России Чудотворца»: «В воскресный день в храме на литургии младенец трижды возгласил во чреве матери: перед чтением Евангелия, во время пения Херувимской песни и при возгласе „Святая святым“. Младенец прежде рождения явил всем знамение, что он будет служителем Святыя Троицы. Мы знаем, что пророка Иеремию Бог от чрева Матери предъизбрал и освятил, также и пророка Исаию. А Предтеча Иоанн еще во утробе Матери возопил: Прииде Мати Господа моего ко мне (Лк. 1, 44). Господь досточудно еще до рождения Преподобного явил ему Свою благодать и промышление».

В заключение описания этого знамения архимандрит Никон замечает: «Мать его, сознавая, что носит во чреве будущего подвижника благочестия, соблюдала душу и тело в чистоте и

воздержании, молитве и уединении». А далее следующий вывод: «Родители могут еще до рождения детей своих сообщить задатки добра...»

Повторим и мы вслед за архимандритом Никоном еще один вывод: духовная жизнь ребенка во чреве матери, хотя и самостоятельна, тем не менее во многом зависит от материнской. Ян Коменский, создатель «Великой Дидактики», также писал о том, что «лишь только мать заметит, что Бог, Творец всего, начал в ее утробе творить ребенка, с этого момента она будет предаваться благочестию более, чем прежде, обращаясь с горячими ежедневными молитвами к Богу» (8, 213).

Можно добавить еще, что как можно более частое посещение богослужения, слушание церковной музыки, а также пребывание на природе, которая является Божиим творением, также оказывают большое положительное влияние на становление духовной жизни ребенка.

Психологическая характеристика. Душевная жизнь ребенка в этот период также очень насыщена. Направленная на него материнская любовь создает благодатные условия для развития душевных сил ребенка, протягивает между ним и матерью невидимые нити будущего взаимопонимания и любви. Внутренний покой матери, ее ощущение, что растущая внутри нее жизнь — самое главное, что есть в мире, дают силы ребенку на всю его жизнь. Ребенок нуждается в постоянном внимании матери к нему. Хорошо читать ребенку сказки, разговаривать с ним. Воздействует на ребенка, безусловно, и состояние матери.

Ни в коем случае будущая мать, нося во чреве ребенка, в ответ на нападающее на нее извне зло не должна срываться на раздражение, тем более ненависть и т. п. Ребенок все чувствует. Например, врачи, фиксировавшие состояние ребенка во время искусственного прерывания беременности (аборта), отмечали, что ребенок предчувствует даже приближение смерти. При вводе инструмента он начинает метаться, у него повышается сердцебиение, он широко открывает рот, как бы в безмолвном крике. Каждая женщина обязана осознавать всю преступность такого рода деяния.

Физическое развитие. С физической точки зрения, зарождение человека — также событие уникальное. Чем глубже современная наука погружается в постижение биологических, генетических проблем

зарождения человеческой жизни, тем больший трепет охватывает исследователей. В процессе оплодотворения участвуют около трехсот миллионов мужских клеток, каждая из которых индивидуальна, в каждой клетке содержится своя, индивидуальная, информация о наследственных признаках человека, которому надлежит родиться (8), но только одна из такого невообразимого множества будет оплодотворена. Именно в ней содержится и информация, определяющая пол. Через четыре недели после зачатия начинает биться сердце зародыша, функционировать, хоть и в самой начальной стадии, его нервная система. И все это происходит с человечком, длина которого составляет всего четыре миллиметра. Бывает, что будущая мать в это время еще и не подозревает о его существовании.

На третьем месяце пребывания в материнской утробе в деснах малыша формируются зубки, начинают расти ногти на пальчиках. К двенадцатой неделе развиваются голосовые связки, начинается процесс превращения хрящей в кость. И хотя длина всего тельца в этот период составляет около восьми сантиметров, а вес около 14 граммов, маленький человек приобрел к этому времени все свои органы и системы.

Как уже было сказано выше, физическое существование матери и ребенка в утробе не вполне едино. Это подтверждает и наука. Кровеносная система у ребенка своя, отличная от матери, режим сна и бодрствования малыш зачастую определяет себе сам. Чтобы ребенок нормально развивался физически, в этот период особенно необходимо здоровое полноценное питание, нормальный режим отдыха и сна, прогулки на свежем воздухе, умеренная физическая активность и физкультура. Зафиксировано, что, начиная с семнадцатой недели, ребенок вполне реально слышит, поэтому с этого периода можно особенно развивать его музыкальный слух, слушая классическую или церковную музыку. Также хорошо с ним разговаривать, причем не только матери. Установлено, например, что после рождения ребенок способен узнать и голос отца. Естественно, слишком шумные компании, курение и алкоголь категорически запрещены.

Необходимо также отметить, что во время беременности нежелательны супружеские отношения. В духовном плане состояние родителей обуславливает и состояние ребенка в утробе. Как образно обратился к беременной мамочке один из московских священников:

«Хотите, чтобы родился человек страстный и невоздержанный — ведите себя подобно». Определяя равную ответственность обоих родителей за полноценное воспитание детей, Церковь учит, что «одним из путей реализации ответственного отношения к их рождению является воздержание от половых отношений на определенное время» («Основы Социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые Юбилейным Архиерейским Собором 2000 года, глава «Проблемы биоэтики», XII, пункт 3). В физическом плане супружеская близость во время беременности может привести к выкидышу.

Коснемся еще раз вкратце проблемы искусственного прерывания беременности (аборта). С древнейших времен Церковь рассматривает намеренное прерывание беременности как тяжкий грех. В Основы Социальной концепции Русской Православной Церкви читаем, что канонические правила Церкви приравнивают аборт к убийству... «В основе такой оценки, — говорится далее, — лежит убежденность в том, что зарождение человеческого существа является даром Божиим, поэтому с момента зачатия всякое посягательство на жизнь будущей человеческой личности преступно» (там же, пункт 2). «Православная Церковь ни при каких обстоятельствах не может дать благословение на производство аборта. Не отвергая женщин, совершивших аборт, Церковь призывает их к покаянию и к преодолению пагубных последствий греха через молитву и несение епитимии с последующим участием в спасительных Таинствах. В случаях, когда существует прямая угроза жизни матери при продолжении беременности, особенно при наличии у нее других детей, в пастырской практике рекомендуется проявлять снисхождение. Женщина, прервавшая беременность в таких обстоятельствах, не отлучается от евхаристического общения с Церковью, но это общение обуславливается исполнением ею личного покаянного молитвенного правила, которое определяется священником, принимающим исповедь» (там же).

Роды

Духовное воспитание. В «Практической энциклопедии молодой православной мамы» читаем: «Собираясь в роддом, нужно попросить священника прочесть специальные молитвы Христу и Божией Матери перед родами. Желательно взять с собой иконки, молитвослов, святой елей и святую воду». Роды — тяжелое испытание, поэтому их должна сопровождать усиленная молитва. Процесс родов и первые мгновения жизни ребенка на этом свете необыкновенно важны для формирования его личности. Также большое значение имеет состояние матери. Известно, что правильно воспринятые страдания много дают для духовной жизни. Особенно много дает восприятие страданий при родах. С кротостью воспринятые слова: в болезни будешь рождать детей (Быт. 3, 16), — позволяют воспринять страдания свои и ребенка как очистительные. Вместе с тем памятование евангельских слов: Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир (Ин. 16, 21), прибавит духовных сил роженице (12, 50–51).

Психологическая характеристика. Согласно новым исследованиям, сразу после родов ребенку очень много дает непосредственный контакт («кожа к коже») с матерью. В этом случае ребенка не пеленают и не уносят от матери, а кладут к ней на грудь или, если мать находится в тяжелом состоянии, отец берет его на руки и осторожно прижимает к себе. В некоторых странах современная система здравоохранения предполагает обязательное присутствие отца на родах или, в отсутствии отца, присутствие других ближайших родственников. Это связано как с созданием атмосферы психологической помощи роженице, так и с предупреждением многочисленных юридических казусов. Тех отцов, которые заявляют о своей неготовности к такому ответственному делу, специально готовят к этому. Так, в современной Австралии человек, готовящийся стать отцом, может пройти двухмесячный курс подготовки к присутствию на родах супруги. Соучастие в страданиях матери и рождении ребенка делает ощущение отцовства намного более полным и связывает всех

троих как ничто другое. В наше время не редкость, когда отцы признаются, что не любят своих детей, при этом часто они не осознают самого главного: как это страшно, что отцовство в них так и не пробудилось, что они лишены одной из основных духовных составляющих человеческой личности. Быть может, присутствие при родах не для всех мужчин приемлемо и возможно, но сопричастность к ответственнейшему моменту в жизни своего ребенка и супруги должна быть пережита для более полного пробуждения отцовских чувств.

Психологические исследования последнего времени говорят еще о том, что очень важно для формирования будущего человека, чтобы ребенок сразу при появлении на свет не только приложили к груди матери, но и дали возможность найти самостоятельно предмет кормления, то есть родившийся кроха, движимый инстинктом, не умея еще передвигаться, сам должен найти грудь и начать делать сосательные движения. Это первое достижение цели откладывает отпечаток на всю его дальнейшую жизнь, оно дает толчок к формированию сильного, готового преодолевать трудности характера. (Сосательный рефлекс у малыша проявляется еще в материнской утробе, современные медицинские технологии позволяют наблюдать, как на поздних месяцах беременности ребенок в утробе может, например, сосать палец).

Кроме того, первый телесный контакт ребенка с матерью способствует формированию механизма бондинга (от англ. bond — узы, оковы). Специалисты, изучающие влияние телесных контактов первых часов жизни младенца, установили удивительную закономерность — физиологические ощущения матери от прикосновения новорожденного обуславливают возникновение у нее целого комплекса психологических качеств. Главной характеристикой этих психологических качеств является появление привязанности к младенцу. Механизм бондинга используют в работе с матерями группы риска, теми, кто намерен после родов отказаться от воспитания своего ребенка. Женщина, на груди которой провел первые минуты или часы своей жизни ребенок, практически не в состоянии от него отказаться.

Физическое состояние. Специалисты сегодня много дискутируют о том, испытывает ли ребенок боль во время прохождения по родовым путям и собственно рождения. Дело в том, что в ситуации естественных родов в крови ребенка циркулирует большое количество

естественных болеутоляющих веществ — бета — эндорфинов. Возможно, поэтому многие младенцы сразу после родов проявляют повышенную восприимчивость и активность. Дети, которые при родах не подверглись действию анестезирующих веществ извне, около получаса после появления на свет в состоянии «общаться» со своими родителями, может быть, благодаря расходованию своего родового запаса бета — эндорфинов. Именно этот период — идеальное время для первых контактов.

Родовой кризис. Много написано о родовом кризисе. Для ребенка шоком является попадание в новую среду обитания, переход от водного к воздушному типу существования. Смена температуры почти на 20 градусов, действие атмосферного давления, смена типа дыхания, яркий свет, разлучение с матерью и т. п. — все это представляет большое испытание. Но именно переживание родового шока, по мнению специалистов, обеспечивает столь интенсивное развитие в первые годы жизни ребенка. Врачи, особенно в последние годы, всячески пытаются облегчить для ребенка первые моменты жизни. Например, довольно популярными стали роды в воду, во время которых состояние матери и ребенка несколько облегчается. Однако некоторые психологи считают, что при родах в воду необоснованное смягчение родового шока для ребенка лишает его той самой жизнестойкости, основу для которой он получает во время родового стресса. И эти дети, опережая своих сверстников в первые несколько месяцев, впоследствии испытывают некоторую задержку в развитии.

Во многих роддомах в наше время, к сожалению, до сих пор бытует практика, при которой ребенка несут к матери на кормление только на второй — третий день после родов, а до этого держат отдельно от нее, подпаивая из бутылочки сцеженным молоком других матерей. Дело в том, что в конце беременности и в первые два — три дня после родов молочные железы женщины вырабатывают так называемое молозиво, которое представляет собой желтую или серо — желтую клейкую густую жидкость. Ее — то и избегают давать младенцу при кормлении. Но в молозиве много минеральных веществ, ферментов, гормонов, антител, иммуноглобулина — А и макрофагов, обладающих защитными свойствами, а также лимфоцитов, синтезирующих иммуноглобулины. Все это способствует формированию иммунитета новорожденного. Многочисленные

диатезы, аллергии, дисбактериозы — далеко не полный перечень последствий пренебрежения молозивом.

Новорожденность

Родившись в этот мир, человек вступает в первый свой возраст — возраст новорожденности. Границы этого периода разнятся у врачей, физиологов и психологов. Различные авторы по — разному определяют этот период. Врачи наиболее часто к нему относят детей в возрасте до девяти — двенадцати дней. Это время, когда ребенок восстанавливает свой первоначальный вес. Дело в том, что в первые три — четыре дня жизни дитя теряет свой вес, а затем понемногу начинает его восстанавливать. Восстановление первоначального веса является для врачей сигналом того, что первый жизненный стресс ребенком преодолен благополучно. Интересно, что в Древнем Израиле обрезание мальчика осуществлялось на восьмой день. Может быть, это совершалось именно тогда, когда ребенок уже до некоторой степени «осваивался» в этой жизни и восстанавливал свой вес.

Духовное воспитание. Младенчество — возраст запечатления. Но запечатления чего? Сознание еще не поставило своих барьеров, и то, что ребенок видит, слышит, ощущает, ложится в самую глубину его души, становится фундаментом становления его личности. В течение первых недель жизни ребенка православные родители совершают главные церковные Таинства: крещения, миропомазания и причащения. Софья Куломзина пишет: «Этим Церковь, по — видимому, признает существование области подсознательного — более глубокого „я“, чем уровень сознания, и необходимость просвещения его. С точки зрения аскетической традиции нашей Церкви, „я“, которое мы осознаем, принимаем и даже в какой — то мере „творим“, — это лишь верхушка айсберга. Существует значительно большая часть души, которая нами не осознается, но которая активно влияет на нашу жизнь. Эта очень важная критическая глубина почти целиком формируется в младенчестве. В каком — то смысле последующая жизнь взрослого есть развитие полученного в детстве» (9, 34–35).

Относительно того, в каком возрасте стоит ребенка крестить, не существует строгих правил. Чаще всего крестят ребенка в возрасте сорока дней, когда мать воцерковляется после родов. Это делается для того, чтобы она могла присутствовать при крещении. Однако,

вспоминая о том, что обрезание было прообразом крещения и совершалось на восьмой день, можно предположить, что позволительно крестить ребенка уже и в этом возрасте. Если же родившемуся ребенку угрожает смерть, его крестят сразу после рождения.

Рождаясь, ребенок начинает видеть и слышать. Хорошо, если над кроваткой висят иконы, если он слышит прекрасные слова молитвы, читаемые мамой, еще лучше если они поются вслух. Природа, красотой своей прославляющая Творца, также духовно питает его: шелест листьев, пение птиц, журчание ручья — все это позволяет душе ребенка формироваться должным образом.

Старец Сампсон учил: «С первых дней мать кормит свое дитя, читая каждый раз „Богородицу“ или „Достойно есть“, пока ребенок ест. И так полтора года. Соблюдать строжайший пост, избегать всевозможных блудных вещей, жить только свято, тогда и ребенок вырастет христианином. Помните, все переживания матери передаются ребенку! Лишь когда она перестанет кормить, женщина может позволить себе отдых» (29, 84). Существует иконописный облик Пресвятой Богородицы, называемый «Млекопитательница», и чудотворные его списки, есть и молитва для кормящей матери, читаемая перед этим образом.

В Первом послании святого апостола и евангелиста Иоанна сказано: Бог есть любовь (1 Ин. 4, 8). Отражением этого Божественного свойства является любовь человеческая. Поэтому можно утверждать, что религиозное воспитание ведется в этом возрасте еще и через направленную на него любовь и заботу, через взаимную любовь между окружающими его людьми. Ребенок, в глубине подсознания которого есть память об этой любви, впоследствии намного легче воспримет весть о Боге, чем тот, у которого опыта такой любви нет. При этом любовь к ребенку должна проходить через призму осознания в нем образа Божия.

Выготский для характеристики каждого определенного возраста использует понятие ведущей деятельности. Мы введем понятие главной задачи каждого возраста и попытаемся понять, какая главная задача стоит перед человеком определенного возраста на его пути к Богу. Сразу скажем здесь, что главная задача возраста до трех лет — это запечатление любви.

Психическое развитие. Еще раз повторим, что для ребенка очень важно, чтобы сразу после рождения его не отбирали от матери, чтобы он постоянно был при ней. Тогда, имея ее не только внешнюю, но и внутреннюю, духовную и душевную, помощь, он будет развиваться быстрее. Светская наука, давая указания относительно содержания новорожденных в роддомах, где детей держат отдельно от матерей, не учла, конечно, жизни человеческой души, а ведь ее состояние определяет психическое и физическое здоровье и развитие младенца.

К моменту рождения ребенок уже обладает элементарной психикой. Он способен ощущать: видит, слышит, различает вкус и запах, чувствует прикосновение, давление и боль. Новорожденный способен выборочно останавливать взгляд на том, что привлекает его внимание. Л.С. Выготский выделяет три момента, характеризующих своеобразие психической жизни новорожденного: 1) преобладание недифференцированных, нерасчлененных переживаний, представляющих как бы сплав влечения, аффекта и ощущения; 2) неотделенность себя и своих переживаний от восприятия объектов окружения; 3) реагирование прежде всего на комплексные эмоционально окрашенные ситуации, нежели на отдельные ее элементы.

У новорожденного есть первичные потребности: в еде, тепле, движении. Есть потребности, связанные с функциональным развитием мозга, — потребности в новых впечатлениях. Постоянный приток новых раздражителей через анализаторы составляет необходимое условие нормального созревания мозга. Если ребенок попадает в условия «сенсорной изоляции» (отсутствие достаточного количества внешних впечатлений), его развитие резко замедляется.

В первые дни после рождения жизнь ребенка представляет своеобразное переходное состояние от внутриутробного к внеутробному существованию. Основное время суток ребенок проводит во сне. Когда новорожденный не спит, он легко впадает в раздражение. Перед кормлением он почти всегда беспокоен и раздражен. Сразу после кормления и между кормлениями он также может раскричаться. В то же время ребенок может совершенно внезапно успокоиться. Быстрые перемены настроения сохраняются и в последующие периоды жизни младенца.

Для ребенка в первые недели жизни совершенно нормально вздрагивать и вскрикивать при внезапных изменениях положения или же воздействиях на него. Подобные реакции обычно наблюдаются в ответ на резкие звуки, яркий свет, толчки кроватки или коляски, на быстрые, неожиданные, изменения положения.

Для психологов период новорожденности у ребенка завершается с появлением у него первых признаков психической деятельности. Эти признаки могут весьма различаться, но объединяет их общее наименование — комплекс оживления. Комплекс оживления — это многообразные проявления положительных эмоций, связанных с узнаванием взрослого человека. Именно первые признаки выражения радости как реакции на лицо и (или) голос взрослого (в первую очередь матери) подтверждают тот факт, что психика новорожденного работает. Узнавая взрослого, ребенок всем своим существом обращается к нему: улыбка, движение, издаваемые звуки — все свидетельствует о стремлении воздействовать на взрослого. Начало выстраивания взаимодействия с взрослым человеком завершает период новорожденности. Многие исследователи (4, 269) называют новорожденность переходным периодом от внутриутробного развития человека к самостоятельному существованию. Переход к младенчеству знаменуется новой фазой в развитии малыша — это начало эмоционального взаимодействия, общения ребенка и взрослого. Как только появляются первые признаки того, что «контакт» состоялся, психологи отмечают появление новой общности — ситуация «мы» (термин Выготского). Ребенок, начавший общение с взрослым человеком, переходит в категорию младенцев.

Физическое развитие. Обычная поза родившегося ребенка — положение лежа на спине. При этом обе его ручки сжаты в кулачки. Движения новорожденного нельзя назвать движениями в собственном смысле слова. Поведение новорожденного фрагментарно и состоит из небольшого числа элементарных и изолированных рефлексов, физиологических отправлений двигательных органов. Эти простые единицы поведения (поиск рта и сосание, схватывание, случайные взгляды на близкие предметы) составляют исходную основу его последующего развития.

Ребенок активен; в основе его активности лежат прирожденные (безусловные) рефлексy. В наибольшей мере к рождению

складывается система пищевых рефлексов. К этому времени в основном готов механизм сосания и ориентировочно — пищевых рефлексов. Ориентировочно пищевой рефлекс (рефлекс «поиска груди») вызывается прикосновением к углам рта, ребенок при этом поворачивает голову в сторону раздражителя, открывает рот и вытягивает губы, как будто ищет сосок. Сосательный рефлекс вызывается прикосновением к слизистой оболочке языка; если положить палец в рот ребенка, он начнет сосать его, совершая решительные сосательные движения. Рефлекс шагания проявляется в том, что когда ребенка держат вертикально, упирая его ступни о твердую поверхность и перемещая туловище вперед, движения его ног создают иллюзию ходьбы. При хватательном рефлексе малыш сжимает пальцы руки вокруг любого предмета, если им прикоснуться к его ладони. При попытке вытащить предмет сжимает ладонь еще крепче (эффект защелкивания).

Физиологическим критерием завершения периода новорожденности считается появление реакции на зрительные и слуховые раздражители. Приблизительно к тридцатому дню своей жизни ребенок проявляет сосредоточенность во взгляде, а также реагирует вниманием на звук. Появление этих реакций в поведении ребенка и является для физиологов критерием перехода в младенчество.

Младенчество. (До года)

Духовное воспитание. Святитель Феофан Затворник советует родителям: «Пусть чувства получают первые впечатления от предметов священных: икона и свет лампы — для глаз, священные песни — для слуха...» (34, 35). Верующая православная семья все моменты своей жизни соотносит с Богом, и религиозное воспитание в такой семье проходит органично. Софья Куломзина пишет: «Первые шаги на пути открытия веры в Бога в жизни младенца связаны с его восприятием жизни органами чувств — зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием. Если младенец видит, как родители молятся, крестятся, крестят его, слышит слова „Бог“, „Господь“, „Христос с тобой“, принимает Святое Причастие, ощущает капли святой воды, трогает и целует икону, крестик, в его сознание понемногу входит понятие, что „Бог есть“. В младенце нет ни веры, ни неверия. Но у верующих родителей он растет, воспринимая всем своим существом реальность их веры так же, как ему понемногу делается понятным, что огонь жжется, вода — мокрая, а пол — твердый» (10, 9).

Психическое развитие. Первую половину младенчества часто называют «вбирающей», «впитывающей». Ребенок взаимодействует с миром поначалу как реципиент — вбирает в себя пищу, прислушивается к разнообразию звуков, вглядывается в окружение, делает первые попытки осязать предметы. Это очень чувствительный период. Для того чтобы первый опыт жизни ребенка был плодотворным, взрослым следует обратить внимание на своевременность и умеренность тех стимулов, которые они адресуют малышу.

Однажды был проведен следующий эксперимент. Детеныша обезьяны при рождении отобрали от матери и сделали ему искусственную «маму» виде обтянутой шкурой спинки стула с вставленной в нее соской с молоком. Маленькая обезьянка кормилась из этой соски и воспринимала спинку стула как мать — бежала к ней в случае опасности, спала рядом и т. д. Когда обезьянка стала взрослой и у нее самой появились дети, оказалось, что она не ухаживает за ними, более того, она не кормила своих детенышей грудью, бросала их и

вообще обращалась с ними жестоко, отрывала голову детенышу. То есть даже животное для своего нормального развития нуждается в запечатлении чувства материнской любви.

Социальная ситуация развития в младенчестве — новая форма единства матери и ребенка. «Ребенок из эндопаразита становится экстеропаразитом», — цитирует Л.С. Выготский одного из физиологов начала XX в. Это выражение демонстрирует не столько паразитарную сущность ребенка, сколько суть взращивания младенца. Как невозможно полноценное развитие человека в первые месяцы после зачатия вне материнской утробы, так и невозможно становление личности вне эмоционального единства с взрослым в младенчестве. Последствия лишения младенца непосредственного общения с любящим его человеком проявляется в феномене госпитализма.

Это понятие вошло в науку после Второй мировой войны, когда психологи описали поведение детей, воспитывающихся в домах малютки. Поддержание физиологического существования младенцев было хорошим — детей вовремя кормили, пеленали, выполнялись все необходимые гигиенические правила ухода. Несмотря на это, процент заболеваемости и смертности детей был высоким. У здоровых детей наблюдались необоснованные физиологические отклонения — судороги, учащенное сердцебиение, рвота. Дальнейшее развитие этих детей показывало другие признаки госпитализма — нарушалось речевое развитие, познавательные функции, страдала эмоциональная сфера, позже наблюдалось отсутствие волевого поведения, инициативы. Такие дети бывают способны лишь повторять и выполнять данные им задания, на самостоятельные действия они не способны. Их поведение характеризует безличное отношение к взрослому человеку, они не проявляют избирательности по отношению к сверстникам и взрослым.

Исследования госпитализма позволили специалистам сформулировать советы по предотвращению этого психического недуга. Основное направление — обеспечение стабильного личностного общения взрослого и ребенка. Взрослый, обеспечивающий тактильные контакты младенцу, учитывающий его индивидуальные реакции, дающий ему возможность сориентироваться в окружающей действительности, помогающий перейти к собственным действиям, помогает формированию эмоционально —

положительного отношения ребенка сначала к самому взрослому, и как следствие — ко всему, что его окружает. Тактильные контакты обеспечивают нормальное развитие психики на весь последующий период жизни человека. Обретение «базового доверия к миру» мыслится Э. Эриксеном как жизненная задача в младенческий период развития.

Важнейшую роль в формировании доверия — недоверия к миру играет позиция матери. Именно она решает, что хорошо для ребенка, а что плохо, и, исходя из этого решения, формирует картину мира у младенца. Традиции русского фольклора в области материнства показывают, каким образом мать помогала ребенку воспринимать окружающий мир и свое место в нем (18). Колыбельные, пестушки, потешки призваны как можно раньше дать ребенку ориентиры во взаимоотношениях с миром.

В так называемых телесных играх, где пальчики, ладошки, ушки младенца становятся персонажами сюжетной игры, ребенок осваивает пространство своего тела. В колыбельных песнях можно обнаружить характеристику мира, в котором предстоит малышу жить. Как правило, описание начинается с фиксации того места, где положен ребенок. «Исходной точкой отсчета в мировой системе координат является ребенок, лежащий в своей колыбели, а пространство окружающего мира выстраивается вокруг ребенка через противопоставление теплого дома — защиты, внутри которого находится колыбель с младенцем, и опасного внешнего мира — темного леса, луга, речки, куда до поры до времени ребенку ходить не надо» (18, 16).

Уже в младенчестве даются понятия края как опасной границы двух миров. Ограничения, с которыми знакомят ребенка в самом раннем возрасте, помогают ему ориентироваться в пространстве окружающего мира. Край как граница объекта помогает воспринимать предметный мир. Край как граница знакомого и незнакомого мира помогает выработать соответствующую стратегию поведения. Таким образом, зачастую русский материнский фольклор обозначает желаемые для ребенка области доверия миру и область недоверия, опасения и даже запрета. Это позволило М.В. Осориной назвать главной задачей младенческого периода обретение базового доверия к жизни (а не к миру, как переводят Э. Эриксона). «Для полноценного психического развития ребенку важно утвердиться в том, что место,

занимаемое его „я“ в этом мире, — самое хорошее, мама — самая лучшая, дом — самый родной... На этом глубинном чувстве базового доверия к жизни будет основан потом жизненный оптимизм взрослого, его желание жить вопреки всем невзгодам и его иррациональная уверенность в том, что все кончится хорошо вопреки обстоятельствам» (19, 16).

В два — три месяца малыши начинают различать своих и чужих, предпочитать одних людей и избегать других. Они изучают свои кулачки, тянутся к игрушкам. В четыре месяца появляются любимые игрушки. У пятимесячного малыша просыпается интерес к человеческому лицу, он пристально заглядывает в глаза, следит за движением губ, когда говорят или поют. К полугоду малыш приобретает поведение индивида.

Вторую половину младенчества связывают с прорезыванием зубов, которые, по ироничному замечанию Э. Эриксона, позволяют «не только вбирать, но и кусать». В развитии младенца берет начало тенденция к активному регулированию, воздействию на окружающую действительность. Актуальной становится задача удержания: предметов, положения собственного тела, внимания взрослого человека. Присутствие матери позволяет малышу спокойно, без тревожности знакомиться с окружением. Специалистами подмечен тот факт, что появление нового человека или предмета, которое во второй половине младенчества обычно сопровождается тревогой и даже страхом, в присутствии матери переживается более спокойно. Мама является гарантом стабильности ситуации для младенца. Поэтому показателем психической стабильности самого ребенка к концу первого года жизни становится его готовность отпустить из поля зрения маму. Если младенец позволяет матери исчезнуть из виду без чрезмерного чувства тревожности или раздражения, значит, в нем сформировалась внутренняя уверенность в постоянном мамином существовании. Как правило, эта внутренняя уверенность вызревает в детях, окруженных родительской лаской и любовью, для которых были найдены оптимальные формы выражения. «Способность ребенка любить окружающих тесно связана с тем, сколько любви он получил сам и в какой форме она выражалась» (17, 201).

В начале второго полугодия малыш хорошо понимает обращенные к нему слова, откликается на просьбы. В семь — восемь

месяцев малыш пробует помочь одеть себя. В восемь месяцев у ребенка появляется предвидение ситуации, а также некоторая строптивость. Он, например, может сделать действие, противоположное просьбе взрослого. Около года ребенок начинает повторять действия взрослых: так, он может часами играть с кастрюлей, веником и т. д.

Физическое развитие. Для своего нормального физического развития ребенок нуждается в возможности активно двигаться. Абрамова писала: «Как жалко смотреть на двух-, трехмесячного малыша, которого туго пеленают в несколько пеленок и простынок, стягивают его ручки пусть и роскошными пеленками» (2, 394). К трем месяцам большинство малышей уже хорошо держат головку и начинают осваивать звуки: «ла, ры, ыы...». Пятимесячный малыш изучает свои ножки и с удовольствием тянет их в рот, протягивает руки навстречу взрослому. К полугоду у ребенка появляются собственные способности для действия, и он стремится их реализовать. Малыш может уже сидеть, стоять, он может пить из кружки сам и ставить ее на стол. В начале второго полугодия малыш научается более эффективно управлять своим телом — меняет позиции, совершенствует механизмы хватания. К концу первого года жизни ребенок, как правило, начинает ходить и говорить первые слова.

Кризис одного года. Завершает младенчество кризис одного года. Основные новообразования к концу первого года жизни — прямохождение и слово. Способность к прямохождению позволяет иначе воспринимать окружающий мир. У ребенка появляются совсем иные способы воздействия на ближайшее окружение: «Уже не мама ведет меня, а я ее веду». Появление слова помогает вербально изменять существующее положение. Социальная ситуация развития в корне меняется: «Там, где было единство, стало двое: взрослый и ребенок. Между ними выросло новое содержание — предметная деятельность» (17, 211). Это и составляет основное содержание кризиса одного года. Ребенок приобретает некоторые навыки воздействия на предметный мир и пробует себя в новом качестве.

Кризис конца младенчества в поведении некоторых детей сопровождается неадекватным поведением, даже припадками. Ребенок валяется по полу, кричит, стучит ногами либо демонстрирует иные формы неповиновения взрослому, но при этом внимательно следит за

реакцией взрослого на его поведение. Сутью таких припадков является испытание взрослого, исследование его реакции. Это форма воздействия на взрослого. Ребенок пробует новые формы и степень интенсивности, с которыми можно обратиться к взрослому. «Именно взрослый своей реакцией на „припадок“ ребенка может сделать его нормой поведения, а может буквально одним своим действием раз и навсегда избавить себя и ребенка от участия в подобной семейной драме. Опыт работы с маленькими детьми показывает, что отсутствие реакции взрослого на „припадок“ — лучшее средство для дальнейшего развития отношений с ребенком» (2, 389).

Начиная самостоятельно передвигаться, пробуя владение словом, выстраивая по — новому свои отношения с взрослыми людьми, более успешно оперируя предметами, справившись с кризисом первого года, малыш вступает в раннее детство.

Раннее детство. (От года до трех лет)

Духовное воспитание. Религиозное воспитание в этом возрасте ведется примерно так же, как до года. Очень интересно следующее высказывание Софьи Куломзиной: «В Евангелии поражает место, в котором Христос говорит о значимости доинтеллектуального переживания веры. Христос вознегодовал, когда ученики, стремясь по — взрослому перетолковать Его учение, пытались не пустить к Нему матерей с детьми. Он сказал, что Царство Божие принадлежит детям, и что тот, кто не принимает Царства Божьего как ребенок, не войдет в него (Мк. 10, 13–16). Он явил, как Бог относится к детям: обнял их и благословил, возложив на них руки. Его любовь выразилась не в проповеди, даже не в притче, а в простом физическом соприкосновении. Он дал детям почувствовать Его близость физически, а обратившись к взрослым, подчеркнул, что восприятие Бога детьми, то, как они ощутили благодать Его благословения, отнюдь не случайно и полно религиозного смысла» (9, 36).

Архиепископ Филарет Черниговский писал: «Разум дитяти слаб, но зато свободен от тумана, наводимого предрассудками и страстями. Потому в его мыслях отражаются образы веры в их чистом и целом виде: вера принимается не столько умом, сколько сердцем. Чистые сердцем зрят Господа. Сердце дитяти чисто, как зеркало, и нежно, как воск, и потому оно легко принимает наставления веры. Высший наставник людей Господь Иисус не только не считает детей неспособными к принятию веры, напротив, говорит: „Таковых есть Царство Небесное“ (18, 77).

Маленькие дети воспринимают духовный мир очень реально. Митрополит Вениамин (Федченков) приводит, например, следующий случай: „Один трехлетний ребенок, пишет мне его бабушка Ш., долго мучается коклюшем. Перед сном говорит бабушке: „Бабушка, если ты во сне увидишь ангелов, скажи им, чтобы у меня перестал кашель: я очень устал!“ (16, 22).

Более того, у детей при обращении к духовному миру присутствует чувство благочестия. Трехлетняя Леночка как — то раз летним утром сидела на кровати голенькой. Никто из окружающих,

естественно, не воспринимал ее наготу как нечто неприличное. Но вот мама напомнила девочке о том, что хорошо бы помолиться. Та сразу натянула на себя одеяло — нехорошо ведь к Богу обращаться, будучи голенькой.

Новым в этом возрасте является то, что уже двухлетним детям можно говорить о Боге. Два года — это возраст „почемучек“. Они все время задают вопросы: „Мама, откуда взялось небо? Почему светит солнце?“ и т. п. И вот тут — то очень естественно ответить им, что мир сотворен Богом, что в мире все устроено так, чтобы человеку было хорошо, и т. д. При этом, как писал протоиерей Василий Зеньковский (22, 109), то, „что есть над миром Бог, как Творец и Вседержитель, от которого исходит смысловая гармоничность мира, — это ясно детям "само собой". Непосредственность и простота детской религиозности, ясность и чистота в их религиозных движениях составляют для нас, взрослых, идеал, к которому так трудно нам приблизиться. Не мыслям и образам детским — примитивным и наивным — поклоняемся мы, а той райской простоте в Богообщении, которая теряется нами при отходе от детства. Потому мы и чувствуем, что дети гораздо ближе к Богу, чем мы, — не по одной своей моральной чистоте и невинности, но по духовности своей, которую нам трудно понять и вместить, но которая неотразимо умиляет нас в детях. Здесь заключен один из аспектов евангельского учения о детской душе, зовущего нас уподобиться детям".

Как мы уже писали, главной задачей возраста до трех лет является запечатление любви. Поэтому, воспитывая религиозное чувство в детях, нужно делать акцент на любви Божией к людям. Протоиерей Василий Зеньковский пишет: «Нередко родители превращают Божество в детских глазах в какую — то карательную инстанцию; родители учат не любви к Богу, развивают не творческое устремление детской души к Тому, Кто все дал и все сохраняет, а развивают страх перед Богом. Этот момент узкого утилитаризма в религиозном влиянии среды на детскую душу необычайно вредно отзывается на ней и, между прочим, имеет своеобразное отражение и в детской религиозности. Нередко дети узко утилитарно глядят на молитву, и на этой почве рано или поздно развивается глубокий религиозный кризис» (23, 203).

Можно сказать, что возраст до трех лет — это возраст запечатления любви глубинной сущностью ребенка. Всю свою последующую жизнь он будет опираться на то, что запечатлел в этом возрасте. При этом запечатленная любовь примет форму творчества при его практической деятельности, сочувствия и понимания окружающих его людей, превратится в способность жить духовной жизнью.

До трех лет ребенок очень сильно связан с матерью, поэтому и ей, и другим членам семьи особенно в этот период нужно очень строго следить за собой, чтобы подавать хороший пример. Святитель Тихон Задонский писал: «Пример добродетельного жития подавать детям своим должно, когда хотят их к добродетели наставить. Иначе ничего не могут успеть. Более бо они смотрят на житие родителей своих, и то воображают в юных своих душах, нежели слова их слушают» (20, 17).

Психическое развитие. К началу второго года жизни меняется социальная ситуация развития. На первое место для ребенка выступает «мир вещей». Ведущей деятельностью становится предметная деятельность. Эмоциональное общение с взрослым человеком по — прежнему остается важнейшим для развития психики малыша, но после кризиса первого года оно опосредуется предметами. Важнейшая задача раннего детства — постижение сути предметного мира. Взрослый уже интересен как «пользователь предметами», тот, кто поможет овладеть человеческими способами употребления вещей. Кризис первого года заложил основы формирования воли ребенка, но ей еще предстоит долгий процесс вызревания. Потому — то ко второму году жизни малоэффективны запретительные команды. Ребенка можно испугать, и тогда он может отказаться от того, что намечал сделать. Более эффективны в этот период отвлекающие, побудительные команды со стороны взрослого, те, которые не блокируют исследовательской инициативы малыша, так как даже своих сверстников многие дети второго года жизни воспринимают как игрушку и предмет исследования — их трогают, глядят, целуют, могут толкнуть, укусить. Только к началу третьего года, когда начинает складываться осознание самого себя, тогда и к сверстнику изменяется отношение. С ним выстраивается общение как с живым существом, у которого есть собственные качества.

Выступая в качестве «преобразователя предметного мира», ребенок настаивает на своей самости. В этот период формируется личностная автономия. Управляясь с предметами, малыш словно решает проблему: «Могу ли я так же управлять самим собой?» Воспитательным ресурсом в этой ситуации является тот факт, что, абстрагируясь от взрослого, самостийно хозяйничая с окружающими вещами, ребенок делает это, подражая взрослому. Таким образом, определяющим воспитательным направлением для ребенка становится то, как сам взрослый управляет с предметным миром. Задача взрослого в этот период — быть образцом во внешнем поведении. Руководить малышом не всегда получается, а вот быть архитектором окружающей ребенка среды — более эффективно. Родители, создавшие малышу безопасное окружение, которое позволит вырабатывать исследовательские умения и навыки, даст ему возможность долгое время занимать самого себя какой — либо деятельностью, менять виды занятий, — закладывают в своем ребенке основы творчества.

Э. Эриксон пишет о том, что в этом возрасте происходит координация конфликтующих между собой образцов действия, которые проявляются в тенденциях «удержать» и «отпустить». «На этом и на многих других путях развития все еще очень зависимый ребенок начинает испытывать свою автономную волю» (курсив — цитируемого автора — ред.), (37, 117). Далее автор утверждает, что регуляция взаимоотношений взрослого и ребенка (которая включает в себя помимо прочего еще и тренировку работы кишечника и мочевого пузыря ребенка) является взаимным серьезным испытанием. Одинаково деструктивны здесь как жесточайший контроль и наказание со стороны взрослых, так и полное игнорирование столь серьезной сферы воспитания.

В раннем детстве ребенок в состоянии осознать суть и действие наказания. Наиболее остро воспринимаются наказания двух видов — те, что связаны с болью и страхом, и те, которые лишают проявления родительской любви. Непомерность наказаний может привести к искривлениям в развитии и поведении ребенка — от неуверенности в себе, с одной стороны, до упрямства и своеволия — с другой. В этом возрасте ребенок должен увидеть действие прощения, и тогда, в более старшие свои возраста, ему будет проще научиться самому прощать.

Уже в раннем возрасте ребенок осознает родительские воспитательные установки. О том, какими они должны быть в семье как домашней Церкви, пишет протоиерей Глеб Каледа в книге «Домашняя Церковь»: «У родителей должно быть единство взглядов на воспитание детей. Недопустимо, когда один разрешает, а другой запрещает, один наказывает, а другой вслух возмущается и жалеет. Никаких замечаний другому супругу в момент наказания детей, даже несправедливого, при детях делать нельзя — потом, будучи вдвоем, можно и следует обсудить проступок ребенка и соразмерность и форму его наказания. Иногда жене остается лишь спрятать „полный слез взор матери в день отцовского гнева“ (Р. Тагор). Даже самый гнев должен быть спокойным, не раздражительным, не злым; правда, владеть „спокойным гневом“ очень трудно. Апостол учил: гневаясь, не согрешайте (Еф. 4, 26). Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали (Кол. 3, 21). А раздражает детей необоснованное и несправедливое наказание, непонимание их желаний, их стремлений, оскорбление их личности. В наказании должен быть просвет милости и любви, надежды на прощение. Наказание снимает только наказавший; это — общий закон жизни, ведь и епитимью снимает только наложивший. Это правило не отменяется даже смертью духовника» (24, 149). Но при этом Глеб Каледа замечает: «Нельзя все поступки детей покрывать нежностью. Любовь должна быть разумной и иногда карающей. „Нельзя“ должно быть немного, но твedo установленных, ибо если их много, то они становятся невыполнимыми, а это порождает в детях непослушание» (там же).

Основным новообразованием к концу раннего детства становится радостное удовлетворение ребенка своими «достижениями». Взрослый выступает здесь в качестве знатока и ценителя детских этих достижений. Одобрение и похвала рожают чувство собственного достоинства, расширяют сферу самореализации ребенка. Возраст трех лет примечателен тем, что именно в нем ребенок персонифицирует свою личность. Примерно с трех лет ребенок начинает говорить слово «я».

Физическое развитие. В этом возрасте ребенок охотно занимается самообслуживанием. Подражая взрослому, он стремится самостоятельно одеваться, управляться во время обеда со столовыми приборами, делаются более серьезные попытки «работы по

хозяйству»: мыть полы, посуду, включать бытовую технику с тем, чтобы самому стирать, пылесосить. Мудрые бабушки, нянчащие своих внуков, когда начинают какое — либо домашнее дело, всегда отводят ребенку «зону личной ответственности». Это может быть угол стола, на котором малыш самостоятельно раскатывает свой кусочек теста, а может быть небольшая площадка, в которой стирается кукольное платье. Всякая предметная деятельность целиком овладевает вниманием малыша, и часто это становится источником конфликтов — шнуровать ботинок хочется долго и обстоятельно, но у родителей, к сожалению, не всегда бывает достаточно времени, чтобы дождаться конца этого самостоятельного действия малыша.

В раннем детстве ребенок учится справляться со своими физиологическими потребностями, попутно вырабатываются основные навыки опрятности. К трем годам у детей обычно уже достаточно связная и осмысленная речь. Ребенок способен выполнять достаточно сложные задания. Например, Лена в три с половиной года самостоятельно ходила в магазин.

Кризис трех лет. Завершающий раннее детство кризис трех лет обусловлен тем, что ребенок несколько отходит от матери и открывается для общения с внешним миром. Приобретение ребенком первых навыков самообслуживания, действия с предметами, умение регулировать свои физиологические отправления, умение выразить словами свои мысли и потребности приводят к изменению социальной ситуации развития. Ребенок начинает осознавать себя «умелым и компетентным», и опять у него возникает потребность в изменении характера взаимоотношений с взрослыми. Происходит это изменение очень разнообразно — и по интенсивности, и по проявлению. Наиболее драматично происходят изменения в отношениях взрослых и ребенка в семьях, где «центром» всего происходящего является ребенок. Как правило, в этом случае проявляются многочисленные симптомы кризиса. Кризис трех лет характеризуется следующими симптомами (17, 222).

Негативизм. Это реакция на взрослого человека. Ребенок вообще отказывается подчиняться требованиям взрослых. Существует разница между непослушанием, которое может быть как в более раннем возрасте, так и в более позднем, и негативизмом, который явно направлен на взрослого человека. Воспитательным ресурсом в

преодолении детского негативизма может быть существование абсолютных, «безличных», требований, которые неукоснительно выполняют все взрослые. Понимание ребенком существования «единого императива» для всех, кто его окружает, поможет ему справиться с собственным негативизмом.

Упрямство. Это реакция ребенка на собственное решение. Оно отличается от проявления настойчивости, которая соотносится с предметной деятельностью. Упрямство имеет целью выделение личности и требует, чтобы с этой личностью считались.

Строптивость. Связана с негативизмом и упрямством. Направлена именно на существующие в семье и дома устои.

Своеволие. В отличие от кризиса первого года, когда проявлялось своеволие физического делания, к трем годам ребенок проявляет самостоятельность в намерениях и замыслах. Появляется потребность в отделении от взрослого уже не столько физически, сколько эмоционально: «Я сам!!!»

Обесценивание взрослых. Самые близкие ребенку взрослые люди могут услышать в свой адрес оскорбительные реплики.

Все эти симптомы могут выражаться в частых ссорах с родителями, постоянной демонстрации детского протеста, даже бунта. Зачастую ребенок проявляет черты деспотизма по отношению ко всему окружающему, изыскивает для этого многообразие способов.

В тех же семьях, где ребенок не является центром всего, а просто членом семьи, у которого есть свои обязанности и свое «поле деятельности», кризис трех лет проходит мягко, почти незаметно. В таких семьях родители излишней заботой и запретами от боязни «как бы чего не случилось» не отнимают у ребенка возможности свободного развития, и ему нет необходимости «воевать» с ними. Важным мыслится тот факт, что в кризисе трех лет закладываются основы структуры воли ребенка, определяется «костяк волеизъявления». Реакция взрослых может сделать многое — от повсеместного истребления любого волевого проявления со стороны ребенка (все запретить, ни с чем не считаться, полностью подчинить ребенка воле родителей), лишив его тем самым способности управляться с собственной волей; до подчинения родителей требованиям юного деспота, которое выражается в аморфности

взрослых реакций, нежелании и неумении противостоять поведенческому натиску малыша.

Современная популярная психологическая литература для родителей и воспитателей дает множество рекомендаций по преодолению кризиса трех лет. Основной пафос рекомендаций таков: умелыми логическими пассажами заставить ребенка делать то, что нужно родителям, «грамотно организовать ловушку», например: «Зубы чистить будем до того, как оденем пижаму, или после?» Очень часто в угоду сиюминутному удобству родителей не развивается одно из основных человеческих умений у ребенка — умение пользоваться свободой. Впоследствии отсутствие этого умения формирует послушного потребителя, который будет «свободен» выбирать лишь из того, что ему будет предложено.

Итак, ребенок, который научился преодолевать свое упрямство, который научился воспринимать и слышать другого человека, с которым уже можно договориться, входит в новый период своего развития.

Дошкольное детство. (От четырех до шести лет)

Духовное воспитание. Главной задачей в духовном воспитании дошкольника является воспитание привычки к делам милосердия. Именно в этом возрасте ребенок должен привыкнуть трудиться по необходимости, то есть не для себя, а для других. Дошкольный возраст — это возраст, в котором происходит первичная ориентация всей будущей жизни: что будет главным — служение или потребление? Если ребенка в этом возрасте только развлекали (по принципу: детям — счастливое детство), вырастет еще один представитель «пепси» — поколения. Если же он привык с раннего детства трудиться для других, это даст ему серьезную установку на всю жизнь. Например, дошкольное детство Лены и Антона проходило в советское время, и у мамы не было возможности заняться православной педагогикой или организацией воскресной школы. Зато втроем, мама и двое детей, пытались помогать всем, кто в нуждался помощи. Они стирали пеленки сына соседки, растившей своего ребенка в одиночестве, возили еду бедному мальчику и т. д. Сейчас Лена и Антон выросли. У них, естественно, много недостатков. Но когда речь заходит о том, что кто — то нуждается в помощи, для них не составляет проблемы оказать помощь нуждающимся.

В книге «Детство и общество» Э. Эриксон пишет, что очень много людей гордятся тем, что обходятся без религии, тогда как их дети не могут позволить себе такой «роскоши». Возраст начала знакомства с многообразием проявления окружающего мира по сути восприятия является религиозным. Так же, как и в раннем детстве, ребенок интуитивно ощущает существование смысла в окружающем мире. Мир для него «не есть набор случайных и отдельных фактов, но он весь пронизан смысловыми лучами, исходящими из одной точки. Существование Верховного и Благого не требует доказательства для ребенка...» (22, 108). В идеале в дошкольном возрасте происходит оформление интуитивного религиозного чувства. Такое оформление религиозного чувства ребенок получает в Таинствах Церкви, в прикосновении к ее живой жизни, в вере родителей, а также знакомясь

с религиозным материалом, доступным для восприятия в этом возрасте.

С трех — четырех лет дети уже способны посещать воскресную школу, они начинают нуждаться в общении с другими детьми. Такое общение вызывает их интерес. Воскресная школа позволяет это общение организовать с большой духовной пользой. Совместные поделки на тему урока, празднование церковных праздников, летние лагеря — все это дает много возможностей для обучения и воцерковления. Умение на одном листе ватмана нарисовать общий рисунок на тему урока дает первые навыки работы «вместе», начальные знания о жизни святых и исторических личностях позволяют выбросить из общения со сверстниками телевизионные персонажи. Не перечислить всего, что при хорошей организации может дать воскресная школа.

В приложении к книге «Наша Церковь и наши дети» (9, 105–108) приведены основные темы, которые близки и понятны дошкольникам.

Важнейшую роль в жизни ребенка играет семья, поэтому ему близки и интересны рассказы из Священного Писания о значении семьи. Например, в рассказе о Ное следует обратить внимание на то, как Бог спас единственную семью, оставшуюся «доброй» и сохранил по семье от каждого вида животных. Новозаветные повествования о Рождестве Пресвятой Богородицы, рождении Предтечи Господня Иоанна Крестителя, Святом Рождестве Самого Спасителя, Сретении позволяют детям увидеть такие знакомые им семейные события, но в ином, духовном, аспекте и вместе с тем ощутить свое родство с Евангелием.

Представление о своей личности. Эгоцентричная позиция в этом возрасте практически не позволяет понимать точку зрения другого, если это не опирается на опыт самого ребенка. Поэтому весьма полезны простые рассказы, вызывающие чувство жалости, сочувствия и доброго отношения к другим людям и животным, например, рассказы Ветхого Завета о том, как Авраам помогал своему племяннику Лоту, как Валаам научился правде от своей ослицы, из Нового Завета — рассказ о мальчике, принесшем Христу свои рыбки и хлеб для насыщения толпы, или о милосердном самарянине.

Услышанные истории дети «примеяют» на себя. Четырехлетняя Саша в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы спросила

маму: «А Она была такая же маленькая, как я?»

Отношение к окружающей среде. Так как главной задачей в духовном воспитании дошкольника является воспитание привычки к труду не по желанию, а по необходимости, он очень хорошо воспримет рассказы из Ветхого и Нового Завета о совместных усилиях в этой области. Например, о постройке скинии, а из Нового Завета — о входе Господнем в Иерусалим и роли детей в этом событии, о Тайной Вечери как об установлении Таинства причащения, то есть самого близкого общения Христа с учениками.

Понятие о Боге. Рассказы из Ветхого Завета о Боге Творце и Боге Промыслителе доступны детям, если не связывать их с историческими, географическими, богословскими понятиями. Рассказывая о чудесах, творимых Иисусом Христом, нужно говорить о них как о проявлении Его любви к людям, а не как о «волшебстве». В этом возрасте дети зачастую непосредственно связывают религиозный смысл с каким — либо материальным воплощением. Так, у ребенка может быть «свой Бог», который изображен на иконе над его кроваткой. Допуская такого рода «язычество» в отношении маленьких детей, К. — С. Льюис в «Размышлениях о псалмах» прослеживает дальнейшее развитие этого детского восприятия. «Маленький ребенок не отличает религиозного смысла Пасхи или Рождества от их праздничного обличья. Один очень маленький мальчик сочинил песню, которая начиналась так: „Яйца покрасили. Христос воскрес“. На мой взгляд, он проявил и благочестие и поэтическое чутье. Но мальчик побольше такого не придумает. Он отделит одно от другого и, раз уж отделил, вынужден будет поставить что — то на первое место. Если он поставит „духовное“, яйца смогут и впредь вызывать в нем пасхальные чувства. Если же поставит „праздничное“, оно очень скоро станет просто праздничным столом» (14, 291).

Молитва. Учить молиться можно только своим примером. Если дети видят, как сосредоточенно и строго молятся их родители, слышат прекрасные слова молитв, чувствуют благоговейное отношение к иконам, им захочется повторить то же самое. Очень хорошо, если есть традиция совместной семейной молитвы. Дети должны быть полноправными ее участниками. Ребенок хорошо запоминает короткие молитвы и сможет их произносить самостоятельно. Хорошо, если в конце молитвенного правила каждый член семьи скажет несколько

слов от себя: о чем он лично просит Бога или за что Его благодарит. Только такие молитвенные правила не нужно делать длинными. Их продолжительность должна соизмеряться с силами детей.

Воспитывая потребность в молитве у своих детей, взрослые часто стремятся пояснить им то, что говорится в молитвах. Делать это нужно очень умело и тактично, так как в противном случае эффект может быть противоположным. Так, Лена, когда выросла, призналась маме: «Когда ты нам в детстве рассказывала о Боге, было очень интересно, но когда ты начинала пояснять слова молитв... мы, конечно, терпели...». Сейчас в воскресной школе, которой руководит «мама», разработана методика разговора с дошкольниками о молитве. Планируется издание соответствующего пособия.

В маленьких детях следует укреплять сознание, что молитва — это обращение к Богу, и не только с просьбой, но, что особенно важно, и с благодарностью. Ребенок должен понять, что не всегда то, что ему хочется, полезно, следовательно, может не совпадать с тем, что желает Бог, например, рассказать о пророке Ионе.

Нравственные понятия. Зло для ребенка отождествляется с нанесением видимого ущерба — сломанными игрушками, испорченным платьем, а также с неудовольствием родителей и строгостью наказания. Добро же отождествляется у него с хорошим настроением, дружелюбной атмосферой, одобрением и похвалой. Ребенок остро ощущает то, что ему кажется несправедливым по отношению к нему, но не всегда замечает, когда он сам причиняет боль и огорчение другим. Следует, насколько это возможно, углублять правильное понимание детьми понятий «добра» и «зла». Для этого, например, можно использовать рассказы о грехопадении ангелов, о грехе первых людей, о Каине и Авеле, а из Нового Завета — притчи о блудном сыне, милосердном царе и злом рабе.

Историческое сознание. В этом возрасте оно ограничено понятиями «давным — давно», «на днях», «завтра», «потом». Хронология исторических событий не имеет для детей этого возраста никакого значения. Поэтому и повествования из Священного Писания рассказываются ребенку ради того эмоционального впечатления, которое они могут произвести на его душу.

Огромную воспитательную роль играет атмосфера в семье. Софья Куломзина пишет: «Эта атмосфера сильно влияет на формирование

„душевного образа“ ребенка, определяет развитие детских чувств и детского мышления. Эту общую, трудно определимую словами атмосферу можно определить „миросозерцанием семьи“. Мне кажется, что как бы ни сложились судьбы людей, выросших в одной семье, у них всегда остается что — то общее в их отношении к жизни, к людям, к самому себе, к радости и горю» (10, 5).

Хотя мир дошкольника уже достаточно широк и не ограничен домом, родители по — прежнему остаются всемогущими для ребенка. «Нет опасности, от которой взрослые, как считает ребенок, не могли бы защитить, не произойдет трагедии, если рядом стоит мама. Такое ощущение „любящего и справедливого всемогущества“ может быть весьма полезным для развития детских представлений о Боге... Характер родителей оказывает огромное влияние на религиозное сознание ребенка», — пишет Куломзина (9, 41–42).

Дети этого возраста способны удерживать внимание на чем — то одном не более 10–15 минут. Софья Куломзина считает, что им чужды понятия «праведности», «справедливости», «власти», «веры» и даже «любви», хотя они могут понять, что такое «добрый», «хороший» или «злой», «противный» человек. Понятия «хорошо» и «плохо» они отождествляют с одобрением или осуждением со стороны взрослых.

Добавим еще, что очень важно детям рассказывать о святых, а также о героях нашей истории и литературы. Пяти-, шестилетние дети, играя, любят отождествлять себя с различными героическими персонажами. Хорошо, если они отождествят себя со святым Александром Невским или с Ильей Муромцем, а не с уродливым Покемоном или Гарри Потером.

В течение всего периода дошкольного детства у ребенка формируется мировоззрение. Так как мыслительные операции опираются на наглядно доступные объекты, то и в центре мировоззрения — человек и человеческая деятельность. Потому и мировоззрение дошкольника называется специалистами артифкалистским — все воспринимается по образу и подобию человека и человеческой деятельности. Воспринимая Бога как Творца и Причину всего сущего, дети вместе с тем характеризуют Его человеческими качествами, их интересуют вполне земные вопросы: «Боится ли Бог крапивы?», «Сможет ли Он победить всех в гонке?», «Как Он рисует морозные узоры на окнах?» Куломзина в книге «Наша

Церковь и наши дети» предупреждает о том, что попытки объяснить маленьким детям слова Приимите, ядите; сие есть Тело Мое и ...сие есть Кровь Моя...(Мк. 14, 22, 24) могут окончиться катастрофой (9, 43). Однажды случилось так, что напуганные таким сверхреалистичным для них объяснением значения Святого Причастия, дети из воскресной школы отказались причащаться.

Одним из вариантов объяснения того, что такое Святое Причастие, может быть следующий. Всякий раз, когда совершается Божественная литургия, происходит чудо: на хлеб и вино, находящиеся в чаше, сходит Дух Святой. Мы с вами, являясь грешными людьми, этого не видим, а вот некоторые святые видели это. После схождения Святого Духа в хлебе и вине чудесным образом уже присутствует Сам Иисус Христос. Когда мы принимаем во время причастия такой кусочек хлеба с вином, Христос соединяется с нами.

Соотношение символизма и реалистичности в детском восприятии настолько гибко, что полностью символичное объяснение некоторых событий может вполне удовлетворить познавательные потребности ребенка. Это связано еще и с тем, что ребенок в этом возрасте способен интуитивно постичь суть явления. Детская интуиция позволила четырехлетней Саше очень глубоко понять Евангельское повествование об искушении Христа в пустыне в мамином пересказе.

«И вот, когда взалкал Господь, приступил к Нему искушитель и сказал: „Сделай из камней хлеб и ешь“. Как ты думаешь, что ему Сын Божий ответил?

— Нет. Потому что Он пришел в пустыню поститься.

— А потом поставил диавол Иисуса Христа на самый верх храма и говорит: „Кинься вниз, тебя ангелы подхватят, и ты не разобьешься“. Что ему Христос ответил?

— Нет. Он же пришел молиться.

— И показал Ему сатана все самые красивые дворцы и все богатство мира и говорит: „Поклонись мне и все это богатство станет Твоим“. Что ему ответил Христос?

— Нет. Потому что он (сатана) злой».

Четырехлетние дети способны не только осмысливать веру, но и защищать ее. Так, маленькому Антону мама на его вопросы о том, кто сделал небо, землю и т. д., всегда отвечала: «Бог». Когда же ребенку

исполнилось четыре года, папа решил внести научную ясность в этот вопрос. Он посадил перед собой сына и сказал: «Хочешь, я расскажу тебе, как образовалась Земля? Вначале были газы, газы, потом они отвердели, и образовалась Земля». Мама из другой комнаты с грустью слушала, как папа пытается разрушить у ребенка создавшееся представление о происхождении мира. Но после разговора с отцом ребенок сделал свои выводы. Мальчик подошел к маме и сказал: «Мама, хочешь, я расскажу тебе, как на самом деле все произошло?» — «Расскажи». — «Вначале были газы, газы, а потом они отвердели, и образовалась Земля. И все это сделал Бог».

А четырехлетней Лене папа, чтобы внести сомнение в ее представление о существовании единого Бога, начал говорить о том, что каждый народ придумывает своего бога: у индусов — один Бог, у русских — другой, у французов — третий. На это девочка ответила: «Но ведь истинный — то из этих богов — Один».

Символизм детского восприятия проявляется также и в рисунке. Детский рисунок во многом подобен иконе, так как выражает символ детского отношения к миру. Часто в воскресных школах детям — дошколятам позволяют изображать лики на создаваемых ими иконах, чего не позволяют делать детям более старшего возраста, еще не достигшим определенного мастерства. Схожие моменты наблюдаются и в верующих семьях, особенно в семьях священнослужителей. Описывая детство будущих пастырей в книге «Под кровом Всевышнего» (глава «Мальчики начинают служить»), Наталия Николаевна Соколова рассказывает о том, как ее дети «служили», держа карандаш или палочку подобно свечке, «кадили» ботиночком, держа его за шнурок, фелонь им заменяла пеленка. «Эти игры продолжались у детей до семи лет, то есть до отроческого возраста, пока умишки их были еще в младенческом состоянии. Мы, родители, детям не препятствовали „служить“, но они сами понемногу прекращали, видно, слышали уже голос совести, побуждающей смотреть на вещи уже серьезно, вдумчиво» (28, 195).

Душа ребенка не свободна от зла. Протоиерей Зеньковский пишет: «Обращенность детской души к Богу, чистота и непосредственность ее свидетельствуют о том, что в детской душе изначальное раздвоение в духовной сфере еще не достигает плана сознания, что со стороны сознания еще не исходит ничего, что усиливало бы или подчеркивало

возможность роста личности в противопоставлении себя, своей самости Богу. Наивный эгоцентризм в эту пору не мешает ни развитию живого интереса к окружающему миру, ни простоте и серьезности обращения души к Богу. Все это не значит, что детская душа целостна и в своей глубине, что ей чуждо разделение добра и зла. К детской душе (в раннем детстве) больше, чем к какой — либо другой поро в нашем развитии, относится притча Господня о пшенице и плевелах. Увы, растут на ниве детской души и плевелы — и в таком странном, для нас часто совершенно непонятном и загадочном соседстве с добром и правдой, что именно к раннему детству нельзя подойти правильно без учения о... первородной греховности» (22, 109).

Святитель Феофан Затворник пишет о том, что нужно воспитывать все силы ребенка, а именно — ум, волю и сердце: «Начать образование ума нужно со словом. Главное, что должно иметь в виду, это здравые понятия и суждения по началам христианским о всем встречающемся или подлежащем вниманию дитяти: что добро и зло, что хорошо и худо. Это сделать очень легко посредством обыкновенных разговоров и вопросов... Дитя многожелательно: все его занимает, все влечет к себе и рождает желания. Не умея различать доброго от злого, оно всего желает и все, что желает, готово выполнить. Дитя, предоставленное самому себе, делается неукротимо своевольным. Поэтому родители должны блюсти эту отрасль душевной деятельности. Самое простое средство к заключению ее в должные пределы состоит в том, чтобы расположить детей ничего не делать без позволения...

Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в которой должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради тишины и теплоты, отречение от блестящего и привлекательного в мирской суете не могут лучше напечатлеться в сердце» (33, 29–32).

Психическое развитие. Период дошкольного детства называют временем символизма, так как логические мыслительные операции только еще формируются в интеллекте, опираясь на внешние объекты. Символ, как мостик от одной реальности к другой, позволяет ребенку в четырех-, пятилетнем возрасте соединять объекты и понятия. Наиболее отчетливо это проявляется в детской игре. Палка может быть

символом ружья и коня, камушки — пищей, деньгами, лекарством и т. д. Многие психологи называют игровую деятельность ведущей в дошкольный период. Совместно с игрой в этом возрасте развивается изобразительная деятельность, элементарный труд, зарождаются начатки учения в форме освоения культурного наследия человечества — воспринимаются и запоминаются сказки, мифы, постигается музыка.

Социальная ситуация развития обусловлена двумя серьезнейшими новообразованиями, сложившимися к началу этого возраста. Во — первых, координация движений позволяет быть более свободным и настойчивым, также совершенствуется чувство языка. Это и позволяет развиваться воображению, творчеству, которое, в свою очередь, развивает в ребенке чувство инициативы. Э. Эриксон определяет чувство инициативы как базисное «для реалистического ощущения ребенком собственных амбиций и целей» (38, 125).

Основной характеристикой мышления дошкольника является его эгоцентричная направленность. Впервые детский эгоцентризм был охарактеризован в работах Ж.Пиаже. Скрытая умственная позиция ребенка, проявляющаяся в тенденции «мир вокруг меня», определяет основные проявления эгоцентризма. Прыгающий мальчик любит окружением и обращается к маме: «Смотри, мама, как деревья прыгают!» Ребенок уверен в том, что солнце специально слепит его, луна следует за ним во время прогулок, а такой ветер на улице потому, что деревья качаются. Как — то случилось в семье так, что пятилетний Сема остался дома без родных — бабушка заболела и ее отвезли в больницу, мама уехала с ней, а папа задержался на работе. Сема в свои пять лет горько вздохнул: «А кто же мне молока нальет?»

Расшатывание эгоцентризма — одна из важнейших воспитательных задач дошкольного возраста. Постепенно, чаще в игре, происходит координация эгоцентричной позиции с позициями других участников игры. В связи с этим происходит и эволюция детских игр — от игры «рядом, но не вместе» к совместной игре и, как к вершине, — к игре по правилам. Эгоцентризм уступает место децентрации, когда ребенок научается осознавать свое «я» в качестве субъекта. После этого уже возможно отделение субъекта от объекта, которое позволяет соотносить свою точку зрения с позициями других людей. К концу дошкольного возраста у ребенка должно вызреть

умение не рассматривать свою позицию как единственно возможную. Это необходимое условие для начала школьного обучения. К середине первого класса Сема, который печалился когда — то о том, что ему некому налить молока, сказал родителям: «Я вдруг понял, что другие люди, они тоже есть». На что папа философски заметил: «Знаешь, сын, некоторым людям требуется на это гораздо больше времени, чем семь лет жизни».

В дошкольном возрасте бурно работает воображение. Границы реального и виртуального миров зачастую не различаются. В этом возрасте ребенок может начать рассказывать реально произошедшую с ним историю и незаметно для самого себя уйти в область фантазирования. Часто это приводит к казусам, когда пяти-, шестилетка «вольно» пересказывает родителям, о чем шла речь на занятиях в детском саду или воскресной школе. Специалисты рекомендуют различать детскую ложь и фантазирование. Фантазирование рождается зачастую там, где ребенок не в состоянии логически освоить реальность и принять, соединить в своем изложении всю совокупность причинно — следственных связей. В таком случае говорят о том, что реалистический рассказ психологически неправдоподобен для ребенка, потому что он многого не понимает.

У детской лжи есть свои мотивы (36). Этими мотивами являются: «избегание наказания, стремление добыть нечто, чего иначе не получишь, защита друзей от неприятностей, самозащита или защита другого человека, стремление завоевать признание и интерес со стороны окружающих, желание не создавать неловкую ситуацию, избегание стыда, охрана личной жизни, защита своей приватности, стремление доказать свое превосходство над тем, в чьих руках власть» (2, 429). Исследования детской лжи показывают, что ребенку лгать о предметах проще, чем о чувствах, особенно своих (предмет не относится ко мне, и потому с ним проще оперировать, чувства принадлежат мне, и их труднее превратить во что — то иное).

Выше мы уже писали о том, что очень важным моментом в воспитании дошкольника является приучение его к труду. Такое воспитание соответствует русским культурным традициям. До революции в семьях уже с пяти лет девочки начинали шить себе приданое, а мальчики по мере сил помогали отцам в их нелегкой

работе. Уже в дошкольном возрасте приучением к выполнению соответствующих работ можно начинать воспитание будущего материнства и отцовства. Инфантильность многих матерей и отцов, их неспособность нести положенный груз ответственности во многом обусловлены упущениями, сделанными воспитателями в их раннем возрасте.

Физическое развитие. Физическая активность детей дошкольного возраста очень велика. Они склонны к свободным телодвижениям, простым и не ограниченным запретами. Основными мускулами они уже владеют и, хотя мелкая работа им еще непосильна, охотно берутся с красками, кубиками, пластилином, песком. Знакомясь с самим собой и окружающей действительностью, дошкольник исследует границы своих возможностей. Опрос взрослых людей об их детстве выявил удивительный факт — почти все в этом возрасте подвергали свое тело неким испытаниям — что — то специально ели или пили, пробовали на вкус несъедобное, проделывали какие — либо экзотические физические действия.

Есть и трагические примеры. Дошкольный возраст — «самый юный возраст самоубийств, зафиксированный статистикой» (2, 425). Тому называются две основные причины — «переживание экзистенциальной пустоты» (там же) и печальные последствия экспериментирования над собственным телом. В этом возрасте ребенку необходимы посильная физическая нагрузка, выполнение элементарных работ по домашнему хозяйству. Это обеспечит ребенку чувство полезности и заслуженную радость от хорошо выполненной работы.

Кризис семи лет. Завершается дошкольный возраст кризисом семи лет. Если до этого, несмотря на все трудности, ребенок был очень связан с семьей, то начиная с этого возраста он уже готов к более широкому общению. Основное новообразование, вызывающее этот кризис, — утрата детской непосредственности. Появление рефлексии, которая вклинивается между внутренней и внешней жизнью ребенка, приводит к тому, что его поведение может резко измениться. Если до этого внешнее поведение ребенка непосредственно выражало происходящие в нем процессы: «Что думаю, то и говорю, и делаю», — то теперь мышление развилось настолько, что можно «увидеть себя со стороны». Это в некоторых случаях приводит к манерничанью,

вычурности в поведении, кривлянию, паясничанию. «Ребенок может говорить писклявым голосом, ходить изломанной походкой, рассказывать непристойные взрослые анекдоты в совершенно неподходящих случаях. Это бросается в глаза и производит впечатление какого — то странного, немотивированного поведения» (36, 340).

Проявлением семилетнего кризиса могут быть демонстрация ребенком нарочито взрослого поведения, стремление взяться за выполнение «взрослых» дел, «резонерство» в высказываниях, отстаивание собственной позиции в споре со взрослым. Вместе с этим появляется интерес к собственному внешнему виду, возможны конфликты из — за одежды, которая теперь воспринимается как «одежда для маленьких». Однако потеря детской непосредственности несет с собой и много позитивных изменений в личности ребенка шести — семи лет. Возможность увидеть себя со стороны позволяет осмысленно ориентироваться в своих переживаниях. В связи с этим начинают проявляться требовательность к себе, предпринимаются осознанные попытки самонаблюдения, саморегуляции, самонаказания. Возникает опосредованность поведения определенными правилами. Именно появление этих качеств в психике ребенка является показателем его готовности к сознательной исповеди. О готовности ребенка к исповеди, опыте работы священника с детьми написал протоиерей Владимир Воробьев в книге «Покаяние. Исповедь. Духовное руководство».

Во взаимоотношениях с взрослыми складывается новое общение — ребенок узнает, как общаться с врачом, милиционером, продавцом в магазине, он вступает в ролевое взаимодействие, принимая требования ситуации. Общение со сверстником тоже видоизменяется — усиливаются межличностные тенденции, появляются привязанность, дружба. Вместе с тем все большее значение приобретают правила регламентации взаимоотношений со сверстниками, которые зафиксированы в детской субкультуре.

Детская субкультура, по мнению специалистов (М.В. Осорина, В.В. Абраменкова), является тем полем, где дети осваивают первые навыки социального взаимодействия. В ней хранятся правила очередности — так в затруднительных случаях используется

«считалка». Имеются свои «кодексы чести», определяющие, что можно делать в сообществе, а что — нет.

Бытующие в детской субкультуре «дразнилки», по мнению В.В. Абраменковой, несут в себе некоторые воспитательные функции, а также функции «первичной психодиагностики», которые позволяют оперативно определить, с кем имеешь дело: сказал «дразнилку» и наблюдаешь реакцию. Все это подготавливает вхождение ребенка в более широкий социальный круг, где будет найдено применение вызревшим внутренним качествам. Это реализуется при поступлении ребенка в школу.

Младший школьный возраст. (От семи до десяти лет)

Начальная школа — наиболее благоприятный период для преподавания из любой области знания, особенно основ православной культуры, а потому перед тем, как анализировать различные характеристики детей этого возраста, попытаемся понять, каким должен быть урок по основам православной культуры в школе. Когда преподается какой — то другой предмет, например математика, то все более — менее понятно. Есть какой — то объем знаний, который дети должны усвоить, есть определенные навыки, которыми дети должны овладеть, и задача педагога заключается в том, чтобы все это осуществить. А с уроком по основам православной культуры все значительно сложнее. Да, есть Священное Писание, но при его чтении дети могут вести себя неблагоговейно или равнодушно, и тогда его лучше не читать. Существует церковная и молитвенная практика, но если все предписания выполняются формально, может быть, лучше им не следовать?

Этот предмет трудно преподавать и по многим более приземленным причинам. По этому предмету не ставится оценка, преподаватель не кричит, не строжится чрезмерно — какой — то несерьезный предмет получается... А в старших классах и того «хуже» — для поступления в университет он не нужен, так зачем же в наш прагматичный век на него тратить время?

Урок «спотыкается» с первого же шага: на нем преподаватель не требует жесткого соблюдения дисциплины, часто и собственно урока — то нет как такового. Особенно остро проблема дисциплины стоит в среднем звене. Опытные преподаватели разработали много методических приемов «борьбы с детьми». Суть их сводится к тому, чтобы во время занятий дети были постоянно чем — то заняты. Можно раскрашивать карты на тему урока, можно устраивать викторины или решать кроссворды. Но такие занятия, безусловно, не могут быть целью урока — это лишь вспомогательные средства.

Чтобы представить, какую форму урока можно считать желательной, начнем с воспоминаний. Одна из авторов этой книги

пришла к вере в советское время. Тогда весь мир вокруг, включая мужа и его родственников, был против этого, но у нее было уже двое совсем маленьких детей, и им мама могла рассказывать о Боге. В результате получилось так, что они стали единомышленниками в своей устремленности к Богу, у них была своя тайна, которой мир не знал и которой мир был враждебен. Они были и до сих пор остаются друзьями, и сердцевиной их дружбы является любовь к Богу.

Думаем, что идеал вероучительного урока — урок, на котором ученики и учитель ощущают себя единомышленниками, устремленными к Богу. Конечно, такое бывает не всегда, но если бывает, это оставляет след на всю жизнь.

Хочется предупредить еще об одной опасности. На обычном уроке педагог «выше» своих учеников: он дает им знания, которыми он обладает, а они только потребляют. На уроке Закона Божьего такого неравенства быть не может. Да, дети, которые сидят в классе, не всегда ходят в церковь, может быть, они не постятся и не молятся по утрам, но Господь ведь оценивает нашу сердечную глубину и чистоту, и мы не знаем, какой будет Его оценка. Мы не можем «возвышаться» над детьми, единственное, что мы можем, — это вместе с ними искать Бога. Педагоги по своему духовному уровню очень далеки от апостола Павла или других святых, устами которых говорил Бог, потому мы, смея говорить о Боге, должны непрестанно взывать, как мытарь: Боже, милостив буди мне грешнику (Лк. 18, 13).

Духовное воспитание. Первый серьезный шаг из родительского дома в мир дети совершают, когда перед ними открываются двери школы. Если до этого духовное воспитание велось в основном родителями, то теперь важную роль в формировании взглядов ребенка играет учитель. Главной задачей этого возраста является ученичество. При этом ученичество в дальнейшей жизни должно развернуться в способ общения с людьми: мы должны быть готовы учиться у каждого встреченного нами человека, ведь каждый человек несет в себе какое — то уникальное, свойственное лишь ему качество и знание. Такое отношение к людям отражает отношение ученичества к Богу. Нет пустых встреч. Все, что случается в жизни, дано нам Богом. Каждую жизненную ситуацию мы должны решать как задачу, поставленную перед нами Господом. И вот это благоговейное отношение к жизни и к каждому встреченному человеку нам дано почувствовать в отношении

к учителю в начальной школе. И как тут не восхититься Премудростью Божией, которая сначала нас учит любви (до трех лет), затем делам милосердия (дошкольное детство) и, наконец, ученичеству (начальная школа). При этом «обучается» человек не умом, а всей своей сущностью и глубиной.

Если в этом возрасте педагог придет и скажет детям о том, что Бог любит их, детские сердечки радостно раскроются навстречу этой любви и, по крайней мере на уроке, будут всеми силами желать угодить Богу. Вот тут — то и открывается возможность с ними общаться, разбирая на примерах, как нужно жить. В начальной школе нет необходимости ходить вокруг да около, можно изучать с детьми самое ценное из того, что записано, а именно, Священное Писание. При этом в первом классе нужно дать самые основные сведения о Боге, о грехопадении, о Евангельской истории, можно для этого использовать книгу О.Л. Янушкявичене «Дерево доброе» или другие аналогичные.

Во втором и третьем классе можно вести с детьми разговоры о существующих добродетелях, используя ветхозаветные сюжеты. Эти сюжеты красочны, связаны один с другим, в них представлен широкий спектр человеческих отношений. На уроках можно использовать детскую Библию. Только при этом постоянно нужно помнить, что мы — то живем в новозаветное время, и это необходимо обговаривать. Например, почему Иаков поступает безнравственно? Этот вопрос дети часто задают. Потому что тогда мир еще не знал Христа. У нас с вами сердце очищено жертвой Христа, мы и видим, что он поступал нечестно, а у Иакова сердце было затемнено первородным грехом, вот он и не видел, что грешит. Стремился к Богу как мог и не понимал, что так поступать нельзя.

В четвертом классе дети уже способны понемногу читать Евангелие самостоятельно. Только нужно подробно разбирать все прочитанные фрагменты. Пятый класс тоже можно отнести к этой возрастной группе.

В начальной школе на уроках желательно заниматься поделками, а потому можно, например, изучая Библию, делать Ноев ковчег или вырезать из цветной бумаги ангелов. Чтобы дети наглядно смогли понять, зачем нужен свет, можно попробовать походить по классу с закрытыми и открытыми глазами. На тему притч или ветхозаветных

сюжетов хорошо ставить сценки. Очень помогает тетрадь. К ней на уроках должно быть очень серьезное отношение. Можно сказать, что каждый делает для себя свою детскую Библию. В тетрадь записываются самые важные вещи из тех, о которых говорится. На тему каждого урока — рисунки. На праздник — подарок: какая —нибудь раскраска на библейскую тему, она торжественно вклеивается в тетрадь. Дети готовят свои детские Библии для своих будущих детей: нужно ведь будет и им о Боге рассказывать, а как же без картинок?

Для всех возрастов очень важно, чтобы дети чувствовали, что педагог ценит урок, что ему важна и радостна встреча с детьми, что он ее ждет. Пожалуй, главным требованием к уроку по ОПК в школе или к уроку закона Божия в Воскресной школе является необходимость создания атмосферы свободы в любви к Богу.

Монахиня Магдалина пишет (25, 21): «Гораздо важнее, если дети уходят из класса с большим желанием любить Бога, чем, если выполнена программа преподавателя. Бывает, что какой ни будь предмет особенно занимает сознание детей, и иногда может быть духовно плодотворнее поговорить об этом....Истинная проба таким урокам не в том, сколько фактов запомнили дети, а в том, вышли ли они из класса с более глубоко прочувствованным сердечным убеждением, что Церковный путь — путь настоящей жизни. Имена и факты — только крючки, на которых можно развесить перед детьми эту истину».

Также очень важно учитывать готовность конкретных детей, с которыми педагог общается, к восприятию того, о чем говорится. Монахиня Магдалина пишет (там же): «Всегда можно увидеть детей с неодинаковыми способностями и расположенностью слушать о Боге, и легко можно нанести серьезный духовный вред, если не говорить с каждым соответственно его мере. Даже один и тот же ребенок может быть в одно время более духовно восприимчив, нежели в другое».

Коснемся еще вопроса посещения детьми богослужений. По словам монахини Магдалины (25, 24): «Невозможно предписывать общие правила по поводу числа церковных служб, на которых должно присутствовать детям. Каждый случай нуждается в рассуждении и молитве, и руководстве духовника....Дети, которые страдают в храме скукой, легче преодолевают это, если не боятся об этом говорить. Можно упомянуть об этом как об искушении, постигающем и

взрослых. Научите ребенка прямо во время службы рассказывать прямо Господу с своих проблемах и радостях, если он устает слушать службу, и даже говорить Ему об этой скуке и просить, чтобы Бог Сам помог ему найти интерес к службе».

Вообще, хорошо известно, что к детским молитвам Господь необыкновенно милостив. Множество примеров Божьего милосердия к детским молитвам содержится в житиях святых. Вспомним хотя бы преподобного Сергия Радонежского и святого Иоанна Кронштадтского. Об этом пишет и блаженный Августин (3, 75): «Я встретил, Господи, людей, молившихся Тебе, и от них узнал, постигая Тебя в меру сил своих, что Ты Кто — то Большой и можешь, даже оставаясь скрытым для наших чувств, услышать нас и помочь нам. И я начал молиться Тебе: „Помощь моя и Прибежище мое“, — и, взывая к Тебе, одолел косноязычие свое». Даже в нашей жизни можно встретить такие примеры. Так, маленькая Лена однажды сильно провинилась. Мама «двинулась» в ее сторону, чтобы наказать. Лена быстро убежала и закрылась в детской комнате. Естественно, закрытая дверь для мамы не преграда, но тут раздался звонок во входную дверь, пришли мамины друзья, и мамин гнев постепенно прошел. Вечером Лена спросила: «Мама, знаешь, почему ты меня не наказала? Потому что я убежала в комнату и помолилась».

Можно не бояться приучать детей обращаться непосредственно к Богу. При этом, конечно, нужно оговорить, что мы не всегда просим то, что нам полезно. Хороший пример тому есть у Антония Сурожского, который в детстве просил у Бога возможности делать чудо как его дядя: вынимать на ночь свои зубы.

Протоиерей Василий Зеньковский называет возраст, соответствующий начальной школе, периодом второго детства. Об этом возрасте он пишет (22, 114): «Духовная жизнь гораздо определеннее и яснее струится через моральную сферу — второе детство есть классическое время оформления моральных идей и правил... Дитя типически „послушно“ в эти годы... Для религиозной жизни пора второго детства в общем неблагоприятна. Удивительный мистицизм раннего детства с его интуициями и прозрениями исчезает, духовная чуткость к горнему миру слабеет, но зато гораздо ближе становятся жизненные образы религии. Христианство, раскрывающее жизнь Спасителя и Божией Матери, жизнь святых и их подвиги,

становится особенно питательно и нужно именно в этой своей земной стороне, трогательной, глубокой, но земной. Религиозное сознание растет и мелеет, теряя свою интуитивную чуткость, но зато оно становится определяющим источником моральной жизни, питая и согревая моральную сферу. Чрезвычайно просто и естественно дети в это время переходят к религиозной активности — посещение храма, особенно прислуживание в нем, выполнение обрядов и соблюдение церковных требований становится естественным и приятным». Так Антон начал «пономарить» в Церкви с восьми лет. Тайком от папы весь Великий пост он, пользуясь тем, что учился во вторую смену, ездил два раза в неделю на литургию Преждеосвященных Даров. Когда же пришла, а затем ушла Пасха, он написал единственное в своей жизни стихотворение:

Улетела, как птичка, в дальние края,
Улетела Пасха, любовь моя.

Слова Зеньковского о моральной сфере можно подтвердить следующим примером. Семилетний Сема и его младшая пятилетняя сестренка Саша как — то играли вдвоем, и Саша, заигравшись, нечаянно разбила вазу. Когда же взрослые поинтересовались, кто же это сделал, Сема спросил: «А вы Сашку ругать не будете?» После всех выяснений мама спросила Сему: «А ты не подумал о том, что можно взять Сашину вину на себя и сказать, что это ты разбил вазу?» Сема растерянно возмутился: «Но это же будет неправдой!»

Главная задача возраста — ученичество, ведущей деятельностью является учёба. Парадокс учебной деятельности состоит в том, что, усваивая знания, ребенок ничего в них не меняет. Предметом изменений становится он сам. Впервые ребенок выполняет деятельность, которая поворачивает его на самого себя, требует рефлексии, оценки того, «чем я был» и «чем я стал». Важным показателем процесса обучения является изменение духовного опыта человека. Православный смысл такого изменения определяется словом «покаяние». В книге «Православная педагогика» протоиерей Евгений Шестун определяет обучение как частный случай покаяния (35, 36). В таком отношении к учёбе для верующего ребёнка не будет поля для

развития тщеславия и самодовольства, каких бы успехов он ни добился. Постигание знаний, как тайны Божьего Творения сопряжено с благоговением и обязательно в позитивном плане отразится на духовной жизни ученика. И совсем иначе протекает учебный процесс в ситуации, подогреваемой развитием самовыражения и самоутверждения школьника. В этом случае могут быть хорошие знания предметов, но такая мотивация к учёбе пагубно сказывается на духовном развитии растущего человека. «Очень трудно иметь в научной среде дело с бывшими вундеркиндами, которые затем оказались бесплодными научными сотрудниками» — написал профессор и протоиерей Глеб Каледа(24,99). По его мнению настоящая учёба подобна молитве и не имеет ничего общего с удовлетворением собственного тщеславия. «Бродя по лесу, сплавляясь в лодке сквозь тайгу, находясь на ослепительных горных вершинах хочется петь „Хвалите имя Господне“. Красота бытия во всех её проявлениях — от Космоса при созерцании ночного неба до мельчайших существ при рассмотрении раковинок радиолярий и диатомей в оптическом или электронном микроскопах — встаёт перед нами при изучении природы» (24,98).

Психическое развитие. Готовность к обучению складывается из нескольких параметров — ребенок осознает свои возможности, он готов подчиняться требованиям и предписаниям, он в состоянии видеть иную точку зрения (произошла децентрация процессов мышления), он активен, и ему хочется учиться. Младший школьный возраст — время обретения умелости и компетентности. У взрослых почти не возникает никаких проблем: первоклассники — старательные ученики и послушные воспитанники. Школьник — первый социальный статус ребенка. Почти каждый ребенок стремится делать все правильно.

Ведущая деятельность — учёба. Мир в этом возрасте представляется системой научных знаний и понятий, которыми надо овладеть. В своей деятельности школьник ориентируется на общекультурные образцы действия, которые принимает в диалоге с взрослыми. До школы такими взрослыми были родители, в процессе учебы ребенок должен установить доверительные отношения с другим взрослым — учителем. Учитель — очень значимая личность, так как он является «социально установленным» авторитетом. Но в случае,

когда сам учитель допускает лояльное отношение к установленным правилам, для ребенка это правило разрушается тоже. Разница в позициях родителей и учителя для младшего школьника заключается именно в том, что учитель является «представителем общества», «носителем общего знания», который по определению не может знать меньше родителей или ошибаться. Такое однозначное отношение к личности учителя со стороны ребенка обуславливает и позицию родителей к учителю. Мудрым житейским советом родителям будущего первоклассника является совет «выбирать не школу, а учительницу».

Ориентация на «правильность», стремление соответствовать некоторым образцам (поведения, чувства, мысли) делает детей в этом возрасте восприимчивыми к любым технологиям. Быстро и умело перенимаются модели — внешнего поведения, физических упражнений, операционных навыков управления техникой — от велосипеда до компьютера. Эта тенденция в позитивном своем направлении позволяет развиваться трудолюбию. Но она же таит в себе опасность чрезмерного «зацикливания» на внешних правилах и образцах. Стремясь соответствовать всем предписаниям, ребенок начинает относиться ко всем остальным также с повышенными требованиями, зачастую впадая в «фарисейство». Такие дети порой воспринимаются взрослыми как юные «правдолюбцы» или «ябеды». Они требуют четкого выполнения неких предписаний и от своих сверстников и от взрослых. Порой взрослые сами же нарушают те правила, которым они учили ребенка, и в этой ситуации возникают конфликты и непонимание. А порой получается так, что ребенок, стремясь соблюсти все правила, предписанные взрослыми, в какой — то момент ослабевает под этим непосильным грузом. Тогда он может начать жить своей «тайной» жизнью.

Когда Ане было девять лет, родители обратили внимание на то, что она стала по вечерам тайно читать какие — то книги. Так же тайно родители выяснили, что же каждый раз их дочь прячет под подушку. Это оказались сказки, которые много лет читались сначала папой, а потом самой Аней перед сном. По мере взросления Ани папой — филологом было принято решение, что такой взрослой девочке пора читать уже более серьезную литературу. Вот и стала прятать Аня «детские книжки» от родителей.

Одним из направлений развития в этом возрасте становится установление разнообразных социальных связей. Созревшая к концу дошкольного возраста внутренняя жизнь позволяет ребенку осознать свою «непрозрачность» для других. Это позволяет ему выстраивать собственное психологическое пространство и «пробовать себя» в разных ролях. «Дети в этом возрасте могут выдумывать собственную биографию, особенно когда знакомятся с новыми для себя людьми, и это знакомство не может перерасти в длительное» (2, 445). Структурирование своего психологического пространства проявляется и в обращении с материальным миром — свои личные предметы ребенок «маркирует», украшает как может. Это возраст создания «тайников» и «секретиков», постройки «штабов», начала освоения чердаков и подвалов (18). Подписываются книги, украшается велосипед, кровать, наклеиваются в самые невероятные места картинки — «помечая» свою вещь, ребенок словно передает ей часть своих личных свойств. Так можно осязать границы своего «я». Потому порой даже случайное нарушение этих установленных границ — стертая родителями наклейка, снятая картинка и т. п. — воспринимаются очень трагично.

Учебная деятельность. Признание учебной деятельности ведущей в младшем школьном возрасте основывается на том, что дети в этом возрасте являются активными исследователями всего нового. Поэтому и лучшей наградой за учение призваны быть новые знания, которые приобрел ученик. Специалисты (8, 499) отмечают, что внешние подкрепления, например, похвала и одобрение, оказываются не лучшей мотивацией учения. Учебный процесс, имеющий характер путешествия по неизведанной стране, где на каждом шагу поджидают удивительные открытия, позволит выработать у ребенка устойчивую мотивацию к учебе. К тому же взаимоотношения с взрослыми не будут опосредоваться школьными оценками. Иногда происходит так, что родители выстраивают свои отношения с детьми, исходя из их школьных успехов или неудач. «Меня мама не любит, у меня пятерок мало». В рисунках первоклассников часто можно встретить «красивенькие пятерочки» и мрачные «чудовища — двойки» или тройки. Оценка, по словам В.А. Сухомлинского, становится идолом. Одной из педагогических задач в этом возрасте становится свержение идола, который подменяет обращение взрослого к личности ребенка

оцениванием его отдельных качеств — памяти, мышления, внимания, воли.

Общение со сверстниками также претерпевает существенные изменения для младшего школьника. Теперь они совместно усваивают новые знания. Многочисленные эксперименты по усвоению учебного материала позволили сделать выводы о том, что знания эффективнее усваиваются во взаимодействии ребенка со сверстниками, чем с учителем. В отношениях с взрослым для ребенка неизбежно разделение функций — взрослый дает задание, контролирует и оценивает ребенка. Возникает парадокс — ребенок до конца не может освоить действия, поскольку некоторые компоненты этого действия так и остаются за взрослым. Кооперация со сверстниками позволяет иначе интериоризировать знания (делать их своими). В группе сверстников отношения равноправные и симметричные, а в общении с учителем существует иерархия.

«Ж. Пиаже утверждал, что такие качества, как критичность, терпимость, умение встать на точку зрения другого, развиваются только при общении детей между собой. Только благодаря разделению точек зрения равных ребенку лиц — сначала других детей, а позднее, по мере взросления ребенка, и взрослых — подлинная логика и нравственность могут заменить эгоцентризм, логический и нравственный реализм»(19, 265).

Развитие личности ребенка в этом возрасте почти полностью определяется позицией взрослого человека — он определяет содержание обучения, круг общения, сферу увлечений ребенка. Тип мышления, оценки и отношения взрослого становятся эталонами для ребенка. «Но в младшем школьном возрасте происходит и важное изменение в жизни ребенка: он овладевает навыками ориентировки в своем внутреннем мире» (2, 457). Это умение подготавливает переход к подростковому периоду.

Физическое развитие. В младший школьный возраст ребенок, как правило, входит с выпавшими передними зубами. А к середине возраста появляются первые постоянные зубы, которые иногда кажутся слишком большими для детского рта до тех пор, пока кости лицевой части черепа не приобретут соответствующие размеры. Беззубая улыбка шестилетнего ребенка и «бобровые клыки» восьмилетнего (7, 461) наглядно показывают, как за столь

непродолжительный период меняется костная система растущего ребенка. В этом возрасте происходит удлинение костей в продольном и поперечном размерах. Иногда быстрый рост сопровождается ноющими болями, онемением конечностей, которые особенно часты по ночам. Специалисты отмечают, что это всего лишь нормальная реакция тела на рост. Вместе с тем стоит помнить, что скелет и связки ребенка еще не созрели, поэтому большие нагрузки на тренировках чреваты опасными травмами.

Продолжается развитие двигательных навыков — силы, быстроты, координации и контроля за своими движениями как в грубой, так и в тонкой моторике. Дети — и мальчики, и девочки — совершенствуются, например, в прыжках и бросках, умении долго стоять на одной ножке, ездить «без рук» на велосипеде, а также в умении писать разными почерками, плести бисером. Порой демонстрация владения собственным телом настолько увлекает, что ребенок забывается — многие взрослые могут вспомнить из собственного детства конкурсы «на самый дальний плевок» или «кто кого поборет». Хорошее владение своим телом дает ребенку ощущение психического комфорта и способствует признанию со стороны сверстников. Неуклюжие, с плохой координацией движений дети в этом возрасте часто страдают.

Подростковый возраст. (От одиннадцати до четырнадцати лет)

Духовное развитие. На XII Международных Рождественских Образовательных чтениях к одному иеродиакону, известному своими просветительскими трудами, подошла девушка и попросила дать совет, что делать с детьми после десяти лет: «До этого возраста у нас в воскресной школе все идет хорошо. А после десяти лет с детьми управиться невозможно». О трудности работы с детьми начиная примерно с одиннадцати лет говорят педагоги многих воскресных школ. До этого все в школе благополучно: детки ходят в церковь, выстраиваются в очередь на причастие, посещают воскресную школу. Но вот приходит подростковый возраст, и дети перестают ходить в церковь. Они отказываются жить по правилам, которые до этого радостно принимали и исполняли. А если подростки и продолжают ходить в церковь, то их поведение рождает множество проблем.

Протоиерей Владимир Воробьев пишет: «Детям, воспитанным в верующих семьях, со временем надоедает то, что им предлагают взрослые. Родители и священник должны быть к этому готовы. Привыкнув ко всему церковному как к обычному, обыденному, как к тому, что навязывается старшими наравне со многим другим, что делать неприятно, неинтересно, но нужно, они начинают не вполне осознанно отвергать все это. У таких детей начинает проявляться какая — то центробежная энергия. Они хотят чего — то нового для себя, они хотят постичь какие — то неизведанные ими способы жизни, а все, что говорит мама, или бабушка, или отец, — все это уже кажется пресным. Такие дети очень легко находят недостатки у церковных людей, которые начинают казаться им ханжами, скучными моралистами. Они очень часто в церковной жизни уже не видят ничего достаточно светлого. Такой вектор, такая направленность из церкви делает их по существу не способными воспринимать благодать Божию. Участвуя в Таинствах, даже в причащении Святых Христовых Таин, по существу говоря, они ничего не переживают, они оказываются, как это ни странно, в детском возрасте малоспособными переживать причащение Святых Христовых Таин как соединение с Богом, как встречу с Богом.

Для них это одно из привычных, воскресных, праздничных состояний. Для них церковь часто становится клубом, где можно встретиться и поговорить друг с другом. Они могут здесь о чем — то интересном сговориться, дождаться с нетерпением, когда же кончится служба, и вместе побежать куда — то по секрету от родителей в мир окружающий, во всяком случае, нецерковный.

Иногда бывает хуже: им нравится шалить в церкви, и такое бывает, или подсмеиваться над разными людьми, которые здесь в церкви находятся, иногда даже над священниками. Если они что — то умеют, если занимаются в церковном хоре, то они с большим удовольствием будут обсуждать, как поют сегодня, и — без конца и края всякие насмешки над хорами, над разными певчими, кто как поет, кто что может, кто что понимает. Они всегда чувствуют себя маленькими профессионалами, которые способны оценить все это. И в таком зубоскальстве у них может пройти вся литургия и вся всенощная. Они могут совершенно перестать чувствовать святость Евхаристического канона. Но это не мешает им, когда вынесут Чашу, стать первыми или, может быть, не первыми, наоборот, пропустить маленьких вперед и очень чинно подойти к Чаше, причаститься, потом так же чинно отойти, и через три минуты они уже свободны, все уже забыли и опять предаются тому, что „интересно по — настоящему“. А момент причащения Святых Христовых Таин... — это все для них привычно, все известно, все это мало интересно» (48).

Многие известные педагоги свидетельствуют о трудностях подросткового возраста. Так Зеньковский писал (22, 120): «Все темно над подростком. Вдруг он „решит“(!), что Бога нет и уверен, что в нем нет веры, а то вдруг по привычке, по исчезнувшей инерции начнет молиться — и на время волнение, мистические восторги охватят душу. Это все лишь искушения, это лжеблагодать. Религиозная сфера как будто вся в скорлупе, живет она прошлым». Но так ли уж «все темно»? Да, подростки известны своими «темными вояжами», но ведь был и Тимур с его командой. В своей книге М.В. Осорина (19) посвятила отдельную главу тому, как Гайдар в книге о Тимуре и его команде воплотил коллективную детскую мечту, в том числе и собственную, так как по сути был лишен детства. По мысли М.В. Осориной, мечта «иметь собственный боеспособный штаб» свойственна мальчишкам всех поколений. «Она никогда не может быть полностью

материализована в реальном мире. Это детский идеал секретного пристанища, который только частично оказывается воплощенным в коллективных постройках реальных детей» (19, 156). «В художественной форме Гайдар создал модель жизни идеальной дворовой детской группы, несущей советскую идеологию, но выражающей романтику социальной мечты любой детской субкультуры: справедливый лидер, который может быть примером для подражания, дружеская сплоченность детской компании, состоящей из мальчишек предподросткового возраста, секретный и полуигровой характер их общественно — полезной деятельности и т. д.

Придуманная Гайдаром команда Тимура оказалась настолько соответствующей глубинным социально — психологическим идеалам детей младшего школьного — раннего подросткового возраста, что появление этого литературного произведения послужило началом разворачивания реального движения, которое просуществовало в СССР почти 30 лет»(19, 148).

И этот образ имеет множество подтверждений в жизни. Да и то, что касается непосредственно духовной жизни, у святителя Феофана Затворника характеризуется не такими уж темными красками (34, 49): «Река жизни нашей пересекается волнистой полосой юности. Это время воскипания телесно — духовной жизни... Только настоящие чувства истинны, только они имеют действительность и значение. Но если он, прежде пробуждения сих сил, связал себя обязательством исповедания и жизни христианской, тогда все возбуждения, как уже вторичные, будут слабее и легче уступят требованию первых уже потому, что те старше, прежде испытаны и избраны сердцем, а главное — скреплены обетом. Юноша решительно хочет держать всегда свое слово». То есть «воскипение жизни» может проходить двояко.

Как — то раз одна из авторов, гуляя около прудика, увидела, как группа подростков швыряет в него палки. Тогда она попробовала обратиться к ребятам с другим предложением: «Ребята, давайте лучше почистим этот прудик». К ее удивлению мальчишки вместе с ней принялись вытаскивать из пруда мусор с энергией не меньшей, чем до того как швыряли туда мусор.

Подросток нуждается в деятельности «вместе», и можно сказать, что главной задачей этого возраста является опытное познание братства всех людей.

У Г. Гессе в его книге «Паломничество в страну Востока» описано, как некое братство идет на Восток. И именно в этом пути и реализуется идея братства. Те, кто ходил в походы, знают, как походы и пережитые вместе трудности объединяют людей. Это — то объединение и нужно подросткам. И там, где нет объединения вокруг светлого дела, подростки объединяются в банды, шайки, дворовые компании.

Подросток должен принять мораль социума. Для этого ему нужно отодвинуть мораль авторитета. Поэтому в тех воскресных школах, где преподавание ведется с позиции авторитета «сверху вниз», подростковый возраст делается неуправляемым. Там же, где в воскресной школе существует братство, проблем с подростковым возрастом не возникает. Такое братство, например, существует в Детском клубе, руководимом протоиереем Борисом Ничипоровым. В таком братстве взрослый становится не «авторитетом», а «лидером», и существует тонкая грань между этими понятиями. Лидер обладает авторитетом, но не в силу своего положения, а в силу личностных качеств. Он — тот, кто разделяет жизнь подростков, кто придумает, чем заниматься, у кого самый тяжелый рюкзак, с которым интересно и на которого можно положиться. Хорошо об этом писал отец Борис (21, 172): «Учитель — духовник, лидер подлинного педагогического Братства, его всегда любят дети. Потому что он сам малое дитя. Он приходит в дом Братства и дети бегут к нему на встречу. Он наивный романтик. Он взрослый ребенок».

В Ковалевском православном детском доме (Костромская область, город Нерехта) живут почти сорок мальчиков в возрасте от трех до семнадцати лет. Судьбу каждого из них не назовешь легкой. Но сами дети не являются «трудными» в общеизвестном значении этого слова. Важнейшей идеей воспитания в этом детском доме является признание того, что взрослые и дети являются спутниками, они стараются следовать одним путем, который ведет к спасению. Объединяет их совместное преодоление многочисленных жизненных скорбей и опасностей. Оно и делает поначалу чужих людей близкими друг другу, ибо узы родства духовного крепче кровного родства. Но для того, чтобы это произошло, взрослыми в детском доме (и в первую очередь директором — протоиереем Андреем Ворониным) проводится поистине уникальнейшая работа. Детский дом имеет очень хорошую

материальную базу, сельхозугодья, ферму, столярную мастерскую, где дети трудятся наравне с взрослыми. Но вместе с тем в детском доме есть высококлассный спортивный зал с профессиональным оборудованием и инвентарем для занятий дзюдо и самбо, собственный флот, состоящий уже из трех катамаранов (сделанных совместными усилиями взрослых и детей), рации, прибор спутниковой навигации и полный комплект туристического, спелео — и альпинистского снаряжения для экстремальных походов — зимних, горных, спуска в пещеры. Экстремальные походы являются неотъемлемой частью воспитания мальчишек в этом детском доме. Одной из причин этого стала задача использования энергии пубертата «в мирных целях». За несколько дней такого похода решаются проблемы, которые в нормальных условиях могут решаться месяцами и годами, — обучение основным навыкам самообслуживания, преодоление потребительских установок, налаживаются взаимоотношения с товарищами. В экстремальной ситуации ребенок совсем иначе воспринимает окружающий мир, свое место в нем, своих товарищей и взрослых. Совсем иную глубину приобретают беседы о Боге, вселенной, человеке, его самоотдаче и подвиге, чести и мужестве. Конечно, использование подобных «экстремальных» педагогических методов предполагает особую профессиональную подготовку взрослых, слаженный коллектив единомышленников, но, вместе с тем, необходимыми являются братские, полные максимального доверия отношения с детьми (49).

Можно предположить, что в описанных объединениях подростков учтены их интересы. По Выготскому это: доминанта дали, доминанта усилия, доминанта романтизма. К этому следует добавить реализованную в описанных случаях потребность подростков в существовании братства. И личность лидера этого братства обуславливает личностное развитие подростков.

Лидер живет «вместе». Безусловно, не каждый священник в силу глубины стоящих перед ним задач может себе это позволить. Но педагоги, собирающиеся что — то преподавать в воскресной школе подросткам, должны ставить для себя глубокое личностное общение как первоочередную задачу. При наличии братства духовные цели становятся общим делом, и тогда естественно стремиться к их достижению. Для подростков естественно ведь бороться с

трудностями, преодолевать себя, стремиться к подвигам. И такими подвигами может быть стояние на службе, делание добрых дел и т. д. Только нужно вносить разнообразие в жизнь воскресной школы, учитывая потребность подростков в движении. Нужны паломнические поездки, православные летние лагеря, походы. Нужно вместе встречать праздники не только в церкви, но и за ее стенами. Нужно ходить друг к другу в гости, говорить о первой любви. Нужно этим детям отдать часть своей жизни.

В воскресной школе, где одна из авторов руководит старшей группой детей, даже писались к праздникам специальные музыкальные сказки на темы проблем, которые возникали при работе с детьми. Например, появилась фарисейская требовательность к другим, ответ на нее — сказка «Королевство красоты и порядка» о том, что в основе творения мира лежит любовь. Подросли дети достаточно, чтобы отслеживать в себе страсти, появилась сказка «Страна света», в которой главные герои преодолевают темный лес, наполненный сказочным изображением страстей. Ставили пьесу и о первой любви.

Примерно об этом же пишет Софья Куломзина (9, 70): «Для детей как будущих членов Церкви может стать полезной любая работа, требующая общения с другими людьми, принятия на себя определенной ответственности: организация „марша“ по какому — нибудь поводу, проведение паломничества и похода...

Важнее всего, как сложатся отношения взрослого — руководителя — священника либо мирянина — с молодежью. Учителю важно завоевать их доверие, стать другом, важно проявлять понимание, симпатию и искренний интерес к жизни подростка, но оставаться твердым в своих убеждениях. Именно это ищут ученики: друга — честного, достойного доверия, принимающего их такими, какие они есть, чьи убеждения, как они чувствуют, связаны с их интересами».

Такие требования, вообще говоря, должны предъявляться и к учителям, желающим преподавать подросткам основы православной культуры в школе. Этот курс должен быть ориентирован не на получение знаний, а на приобщение ученика к высшим ценностям жизни, а такое приобщение невозможно без личностного общения.

Но если все же, несмотря на все усилия, подросток от Церкви отходит, а такое вполне может быть, нельзя заставлять его ходить в церковь. Признавая существование такого рода проблем, В.В.

Зеньковский предупреждает родителей и педагогов о том, что основная беда заключается не в том, что дети перестают ходить в церковь, а в тех душевных переменах, которые стоят за этим. «И как бывает опасно, а порой даже губительно для религиозной жизни подростка, когда в период сложной душевной работы, период тревожных исканий мятущейся души, родители или школа думают не о том, чтобы войти в эту внутреннюю драму души, а заставляют идти в церковь! Ничего кроме лицемерия, недоброй враждебности к религиозной жизни не дают такие меры» (22, 169). В.В. Зеньковский уверяет своих читателей в том, что к Церкви никого не нужно принуждать, ибо она так полна красоты и правды: «Нужно, чтобы каждой душе дано было найти в Церкви отзвук на ее искания и запросы, дано было опытно познать правду и силу Церкви» (там же). А задача родителей или учителей, по мысли Зеньковского, и заключается в этот серьезный период именно в том, чтобы разделить с подростком его внутреннюю душевную драму, постараться вместе с ним пережить это время.

Психическое развитие. Подростковый возраст является началом переходного периода от детства к взрослому состоянию в жизни человека. Греческое слово *krisis* переводится как «решение, приговор, решительный исход». В таком контексте восприятия слова «кризис» можно говорить о неминувности подросткового кризиса в жизни каждого человека. Кризис подростничества как решение о переходе во взрослый возраст, исход из детства обуславливает психическое развитие в этом возрасте. Характер этого перехода может быть различным. Так, Маргарет Мид, исследуя взросление подростков на островах Океании, описала, что этот период жизни протекал у них бесконфликтно, в атмосфере беззаботности (44). Это позволило ей сделать выводы о том, что не всегда «гормональные бури» являются источником конфликтов и противоречий подросткового возраста, а также о том, что психология подростка во многом зависит от социокультурной ситуации, в которой он развивается.

В зависимости от культурных традиций, социально — экономического развития общества, внутрисемейных установок переход от детства к взрослости может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет. Общим является правило — ни в одном обществе от ребенка не требуют, чтобы он стал взрослым моментально, всюду процессу достижения взрослости отводится время и место. Это и

становится основным содержанием общения взрослого и подростка — помочь вырасти в меру взрослости и ответственности. Если этого не происходит, то утрачивается взаимопонимание, и тогда неминуемы конфликты.

* Для нескольких поколений молодежи книга Дж. Д. Сэлинджера о подростке, который мечтал ловить заигравшихся над пропастью во ржи детей, стала не только любимой, но и программной. Программной в том плане, что, вырастая, последователи Холдена с той же романтической устремленностью позволяют своим детям заигрывать над пропастью. Считается, что взрослый человек держит ситуацию под контролем. Он знает, где граница, которую ребенку переступать нельзя. А ребенку пока этого не понять, он еще не настолько вырос, чтобы постоянно помнить об угрожающей ему опасности. Это может фрустрировать ребенка, наложить негативный отпечаток на восприятие им окружающей действительности. Взрослые с энтузиазмом охраняют резвящихся детей, не позволяя им осознать масштаб многих жизненных проблем. И все продолжительнее и продолжительнее делается, таким образом, время беззаботного и безответственного детства. Ребенку, чтобы почувствовать себя повзрослевшим, требуются некие основания. Во многих культурах хранятся символические церемонии перехода из одного возраста в другой — инициации. Проходя обряд инициации, ребенок переходит в новый возраст, следовательно, получает новый статус. Новый статус обязательно предполагает новые права и обязанности, иной уровень ответственности. Если нарушается процесс взросления, и ребенку, как и прежде, взрослые мало что могут доверить, случаются попытки «самовольных инициаций». Каждому педагогу известен перечень таких «посвящений во взрослые», которые имеют тенденцию к увеличению опасности для жизни — от выкуренной сигареты до употребления психически — активных веществ и далее. Надо полагать, что одной из причин нарастания кома девиантного и аддиктивного поведения является отсутствие ответственности подростка за то, что он предпринимает. Взрослые и в этих ситуациях стремятся подхватить падающего в пропасть ребенка, не требуя ответа за содеянное. В том же случае, когда взрослые учат ребенка «ходить над пропастью», он гармонично и бесконфликтно переходит из возраста детства в возраст взрослости и ответственности (50).

Обычно переход от детства к взрослости включает в себя два периода — подростковый и юношеский. Начало подросткового возраста, как правило, связывают с началом гормональной перестройки детского организма. Пубертат — время полового созревания организма. В.В. Зеньковский так характеризует психическую сферу подростка: «После периода трезвости и погружения в „порядок“ природы, социальной и моральной жизни подросток чувствует себя подхваченным новой и неведомой ему силой, которая действует в его глубине. Эта сила властно и нетерпеливо опрокидывает привычки, сложившиеся вкусы, толкает куда — то вперед, мутит и волнует душу, бросая ее из одной крайности в другую... Душа подростка совершенно отошла от трезвости и реализма, от следования правилам и от приспособления к порядку... Она вновь, хотя и по — иному, чем в раннем детстве, возвращается к себе, но уже не в форме наивного эгоцентризма, а в форме мечтательного эгоцентризма. „Мечтательность“ есть ключ к этому периоду...» (22, 117–118). На границе подросткового возраста происходит изменение отношения реального и возможного в сознании. Развитие интеллекта приводит к тому, что резко расширяются границы внутренней жизни — сознание наполняется идеальными конструкциями, гипотезами о себе и окружении. Одной из задач развития подростка является координация взаимодействия реального и воображаемого в сознании и деятельности.

Психологическим критерием перехода к подростничеству является осознание себя человеком, перешагнувшим границы детства. Возникновение представления о себе как «не о ребенке» является основным новообразованием этого возраста. В связи с этим у подростка возникает потребность в изменении образа жизни. «При этом подростки проявляют не критичность к подлинному объему своего знания и умения. Накопленный опыт, знания, обученность приводят к своеобразному „я сам!“, к субъективной готовности на все в жизни. Отсюда — настаивание на своей независимости, требование свободы. Подростки отвергают свою принадлежность к детству и утверждают свою взрослость» (26, 297). Источником конфликтов может стать в этом возрасте отсутствие устойчивой системы координат — системы жизненных ценностей, которая позволила бы реально оценивать события. «Пустыня отрочества», по образному выражению

Л.Н. Толстого, не имеет опыта личного выбора и ответственности. Осознание личной ответственности — важнейшая воспитательная задача в общении взрослого и подростка. «Если ты не маленький, отвечай за всю ту сферу, в которой считаешь себя взрослым».

Тенденция к взрослости проявляется и в семейном поведении подростка. Подросток обречен на рождение из «семейной утробы» в мир социальных отношений. Рвется «эмоциональная пуповина», меняется характер эмоциональной привязанности к родителям. На смену авторитету родительской власти приходит (или не приходит) авторитет личности родителей. Он зависит для подростка от уровня социальной или профессиональной компетенции мамы или папы. Существует точка зрения, согласно которой, человек, не изменивший характера эмоциональной привязанности к родителям в подростковом возрасте, вынужден будет сделать это в период становления собственных семейных отношений.

В книге Франсуазы Дольто «На стороне подростка» приводится подробный анализ многих семейных драм, связанных с переживанием подросткового кризиса. В частности, Ф. Дольто отмечает, что внутренние разногласия, возникающие в семьях, воспринимаются ребенком до одиннадцати лет с огромными трудностями, но молча. В подростковом же возрасте «назревшие противоречия требуют разрешения». В случае, когда все идет хорошо и в семье нет никакого разлада, подросток «расценивает свою семью как пристанище и ценит ее очень высоко, но при этом он не чувствует, что играет в ней сколько — нибудь значительную роль и ищет пути самоутверждения в окружающем обществе» (6, 19). Стремление к самоопределению в мире социальных отношений толкает подростка на выход из семьи. Если семья имеет многообразие социальных контактов, у взрослых есть круг внесемейного общения, то и подростки не задерживаются на пассивной или агрессивной позиции. Имея за спиной свою семью как надежную гавань, куда в любой момент можно прийти, чтобы набраться сил, подросток отправляется в самостоятельное плавание по социуму.

Подростка, не умеющего выйти за пределы семейного круга, Ф. Дольто сравнивает с мацерированным плодом (мацерация — размягчение тканей, приводящее к распаду на отдельные клетки, «смерть заживо» — Т.С.), который не в состоянии родиться. «Семья

взрывается, словно мать, которую разрывает изнутри ее дитя. Это происходит в семьях, помешанных на семейственности, где нет радости внешнего социального общения, того, что подталкивает ребенка заниматься спортом, интересоваться культурной жизнью и т. д.» (6, 90–91).

Обретение подростком собственной позиции в мире социальных отношений совсем не тождественно разрыву с семейными устоями и ценностями. Многие подростки высоко ценят нормы, существующие в их семьях, обретая собственную социальную самостоятельность, уверены в том, что их будущая семья будет такой же, как и семья их родителей. Часто семейные устои являются для подростка эталоном, ориентируясь на который он выстраивает собственное взаимодействие с социумом. На вопрос: «Неужели тебе никогда не хотелось сбежать из дому?» — один из известных российских ученых (Аверинцев С.С.) ответил, вспоминая себя в пятнадцать лет: «Как вы не понимаете: из осажденной крепости не сбегают» (45).

Социальной ситуацией развития становится освоение области взаимоотношений людей за рамками семейного круга. Поэтому в качестве ведущей деятельности в этом возрасте называются общение со сверстниками (Д.Б. Эльконин) и общественно значимая деятельность (В.В. Давыдов). Основной задачей развития становится освоение своего телесного и душевного мира, их координация и вписывание в окружающую действительность.

Осознается потребность в собственной позиции. Утверждению собственной позиции помогает наличие «своей территории». Подростковый и юношеский возрасты считаются самыми активными по освоению территории. «Территориальное поведение» подростков может открыть взрослым ту информацию, которая иначе им недоступна. «Оформление» подростком собственной комнаты или уголка плакатами, наклейками и другой «наглядностью» подскажет взрослым о том, что желает видеть рядом с собой их чадо. Наиболее предпочитаемые места встреч с друзьями также позволяют сделать некоторое предположение о содержательной стороне общения подростка с приятелями.

Так, в определенный период родители четырнадцатилетней Ани обнаружили, что большую часть своего свободного времени их дочь проводит в студии фитодизайна и в поездках по цветочным магазинам

и выставкам. В общении со сверстниками, особенно в первой фазе подростничества, для подростка важны не столько содержание, сколько интенсивность общения. Постепенно происходит смещение внимания на содержательную сторону общения. Но кажущимся парадоксом подросткового общения является тот факт, что энергетически зарядить и общение, и творчество подростков может только человек взрослый. Огромное значение в становлении стиля подросткового поведения имеет «значимый взрослый», чаще не родитель, а представитель того самого социального мира, куда устремлен взор подростка. Это может быть тренер, учитель, тот, кто в глазах подростка обладает уникальными качествами общественно значимой деятельности.

Поэтому, выступая на XIII Рождественских образовательных чтениях в 2003 году, одна из авторов обратилась и к священнослужителям, и к мирянам, занимающимся православным воспитанием, со следующими предложениями: «Особенно стоит потрудиться в деле воцерковления талантливых педагогов, интересных, ярких личностей, тех, к кому тянутся дети. Как правило, это честные, ищущие люди. Порой складывается впечатление, что они самодостаточны, и есть большой соблазн (не только у священников, но и у простого мирянина), говоря православным сленгом, смирить такого человека. И в этой ситуации стоит поучиться у русских православных миссионеров, которые были не только самоотверженными свидетелями своей веры, но нередко и подлинными создателями культуры целых народов. Как писал архиепископ Николай Японский (Касаткин), „наше служение есть духовное рождение чад Богу; какое же рождение не сопряжено с муками?“ Создание педагогической православной среды — первостепенная задача в наших школах. Православная среда складывается в том случае, когда к педагогам постепенно приходит понимание того, что со своими сомнениями или проблемами можно обратиться к священнику. Есть „наш батюшка“, и у него найдутся силы, время и любовь для нас. Он подскажет, он помолится, он утешит. И только потом рождается понимание, что Церковь — это не только наш батюшка, но и мы сами.

Почти на каждом приходе есть люди, умеющие что — то очень хорошо и с любовью делать. Кто — то замечательно фотографирует, у кого — то есть дар сочинять стихи, кто — то поет песни под гитару, а

кто — то занимается спортом. Совсем не обязательно, чтобы творчество этого человека прямо соприкасалось с церковным искусством или ремеслом. Человек, живущий церковной жизнью, вносит свет в каждое свое делание. Дети это очень хорошо чувствуют. А в подростковом возрасте просыпается особый интерес именно к такому человеку — носителю социально значимых умений. Будет разумно, если такие люди посвятят несколько часов в неделю общению с детьми, чтобы у них складывалось положительное и более широкое представление о Церкви» (51).

Жизненно важной сферой для подростков становится область межполовых отношений. Психологическую и духовную характеристику этой важной проблемы приводит в книге «На пороге зрелости» протоиерей Василий Зеньковский. Каким образом говорить взрослому человеку с подростками о любви, об отношениях мужчины и женщины, обо всем том, что волнует и интересует в этом возрасте? Здесь существует многообразие мнений — от признания ведущей позиции здесь общества сверстников, которое, якобы, «на доступном уровне выдает требуемое количество информации», до специально разработанных взрослыми программам «просвещения» подростков. Многие опытные педагоги (в частности С.С. Куломзина) уверены в том, что взрослый человек должен говорить с подростками на темы любви и взаимоотношения полов. Но как это делать, универсальный совет дать затрудняются. В педагогической литературе начала XX века встречаются советы знакомить подростков с содержанием Книг Ветхого Завета, где проявления любви человеческой представлены как Богом дарованные и освященные.

Завершение подросткового возраста во многих культурах связывается с прощанием с детством и вступлением в новую пору. Зачастую этот переход, как было уже сказано выше, оформляется специальным обрядом — инициацией.

Психологической сутью этого обряда является переход к стадии самоопределения. Период «бури и натиска», «эндокринного шторма» заканчивается переходом к началу «душевной децентрации» — способностью и готовностью личностно и профессионально самоопределиться.

Физическое развитие. Зеньковский пишет (22, 117), что подростковый возраст «предваряется некоторым телесным и

психическим увяданием — ослаблением памяти, внимания, упадком прежних интересов... А затем начинается беспокойная, тревожная и противоречивая пора интенсивного полового созревания, когда новая сила (пол), до сих пор действовавшая или скрыто или неполно, выступает на первый план. Пол окончательно формируется со своей телесной стороны, сменяя прежнюю, относительно „недифференцируемую“ фазу, сосредотачиваясь — хотя и не исключительно — в генитальной зоне. Это вызывает ряд существенных перемен в жизни мальчика (вторичные половые признаки) и девочки (менструации), останавливая на некоторое время обычный рост различных органов тела».

Освоение собственного тела, которое организовано многоуровнево и сложно, провоцирует как двигательную суперактивность (желание танцевать, кричать, бегать), так и двигательную вялость, неподвижность. Одной из задач подросткового возраста Г.С. Абрамова называет установление иерархических отношений между произвольными и непроизвольными двигательными реакциями (2, 492). Потому во все времена особое внимание уделялось физическому воспитанию молодых людей. Подросток, лишенный «мышечной радости», вынужденный сдерживать свои двигательные функции, зачастую проявляет различные виды нервных тиков. Специалисты подмечают тот факт, что у подростков из сельской местности тики практически отсутствуют, как и проявления физической неловкости в разговоре.

Юность. (С пятнадцати — восемнадцати до двадцати лет)

Все возрастные границы, указанные при характеристике того или иного периода становления человека, естественно, указаны лишь приблизительно. Возраст вступления в тот или иной период у каждого конкретного человека индивидуален. Особенно это относится к периоду юности. Верхнюю границу этого возраста мы обозначили, исходя из церковной практики, в которой возраст двадцать один год означает уже некую ступень зрелости.

Духовное развитие. Для быстро развивающихся детей в пятнадцать — шестнадцать, для других позже, наступает период сомнения в существующих нравственных ценностях. Это время — время перехода подростка в свою новую пору, пору юности. Подросток вдруг отвергает все и сомневается во всем, отвергает, чтобы сделать свой собственный уникальный выбор системы ценностной иерархии. Можно сказать, что главная задача этого возраста — выбор Божьего пути. И многие в этом возрасте, или чуть позже, такой выбор делают. И если юноша сам приходит к необходимости жить для Бога, то его духовная жизнь приобретает настоящую силу и глубину. Протоиерей Владимир Воробьев писал: «Потом наступит время, когда можно будет сказать: „Ну вот, ты теперь большой, ты вырос, давай поговорим серьезно...“ И складывается какая — то общая жизнь с духовником, личные отношения на серьезном уровне, которые для подростка становятся очень ценными».

Протоиерей Василий Зеньковский пишет о юности так (22, 121): «Это пора выбора пути жизни и составления планов, по преимуществу пора свободы и творческой независимости, пора грандиозных замыслов, ярких утопий, героических решений... Духовный мир не оттеснен „приспособлением“ к жизни, как во втором детстве, он свободен и полон того дыхания бесконечности, которое никогда не выступает... так пленительно, как именно в юности... Как часто именно в эту... пору в живом и горячем порыве отдает себя юность на всю жизнь на какой — либо подвиг и остается свободно верной всю

жизнь свою ему... В юности достигает полноты субъективного и объективного своего созревания дар свободы».

Однако существует возможность и другого выбора: «Возможно даже, что юность в горении сердца и в чистом энтузиазме отдаст себя разрушению религии в мире...» (22, 123). Так же может быть сделан выбор жизни, направленной на потребление и на материальную выгоду и т. д.

Самым тяжелым для педагога в этот период является то, что он остается за порогом, когда его воспитанник делает решительный шаг. Этот решительный шаг воспитанник делает без него. В каком — то смысле педагога можно сравнить с «другом жениха» в древних восточных традициях. Такой друг должен был все подготовить к свадьбе, а потом остаться стеречь у порога в свадебный шатер, когда жених входил в свою радость. Этот образ присутствует и в Евангелии: Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия — то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяляться (Ин. 3, 29–30). Так говорит Иоанн Креститель о себе и о Господе нашем Иисусе Христе).

При этом многие педагоги, к сожалению, вынуждены добавить: «Хорошо, если в радость, а если в разрушение себя самого?» Увы, и такое возможно, но что — то изменить уже нельзя. Раньше нужно было стараться, чтобы в душе у воспитанника сложился образ Бога — Любви, а не только образ Бога — Судии, раньше нужно было стараться помочь полюбить все церковное, научить радости жить для других. Зеньковский пишет (там же): «Духовная слепота (лишь у избранных свыше людей устранимая силой внутреннего свечения) не может быть устранена никаким „образованием“, вообще через интеллект, юность изнутри должна увидеть себя в Боге». Осуществление выбора таинственно в своей сути и происходит в самой глубине сущности человека. Об этом хорошо писал протоиерей Борис Ничипоров (21).

Чем же все — таки может помочь педагог? Только молитвой и любовью. Может помочь тем, что не отстранится от бунтующего воспитанника, будет, насколько ему позволено, принимать участие в жизни воспитуемого, будет просить, но не требовать помощи в делах милосердия, будет приглашать с собой в Церковь. И вполне может случиться, что почувствованное еще в подростковом возрасте братство людей воспитанник осознает как единственно возможное единение в

Боге. «На фоне того, что раскрывается нам в тайне Церкви, как тайне благодатного единосущия, всякое обособление, существенно связанное с выявлением личности, как таковой, является грехом....Оцерковление личности — это и есть ее спасение и это и есть основная педагогическая проблема. В Церкви постепенно, через процесс внутренней жизни и через благодатное срастание с Церковью в Таинствах, в молитве мы начинаем понемногу опытно опознавать единачальное единосущие, которое лишь в Церкви и может быть реализовано», — писал Василий Зеньковский (там же).

Обратим внимание еще на одну возможную опасность. В духовной жизни могут превалировать эгоцентрические тенденции. «Тщеславие и честолюбие расцветают в душе молодых людей пышным цветом, поэтому священнику приходится постоянно переключать юношей и девушек с мнения о самих себе, на объективные интересы дела. Очень важно, чтобы пастырь, уделяющий внимание духовному окормлению молодежи, хорошо чувствовал, куда направлены чувства и мысли его юных прихожан, и понимал, насколько их намерения адекватны. Очень часто для воцерковляющихся юношей и девушек привлекательным становится путь монашеской жизни. Испытав первые разочарования и потрясения от безответной любви, неудачной сессии в институте, они настойчиво просят своих духовников благословить их на послушание в монастыре с намерением затем в нем остаться. Если вовремя не распознать за этими благими порывами болезненного состояния души, происшедшего вследствие уязвленного самолюбия, тщеславие и честолюбие могут привести молодых людей к жестоким и горьким разочарованиям» (46).

Психическое развитие. Период юности называют последним временем детства и первым возрастом зрелости. Основная задача юности — дать личности вступить в зрелость. Все силы души — духовная, интеллектуальная, физическая, по мнению В.В. Зеньковского, вполне созрели для этого.

Юность аккумулирует в себе все новообразования предыдущих возрастов, и они проявляются в юности в новом качестве. От раннего детства возвращается к юности эстетический тип мироощущения, чувство светлой бесконечности. Младший школьный возраст закладывает внимание к законам и порядкам мира внешнего,

социального и морального. Новое их качество проявляется в том, что повзрослевший человек стремится не просто приспособиться к существующим законам, но и самому менять ситуацию, утверждая этот закон. «Наконец, от отрочества в юность привходит могучая сила пола, но как бы укрощенная и просветленная... обычно находящая свой объект, в восторженном поклонении которому расцветают все лучшие силы души» (22, 21).

Этот период связан с началом профессионального и личностного самоопределения — окончание школьной учебы, начало профессионального обучения или первая самостоятельная трудовая деятельность, окрепшие личностные привязанности. Ведущей деятельностью юности становится поиск своего места в жизни. Основные новообразования — осознание самого себя как целостной, многомерной личности, появление жизненных планов (выстраивание стратегии), вызревает готовность к самоопределению. Вместе с тем юность ограничена в своем понимании всей полноты того, что происходит в ней, и того, что происходит в окружающей действительности. Именно эта недальновидность юности обнаруживает ее принадлежность к детству. Неумение адекватно оценить собственное состояние, «социальная слепота», которые связаны с отсутствием житейского опыта, могут привести к тому, что цельность и возвышенность чувств будут подменены «легкой жизнью» по принципу «получи от жизни все» или это превратится в фанатическое устранение всего того, что мешает юношескому радикализму.

Физическая и интеллектуальная зрелость провоцирует юность на самый высокий уровень притязаний, юношеский максимализм часто не позволяет делать самого простого и необходимого. В учебе зачастую проявляется стремление к внешним достижениям — притягательными становятся высокий материальный или социальный статус будущей специальности, стремление понравиться преподавателям. Общей тенденцией, характеризующей период юношеского становления, является стремление все испытать, впитать, пережить. «Юность всегда готова постичь как разнообразие в принципе, так и принцип в разнообразии» (38, 247). Объясняя свое понимание юности, Э. Эриксон утверждает, что прежде чем принять взвешенное решение, юность испытывает крайности. Суть этого

испытания — определить «нижний предел некоторой правды, перед тем как вверить силы тела и души части существующего (или грядущего) порядка, подчиниться существующим в обществе законам. Лояльность, законопослушность — опасное бремя, если только оно не взваливается на плечи с чувством независимого самостоятельного выбора и не переживается как верность» (38, 248).

Завершение юношеского периода связывают с кризисом юности. Основное содержание этого кризиса — встреча реальной жизни с ее идеальными представлениями. Чем более осознаются расхождения в том, что «сам придумал о себе и своей жизни», и тем, что в какой — то момент осознал как реальность, тем острее происходят внутренние переживания. Помогают пережить кризис подготовленность к крупным переменам в жизни, способность самостоятельно принимать решения и отвечать за них, умение намечать жизненные перспективы — далекие и близкие, умение освобождаться от иллюзий, но при этом сохранять в своей душе идеалы. Отсутствие внутренних средств разрешения кризиса приводит к негативу — алкоголизму, наркомании, вовлечению в тоталитарные группировки, суициду.

Подводя итог характеристике юности, стоит еще раз подчеркнуть, что это еще не взрослый возраст. И здесь специалисты предупреждают о возможных опасностях для развития личности юноши или девушки. Б. Ливехуд пишет, что нет ничего опаснее в этом возрасте, как для студенчества, так и для молодых фабричных рабочих, «безличного, механического» действия и осознания четкой предопределенности во всем. Готовность к ситуации, «срывающей все планы», является ресурсом дальнейшего развития. Г.С. Абрамова видит опасность этого возраста в том, что «отношения близости, соперничества, борьбы переживаются в связи с людьми, подобными себе, со сверстниками. Это рождает предвзятость в отношениях, неприятие самого себя и других... Может быть, отчасти потому ранние браки и обладают такой хрупкостью, что за ними стоит страх перед одиночеством, а не переживания полноты жизни...» (2, 518).

Стремление и готовность в реальной жизни продемонстрировать ответы на основные вопросы юности: кто я? чего я хочу? что я могу? — обозначают границу перехода в новый период развития. Принятие ответственности за свою жизнь связано с вступлением в пору молодости.

Физическое развитие. Юность — период завершения физического созревания человека. К этому возрасту, как правило, выравниваются подростковая угловатость и диспропорции тела, обусловленные неравномерностью созревания. Юноши догоняют и опережают в физическом развитии девушек. Во всех культурах к этому возрасту человек уже готов к преодолению физических испытаний и лишений — в некоторых странах не только юноши, но и девушки призываются на службу в армию, уже не действуют возрастные ограничения при приеме на физически тяжелую работу, самый большой процент олимпийских чемпионов составляют представители этого возраста. Однако в этом возрасте, так же, как и в подростковом, очень актуальным остается повышенное внимание к своей физической форме. Некоторые юноши и девушки склонны находить у себя физические отклонения даже тогда, когда все показатели соответствуют норме. В крайних случаях такая повышенная чувствительность приводит к нарушениям невротического характера. Специалисты пишут о нарушениях пищевого поведения — нервной анорексии и булимии, которыми чаще всего страдают именно в юношеском возрасте. «Анорексия» (от лат. «anorexіс») означает отсутствие аппетита, определение «нервная» указывает на ее психогенное происхождение. Из — за боязни стать женщинами (выглядеть как женщины — Т.С.) страдающие анорексией девушки перестают есть, задерживая таким образом развитие своего организма" (7, 572). Булимия — неконтролируемая потребность много есть, особенно сладкого, которая, как правило, лечится антидепрессантами. Этими болезнями страдают главным образом женщины, как правило, озабоченные проблемами стройности своей фигуры.

В своей книге протоиерей Борис Ничипоров пишет о расстройствах психики, определяемых как дисморфофобический синдром (21). Его характеризуют бредовые идеи мнимого физического недостатка, идеи отношения («все смотрят на мой ужасный нос»), депрессия с суицидальными тенденциями. Психологической основой такой патологии становится отторжение единства тела в его частях и элементах. «Не какое — то тело сочетается с какой — то душой, а мое тело с моей душой. Это есть единственное, уникальное, „бесподобное“ сочетание» (21, 72). Но вот эту очевидность некоторые люди

подвергают испытанию, «а психологическим содержанием, корнем этой патологии является глубинный протест против установленного порядка вещей на земле. Дано мне тело. Но больной протестует: „А с какой стати оно мне дано?!“ Поэт называет тело „единым“ и „моим“. Но и это по сути отрицается. „Во — первых, если и моим, — как бы говорит больной, — то лучше и не жить. А во — вторых, уж конечно, не единым, ибо эта самая часть тела (нос, рот, оттопыренные уши) — не то, не то и еще раз не то“. Вообще здесь есть и еще более серьезный богоборческий вызов: больной своей жизнью протестует против самого факта, что человек явлен миру через тело» (21,74).

Молодость. (От двадцати одного до двадцати девяти лет)

Первый взрослый период. Многие авторы (Зеньковский, Выготский) завершали рассмотрение возрастной периодизации юношеским возрастом. Во второй половине XX века более взрослые периоды также стали рассматриваться в контексте психологии развития. Тому можно назвать несколько причин — увеличение продолжительности жизни и связанное с этим продление профессиональной карьеры зрелого человека, расширение сферы социальной работы, которая включает в себя и работу с взрослыми людьми, и работу с семьями, и работу с представителями пожилого возраста. Все это позволило ряду исследователей взрослого развития установить, что определенным возрастным периодам соответствуют определенные личностные потребности и социальные ожидания. Как пишет Г. Крайг, «центральным содержанием этих периодов развития, как правило, являются нормативно определяемые „кризисы“, конфликты или проблемы. При этом они дают проницательное описание проблем и интересов каждой возрастной когорты. Однако вопрос о том, насколько широко они характеризуют взрослость, остается открытым» (7, 672). Этот автор предлагает рассматривать теории развития во взрослости не как устоявшиеся концепции, подтвержденные исследованиями, а как вклад, способствующий углублению представлений о развитии на этом этапе.

В существующем многообразии периодизации взрослых возрастов прослеживаются две основные тенденции. Первая — период взрослости разбивается на ряд хорошо различимых стадий развития, которые зависят от некоторого временного графика жизни, называемого «возрастными часами». «Возрастные часы» — идеализация, выполняющая функции «расписания жизни» (7, 650). Сверяясь с этими часами, человек и общество определяют, насколько медленно или быстро идет продвижение вперед относительно социальных событий. Так, сорокалетний мужчина, создающий семью, воспринимается как отстающий от сверстников, а женщина, уходящая в этом возрасте на пенсию, как опережающая своих сверстниц.

Возрастные часы также способствуют ожиданиям и подготовке к определенным событиям в определенный возраст. В таком случае говорят о «нормативных событиях», которые, происходя ранее или позже социально установленного времени, воспринимаются как травмирующие психику. Вторая тенденция в рассмотрении взрослого развития соотносит изменение личности взрослого человека не столько с его возрастом, сколько с его личностными характеристиками и социально — культурным окружением.

Учитывая специфику характеристик взрослых возрастов, совсем непросто определить границы молодости. Ряд авторов определяют границы этого возраста в среднем до тридцати лет (Г.С. Абрамова — 23–30 лет; В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев — 19–28 лет; Б. Ливехуд — 24,28–30 лет). Вместе с тем выделяется отдельно время наступления кризиса: 30–35 лет — «переходный возраст», Абрамова; 27–33 года — кризис молодости, Слободчиков, Исаев; «середина тридцатых годов» у Б. Ливехуда. Все эти авторы подчеркивают, что наступление кризиса не всегда строго связано с возрастом, а по большей части зависит от характеристик личности. Можно сказать, что границу окончания молодости они обозначают как начало кризиса середины жизни, или «десятилетия роковой черты». Основные задачи молодого возраста у этих авторов также несколько отличаются, но есть и много схожих характеристик.

Духовное развитие. Мы будем определять возраст молодости в соответствии с церковной традицией, согласно которой человек достигает духовной зрелости в тридцать лет. Именно в этом возрасте Иисус Христос вышел на проповедь. С другой стороны, в Церкви принято считать, что возраст двадцать один год означает уже некую ступень зрелости. Главной задачей этого возраста можно назвать устройство земной жизни человека.

Бог благословил земную жизнь человека, следовательно, в жизни должно быть такое время, которое преимущественно посвящено обустройству земной жизни, мирским заботам: устройству на работу, созданию семьи, своего дома. Время молодости и есть время такой жизни. Исключение составляют лишь лица, выбравшие монашеский путь: они уже живут для вечности, и земное время имеет для них другие приоритеты.

Общая психологическая характеристика возраста. В социальном представлении молодость является основным и наиболее ценным возрастом. Поведенческие стереотипы молодых зачастую становятся общественным лицом нации. Основные представительские функции, как правило, выполняют люди этого поколения. На эту социальную группу ориентируются политики, предприниматели, деятели искусства. Этот возраст чрезвычайно энергичен, во многих аспектах проявляется умелость, но еще отсутствуют проявления усталости от жизни. «В молодости человек наиболее способен к творческой деятельности, к преобразованию мира, себя самого....Во все свои дела и начинания молодые люди вкладывают большую энергию и напор. Для реализации своей идеи они готовы работать днем и ночью, при этом неудачи в начинаниях переживаются тяжело и часто выбивают из колеи» (26, 333). Не случайно пик профессиональной, географической мобильности приходится на представителей «третьего десятилетия жизни», они же составляют большую часть эмигрантов и нарушителей правил дорожного движения (26, 339).

Основными возрастными задачами молодости большинство авторов называют включение во все виды социальной, профессиональной, семейной жизни, освоение многообразия социальных и межличностных ролей. Экспансия молодости проявляется во всех жизненных сферах. Совместно с деланием карьеры, происходит создание собственной семьи, освоение супружеских и родительских прав и обязанностей. Б. Ливехуд, исходя из своей многолетней психотерапевтической практики, утверждает, что для мужчины важнейшей задачей «становится основание жизненного сообщества и начало профессиональной карьеры». Для женщины наиболее значимым является создание собственного окружения — как социального, так и материального. Даже профессиональная деятельность приносит удовлетворение женщине только в том случае, когда налажены отношения с коллегами. Семейное, дружеское, профессиональное окружение, равно как и обстановка собственного жилья, стиль поведения и одежды — все это получает окончательное оформление в молодости. Все предыдущие периоды развития подготавливают и провоцируют это оформление человека. «Найти партнера для жизни, обставить собственную квартиру, начать первую фазу профессиональной жизни — все это явно спроецированная вовне

внутренняя психическая структура» (13, 63). Поиск смысла жизни в молодости связывается с созданием собственной частицы культуры и среды. Потому для представителей этого поколения очень важен результат деятельности — позиция, социальный статус, проявление независимости, наличие дипломов. Брак и рождение детей в этом возрасте также зачастую воспринимается как подтверждение результативности прожитого периода жизни. Стремление к демонстрации результатов может создать и некоторые «перекося» в развитии. Ими могут стать рост честолюбия, стремление к престижу или имитация престижных связей, смещение содержания на форму, непропорциональная командность, отказ от той деятельности, в которой нет скорых результатов. Обращенность на результат может привести к нетерпимости, нечуткости, чрезмерному прагматизму.

Освоение супружеской и родительской функций называется некоторыми авторами (Абрамова, Слободчиков) одной из важнейших задач молодости. В этом возрасте заключается большинство браков — к двадцати четырем годам в брак вступают три четверти молодых людей. При этом специалисты подмечают следующую закономерность: если молодые люди не вступили в брак в возрасте от девятнадцати до двадцати восьми лет, то в последующие годы сделать это становится им все труднее. Создание семьи требует от молодых учета многоплановости существования не только в духовной сфере, душевной, психологической, но и в конкретной деятельности. Большая часть семейных конфликтов имеет причину, в обыденной речи определяемую словами «семейная лодка разбилась о быт». Ежедневные заботы, которые необходимо выполнять не только по настроению, но и по долгу, побуждают взрослеющего человека учиться управлять предметным миром и своим состоянием. «Честность в отношении к вещам» рождается в честном отношении к своему внутреннему психическому состоянию. Если человек стремится организовать и структурировать как внутреннее свое пространство, так и внешнее, учится управлять собой и вещами, тогда и семейные взаимоотношения приобретают большую устойчивость. «Тогда ваша чашка найдет место в вашем пространстве, одежда заявит о своем присутствии, и вы будете знать, что с ней делать. Можете даже почувствовать усталость платья и страдания немытой посуды, но это возможно, когда они принадлежат вам, а не вы зависите от них. Это не

только искусство владения вещами, это навык организации пространства своей жизни» (2, 524).

Выстраивание семейных отношений предполагает решение задач психологического, социального, физиологического плана.

В психологическом плане решается задача создания общего психологического пространства, которое не разрушает индивидуального пространства каждого человека. Это, по выражению Г.С. Абрамовой, творчество совместной общности, строительство общего дома для двух разных, но единых душ. Эта работа предполагает познание другого и себя, осознание силы и меры своего воздействия на близкого человека, равно как и силы и меры обратного воздействия.

В социальном плане создание семьи является рождением новой общности, которая учитывает все индивидуальные особенности ее создателей. Механическое копирование существующих идеалов семьи (родительских или общественных) уводит человека от решения своей личной задачи развития. Стереотипы поведения, как правило, безличны, жестки и в конечном итоге — мертвы. Воспроизведение в своей семье неких стереотипов поведения, является по мысли Г.С. Абрамовой, внесением смерти в зарождение семьи.

В физиологическом плане перед молодыми людьми встает задача освоения пространства своего тела и тела другого человека. Супружеские отношения также требуют взаимного приспособления и внутренней работы каждого из супругов. Об этой стороне человеческих взаимоотношений много говорят и пишут врачи и психологи, предлагая зачастую диаметрально противоположные точки зрения. Для христианских супругов определяющими являются слова апостола Павла: Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим (1 Кор. 7, 3–5). О значительности и важности интимных отношений мужа и жены в христианском браке повествуется в книге протоиерея Глеба Каледы «Домашняя Церковь» в главе «Брак честен, ложе нескверно» (24, 180).

К концу периода молодости формируется устойчивое отношение к самому себе, своим семейным, профессиональным, социальным обязанностям. Человек определяет для себя, на что он способен, а что, вероятно, никогда не сумеет сделать. Общая характеристика периода такова: «Он развил в своем характере уверенность, жизнь у него в руках. Он знает, чего он может достичь, и работает целенаправленно во имя этой цели. Он считает, что все трудности, в том числе и человеческие проблемы, можно решить логически — организаторским путем. Это фаза жизни, в которую человек, в зависимости от индивидуальных свойств личности, более всего является материалистом» (13, 69). Отношение к себе и собственному окружению в этот период таково: мир существует для того, чтобы взяться за него и изменить либо завоевать, опекать или бояться. Подводя итог характеристике молодости, Б. Ливехуд отмечает: «Получить права в этой фазе жизни важнее, чем быть правым» (13, 71).

Физическое развитие. Молодой человек максимально работоспособен: он достигает предельных показателей своего физического и психофизического развития. Он здоров, полон сил, ощущает себя способным на любые свершения; субъективно кажется, что нет никаких непреодолимых преград и трудностей.

Зрелость. (От тридцати до шестидесяти лет)

Духовная жизнь. Как уже говорилось, духовной зрелости человек достигает в тридцать лет. Именно в этом возрасте Иисус Христос вышел на проповедь. Предыдущая жизнь полностью сформировала и образовала человека. Он уже устроен и укоренен в жизни. Теперь его главной задачей является служение, то есть отдача всего того, что он приобрел, Богу через служение людям. И если человек стоит на правильном пути, укоренен в Боге, этот возраст необычайно плодотворен. Сфера возможного служения необычайно широка и не ограничена церковной оградой. Это может быть и воспринятая как служение профессиональная деятельность, и дела милосердия, и наставническое общение с молодежью. Пожалуй, нет сферы деятельности, где не нужно было бы служение умудренного опытом, но еще полного сил человека. Если же человек подошел к своей зрелости без внутреннего знания Бога, для него неминуем кризис. Интересно замечание Бернарда Ливехуда в книге «Кризисы жизни — шансы жизни» (13): «Кто до этого момента еще не занимался нематериальными ценностями жизни, должен воспринимать эту ситуацию как угрожающую».

Зрелость заявляет о себе появлением духовных потребностей. Возникает необходимость (социальная и личная) подвести предварительные итоги и наметить перспективу дальнейшей жизни. Полпути пройдено, не все удалось. Отсюда вывод — стоит сфокусироваться на главном. А что в моей жизни главное? Этот вопрос становится краеугольным в кризисе середины жизни. Начинается поиск духовных опор в собственной жизни. Если человек далек от Бога, то, как правило, в первом десятилетии зрелости наступает мировоззренческий кризис. Это возраст массового обращения людей к религиозным ценностям, осознанного прихода в Церковь.

Кризис середины жизни. «Многие работающие люди... переживают начало тридцатых годов, когда подводятся первые итоги жизни, как внутренне относительно самую спокойную фазу жизни. Под этим подразумевается, что может случиться все, но внутреннее

равновесие и внутренняя уверенность велики» (13, 70). Однако Данте написал в возрасте тридцати трех лет:

Земную жизнь пройдя до середины
Я оказался в сумрачном лесу,
Путь правый потеряв во тьме долины...

Для многих людей, вошедших во вторую половину тридцатых годов своей жизни, становятся актуальными слова поэта. Полностью сформированный, зрелый человек, зачастую уже имеющий семью и профессию, успевший что — то сделать в своей жизни, вдруг обнаруживает в себе сомнение: «кто я?», «так ли я живу?», «каково мое действительное предназначение в жизни?» Исследователи утверждают, что кризис взрослости вызревает незаметно, а протекает длительно (26, 354).

Мы писали о том, что основной причиной кризиса является непонимание человеком своего истинного призвания. Психологи также называют несколько причин кризиса, причем иерархия причин у различных авторов разная. В целом заметны три основные тенденции в объяснении причин кризиса. Первая тенденция объясняет причину кризисных явлений в убывании физических сил у человека во второй половине тридцатых годов жизни. На фоне все еще крепкого здоровья у ведущего напряженную жизнь человека вдруг проявляются первые признаки того, что он не всемогущ, что организм имеет свой «запас прочности», появляются первые признаки физической усталости и недомогания. Так, Г. Шихи пишет: «Утрата молодости, угасание физических сил, изменение привычных ролей — любой из этих моментов может придать переходу характер кризиса. Возраст между тридцатью пятью и сорока пятью годами — это время опасностей и больших возможностей» (36, 41).

Сторонники второй тенденции объясняют кризисные явления тем, что реальная действительность оказывается суровым корректором идеальных жизненных планов на пороге сороковых годов. П. Массен и его соавторы (15, 356) главной причиной «десятилетия роковой черты» называют осознание расхождения между мечтами и жизненными целями человека и действительностью его существования.

Отсюда и «роковая черта», как подведение первых жизненных итогов и отсечение того, о чем мечтал и чему уже не суждено свершиться. До середины тридцатых годов можно оставаться «многообещающим...» в профессиональной, семейной, социальной сферах, но после сорока приходит освобождение от иллюзий. Возникают сомнения в своих силах даже в той сфере, что хорошо известна, так как по — новому ощущается время. Человек не уверен, что успеет сделать все, что намечал, потому что начинает остро воспринимать недостаток времени. Складывается ситуация, когда необходимо перестраивать собственную жизнь по принципу «сочетания необходимого и возможного».

Третья группа исследователей обозначает кризис взрослости как кризис ценностей и объясняет его поиском новых ценностных оснований жизни. Этот период в развитии человека именуется авторами (26) «вступлением на ступень универсализации, поиском новых ценностей, ради которых стоит жить» (26, 358).

Древние греки называли возраст тридцать три — тридцать пять лет и соответствующие ему психологические характеристики человека словом «акме» — вершина. Это возраст вершины зрелости — физиологической, психологической, социальной.

В этом возрасте происходит рефлексивная переоценка прожитого и осознание возможностей на будущее, переоценке подвергается значимость самого себя, других людей, семейных обязательств. Это сопровождается напряжением в интеллектуальной деятельности, которая вызывает изменение в сознании. Изменения в сознании проявляются не обязательно в болезненной форме. Часто наблюдается полная смена видов деятельности человека, индивидуальных стилей в поведении, одежде. Зачастую симптомы кризиса усугубляются тем, что в этом возрасте многие начинают осознавать двойную ответственность — за подрастающих детей и за стареющих родителей. В популярной психологической литературе поколение тридцатипятилетних — сорокапятилетних называют «поколением сэндвич». Это поколение иногда оказывается словно зажатым между двумя тоже кризисными по своим проявлениям поколениями: детьми, достигшими подросткового возраста, и родителями, выходящими на пенсию.

Социологи иногда называют этот период в жизни женщины периодом «кухонного бунта». Многие женщины в этом возрасте

делают попытку изменить свое социальное положение за счет профессионального совершенствования, многие начинают заниматься общественной или политической деятельностью. Психологи объясняют такие резкие изменения в поведении тем, что психологическое пространство семейных отношений начинает испытывать влияние чужих людей — друзей и учителей детей, сослуживцев мужа. Это обстоятельство ставит перед женщиной — хранительницей семейных устоев новые проблемы, проблемы защиты социальных прав своих близких от воздействия чужих людей. Изменения, происходящие в семейной жизни, связаны с передачей ответственности за жизнь самому ребенку, изменением стиля супружеских отношений. Существенные изменения, которые претерпевают семейные отношения, позволяют специалистам говорить об их кризисе. Разногласия, возникающие в браке в этом возрасте, переживаются иначе, чем в двадцатые годы жизни. «С одной стороны, говорят себе: „Ничего не поделаешь, придется привыкать“, с другой — можно уйти в свою работу или в решение своих задач, из чего незаметно вырастает взаимное отчуждение... Теперь должна вырасти более глубокая связь, чтобы отношения не задушил рационализм. Эта более глубокая связь может быть только сознательным решением отделить в отношении к спутнику жизни существенное от несущественного. Уже желание поиска открывает глаза на индивидуальность другого» (13, 103).

Выход из семейного кризиса в тридцатые годы жизни видится в основании супружеских отношений на духовных основах, когда взаимоотношения мужа и жены опосредуются не материальными заботами и не социальными задачами, а возникает духовная близость и связь. Для столь серьезной внутренней работы обоим супругам необходимо принятие другого таким, каков он есть на самом деле. Потому так много зависит от отношения к самому себе. «Кто не может принимать самого себя со всеми слабыми и сильными сторонами, кто избегает конфронтации с самим собой, неумоимо гоняясь за карьерой, успехом или удовлетворением своего честолюбия, тот не будет способен в отношении к другому достичь его подлинной личностной сути. Тогда брак начинает либо разрушаться, либо служит декорацией для пьесы, исполняемой для окружения. В этом случае декорация может оказаться либо пригодной, либо мешающей. Если она мешает,

то думают, что надо заменить ее другой, лучше подходящей к разыгрываемому акту жизненной драмы» (13, 104).

Одной из основных жизненных задач в этот период становится принятие себя и окружения таким, каковы они есть. Этот возраст стимулирует выработку терпения, поэтому его называют еще «кризисом терпимости». Некоторые авторы подчеркивают целительное значение чувства юмора именно в этом возрасте. «Юмор — одно из средств, которое позволяет человеку перейти от одного проявления жизни к другому, отделяя их друг от друга и в то же время объединяя их в едином потоке» (2, 553).

Результатом кризиса средних лет становится выработка новой жизненной философии — редактируются жизненные цели, вносятся изменения в области привычного существования — человек научается «делать обычное по — другому» (13, 74). Возможно и негативное завершение кризиса середины жизни, когда человек отказывает себе в дальнейшем развитии, стремясь «законсервировать» вызревшие противоречия (26, 363).

Основным приобретением к концу кризисного периода становится мудрое отношение к жизненному многообразию. Переход к следующему периоду в жизни происходит под сенью слов древней молитвы: «Господи, дай мне терпение, чтобы смириться с тем, что я не могу изменить, дай мне силы, бороться с тем, что должен изменить, и дай мне мудрость отличить одно от другого».

Общая психологическая характеристика зрелого возраста после кризиса. Выбор, сделанный в кризисе середины жизни, определяет дальнейшую жизнь. Если человек принимает себя, свое окружение с поправками, продиктованными его мировоззрением, он входит в новую фазу своего развития. В случае неприятия — уход в аутоагрессию (часто ведущий к психосоматическим заболеваниям) либо оппонирование окружающей действительности, которое зачастую выражается в активной оппозиционной общественной и политической деятельности. Сопутствующими признаками оппозиционного внутреннего устройства в поведении зрелого человека можно назвать стремление навязать всем в качестве образца свой собственный образ жизни: «Мой образ жизни — самый правильный». Так же и манипулятивные действия, понуждающие других людей, родственников или коллег, к принятию чужих мыслей, образу действий

помимо их воли. Деструктивна и демагогия, которая зачастую присуща представителям зрелого возраста. Демагогическая подача высоких истин в отрыве от реальной действительности свидетельствует о внутренней психологической слабости и слабой ориентации в происходящем.

Для человека, благоприятно пережившего мировоззренческий кризис, зрелая пора является своего рода освобождением. Человек обретает внутренний глубинный смысл жизни, он терпим, имеет поколенческую открытость — все возрасты ему близки и понятны. Именно представители этого возраста часто становятся хранителями семейных традиций. Они стремятся поддерживать родственные отношения не только «по вертикали» — со своими предками и потомками, но и по горизонтали, привлекая в семейные отношения двоюродных и иных дальних родственников. Приходит умение глубоко и цельно оценивать людей, себя, вещи. Собственный кризис терпимости воспитал иной тип сострадания. Человек в состоянии многое понять, принять, согласиться; он может конструктивно помочь, поддержать и, вместе с тем утешить. Осознание масштаба многих жизненных проблем позволяет зрелому человеку принимать эффективные и взвешенные решения.

В этом возрасте уже больше волнуют не повседневные вещи и события, а общие проблемы — организации, планирования, руководства. В детали вникать уже менее интересно, есть потребность говорить о судьбах, опыте, биографиях. К началу зрелости более приемлемыми являются беседы на «стратегические» темы, позднее, к пожилому возрасту, на новом уровне приходит увлеченность деталями, подробностями.

Зрелый возраст — возраст лидерства гуманитарного толка. К этому времени в человеке накапливается потенциал наставничества, руководства в семейной, профессиональной, социальной сферах. Для сохранения своего психического равновесия зрелый человек должен обмениваться с другими своими знаниями и опытом. Как показывает опыт, именно тот, кто приобрел мудрость и терпимость, развивается в действительно ведущий авторитет, признаваемый молодежью. Кто не обогатил себя в кризисе середины жизни, проигрывает у молодежи. Люди зрелого возраста становятся поколением, которое должно вести дела (26, 364). Человек в этом возрасте может обобщить свой

жизненный опыт и упорядочить его, и у него еще достаточно жизненных сил, чтобы привести его в свою работу. Потому это возраст больших руководящих должностей.

Это и ступень изменения в отношении к принятию нового, в учебе: «Другие больше не решают, что хорошо для меня в духовной области. Я сам ищу себе учителя — реального или литературного». Изменившаяся позиция зрелого человека в плане ученичества побудила педагогов в XX веке создать особую отрасль педагогики, в которой раскрыты и систематизированы принципы обучения взрослого человека. Андрагогика — наука об обучении взрослых (47). Быстрое устаревание профессиональных знаний, социальная неопределенность, увеличение количества людей «третьего возраста» с присущими этому процессу проблемами — больше свободного времени, круг личностных проблем — приводят к тому, что человек уже состоявшийся вынужден вновь начинать учиться. Принципы обучения взрослого человека отличаются от традиционных дидактических принципов. В первую очередь взрослый человек сам определяет, чему ему учиться. Следующий принцип — главенство самостоятельного обучения. Исходя из этого принципа, обучение взрослого человека смещает акценты с передачи знаний на обеспечение условий, необходимых для овладения способами самостоятельного взаимодействия с различными аспектами реальности: поиск необходимых знаний, создание программ самообразования, где педагог — андрагог выступает в роли консультанта. Следующий принцип — опора на жизненный опыт обучающегося. Опыт используется в качестве одного из источников обучения и задает некий контекст в обучении. Контекстность обучения, с одной стороны, преследует конкретные, жизненно важные для обучающегося цели, ориентирована на выполнение им социальных ролей или совершенствование личности, а с другой стороны, строится с учетом профессиональной, социальной, бытовой деятельности учащегося.

Еще один важный принцип — актуализация результатов обучения. Он предполагает незамедлительное применение на практике полученных знаний, умений, навыков, качеств. Фактор времени играет определяющую роль в обучении взрослых. Если ребенок не задумывается о скоротекущем времени, так как у него нет упущенных возможностей и «все еще впереди», то для взрослого фактор времени

— предмет реальный. В этой связи возможны тревога и беспокойство по поводу «потерянного времени». Поэтому так эффективно обучение взрослого человека любым практикоориентированным вещам — от вождения автомобиля до нетрадиционных методов врачевания. Там, где после нескольких занятий взрослый ученик не находит применения полученным знаниям, рождаются сомнения в целесообразности дальнейшего обучения. Элективность обучения взрослого человека означает предоставление некоторой свободы при выборе целей, содержания, форм, методов, источников, сроков обучения и оценивания результатов.

Приведенные принципы дают представление об особенностях парадигмы образования взрослых. Взрослый сам творит свою образовательную ситуацию, то есть черпает знания из тех источников, которые считает нужными. Образование в таком контексте становится сферой социальной деятельности. Для взрослого человека любое место встреч, рабочее место, библиотека, общественное здание может стать местом для образования. В деле обучения взрослых работникам сферы образования приходится отказываться от своей монополии на учительство — учителями становятся те, кого признают сами ученики, в том числе и средства массовой коммуникации выполняют учительские функции.

Характеризуя развитие личности в зрелом возрасте, архимандрит Платон (Игумнов) в книге «Православное нравственное богословие» (1) пишет, что успешное разрешение конфликта достигается тем, что личность переходит к оптимизму через пессимизм и предпочитает решение проблем бесконечным сетованиям на жизнь. Когда отмечается тенденция чувствовать свое положение вполне приличным, можно говорить о том, что личность вступила в новую стадию в своем развитии — период стабилизации. «Процесс внутреннего обновления в конце концов приводит к более спокойной и даже более полноценной жизни... В целом же пятидесятые годы жизни могут быть охарактеризованы продолжением тех новых форм стабильности, которые были достигнуты в течение предыдущего десятилетия» (1, 30).

Синдром «опустевшего гнезда». Специалисты чаще связывают этот синдром с состоянием женщины, так как считается, что у нее в большей степени, чем у мужчины, развито чувство сохранения семьи,

заботы о детях. Повзрослевшие дети покидают семью, даже если это происходит не в прямом смысле (когда начинают жить отдельно от родителей). У взрослых детей создается собственное окружение, создаются собственные семьи. Для родителей эти события часто связаны с острым переживанием пустоты, утратой смысла жизни. Особенно сильно синдром «опустевшего гнезда» сказывается на женщине, у которой не было иных забот, иных жизненных ценностей, кроме материнства. «Женщина часто просто не хочет понять, что для нее наступил новый, очень интересный период жизни, свободный от многих повседневных обязанностей. Отношения с детьми теперь могут и должны перерасти в качественно новое чувство дружбы, основанное на взаимном доверии... Надо готовить себя к этому новому чувству, выращивая его в отношениях со своими детьми, иначе можно попасть под пресс гнетущего одиночества» (2). Эту подготовку Г.С. Абрамова связывает с передачей ответственности за собственную жизнь взрослеющим детям и развитием чувства уверенности в себе и интереса к самой себе. Психолог советует в пучине человеческих чувств обретать к периоду зрелости чувство собственной экзистенциальности (собственного существования, не опирающегося на какие — либо подпорки, пусть даже очень существенные — семья, дети, культура, образование). Женщине, переживающей уход детей, приходится становиться домашним философом.

Физическое состояние. В начале зрелого возраста человек, с количественной точки зрения, находится на вершине своих творческих сил. Он полностью сформирован, как правило, здоров и имеет возможность реализовать все свои дарования. Но постепенно силы начинают угасать, и человек подходит к завершающему периоду в своей жизни.

Старость. (Пятьдесят семь — шестьдесят лет)

«Третий возраст». В разных культурах время угасания человеческой жизни часто именуется «третьим возрастом». Китайская пословица определяет три этапа в жизни человека — время учиться, время бороться и, наконец, время, чтобы становиться мудрым. На Руси старцем человека считали начиная с 56 лет. В литературе по возрастной психологии третий возраст рассматривается как единое целое, начиная с рубежа шестьдесят — шестьдесят пять лет. Между тем этот жизненный период можно поделить, как минимум, хотя бы на две части. Прекращение профессиональной деятельности, субъективное признание себя «пожилым» человеком, изменения в образе и стиле жизни, которые опять же задает себе сам человек, маркируют его возрастную принадлежность к пожилым людям. Но зачастую эти признаки проявляются совсем не обязательно к шестидесяти пяти годам, это может быть как много позднее, так и гораздо ранее. Итак, первая половина «возраста мудрости» — пожилой возраст. Вторую половину назовем старческим возрастом, или сенильностью (с латинского «дряхлость») — это время, когда человеку невозможно поддерживать существование без посторонней помощи. Период сенильности также обретает свои временные рамки в зависимости от индивидуальных особенностей человека. Конечно, возраст — один из важнейших показателей периода дряхлости, но все — таки не единственный.

1. Пожилой возраст

Духовная жизнь. Период человеческой старости необычайно длинен, если сравнивать соответствующие периоды жизни человека и животного. Православная антропология объясняет это тем, что человеку нужно много времени для того, чтобы окончательно подготовиться к встрече с Богом. Пока у человека еще много сил, он в основном погружен в земные заботы и дела, и хотя духовная жизнь не оставляется им, у него остается немного времени для углубленного вникания в ее сущность. Но вот силы для полноценной земной жизни

уже малы, человек вырастил детей, построил дом, что же далее — умирать? Но человек живет, у него наконец — то появляется возможность сосредоточиться теперь преимущественно на духовной жизни. Человек как бы стоит перед вечностью, готовится в нее войти. В этот первый период старости главной задачей является наставничество.

Человек уже изжил свои страсти, земные заботы постепенно отходят от него, и из богатой сокровищницы жизненного опыта, омытого в чистом источнике молитвенной жизни, он может черпать драгоценные зерна мудрости и делиться ими со всеми приходящими к нему. Не случайно православные люди считают, что совет, несущий волю Божию, может дать только старец.

Однако если прожитая жизнь не была путем к Богу, если она была направляема только человеческими страстями, то период старости для человека становится очень тяжелым временем. У человека, не изжившего в себе страстей, часто лишенного возможности их удовлетворить (а удовлетворить их в полной мере в принципе невозможно), эти страсти обостряются самым неприглядным образом, и жизнь его превращается в муку для себя и не только для себя, но и для окружающих. Человек, не исполнивший своего предназначения, заканчивает свою жизнь неприглядно и уродливо. И какой контраст им являют старцы, просвещенные Святым Духом!

Психологическая характеристика возраста. Объективно характеризовать старческий возраст сложно. Исследованиями старения в основном занимаются люди, моложе шестидесяти лет. Невозможно авторитетно рассматривать фазу жизни, которую сам еще не пережил. Поэтому характеристика старости сводится к описанию изменений в физиологии, психике — мышлении, памяти, восприятию, способности к адаптации. «Взгляд извне» могут описать только представители этого возраста. У Гёте этот возраст именуется «четвертым»: «ребенок — реалист, юноша — идеалист, мужчина — скептик, старик — мистик» (цит. по Б. Ливехуду, 13, 91). Прекращение профессиональной карьеры влечет за собой коренные изменения во всех сферах жизнедеятельности пожилого человека. «Шок отставки» воздействует и на психические процессы — мышление, память, внимание не получают полноценной нагрузки, какую имели до этого. Смена социального окружения, которая чаще всего сводится к сужению круга

общения в пожилом возрасте, утрата своей социальной роли, изменение положения в обществе, зачастую сопровождаемое снижением материальной обеспеченности, — все это негативно отражается на психике и здоровье пенсионера.

Специалисты отмечают зависимость психического и соматического состояния пожилого человека от ряда факторов. Отрицательно влияют снижение количества личностных контактов в семье, потеря возможности контролировать события, принимать решения, участвовать в общей жизни. Если пожилой человек имеет возможность и желание планировать свое будущее, строит планы и старается реализовать их, на трудности реагирует конструктивно, не делегируя своих полномочий ближайшему окружению, то и физическое состояние его, как правило, более благополучно. «Люди, планирующие свою жизнь на пенсии, нередко воспринимают отставку как освобождение от социальных ограничений, предписаний и стереотипов рабочего периода» (26, 381).

В изменившихся условиях открываются новые возможности и способности, которые доселе были не востребованы. Пробуждается интерес к подробностям, даже мелочам жизни. Такие пенсионеры поступают в кружки кройки и шитья, увлеченно разводят новые сорта растений на своих садовых участках, осваивают новые для себя роли свекрови, тестя, дедушки и бабушки. Замечено, что интересы словно замыкаются через поколения — для пенсионеров наиболее предпочтительны в общении дошкольники и юноши (девушки). С дошкольниками роднит схожий темп речи, движения, интерес вызывает детское творчество. Для юношей пожилой человек является источником жизненной мудрости, не абстрактной, а конкретно воплощенной в их собственной жизни. Но для такого взаимодействия необходимо наличие именно осознанной жизненной философии — мудрости, которая позволяет человеку стареющему отнестись к результатам своего труда, своих усилий как к преходящим, то есть увидеть в них и абсолютную, и относительную ценность. Очень важно помочь пожилому человеку расширить свой жизненный контекст, найти этой группе социальное применение. Они готовы учить, но не все умеют это делать. Выход может быть очень прост — более частое общение, даже и по телефону, у них всегда будет, что рассказать, при этом по возможности помочь дать выход открытости — не

иронизировать над новыми увлечениями, а понять, почему увлекся, поддержать в этом начинании.

В специальной литературе (30, 77) имеются данные о том, что у не очень старых людей (до семидесяти лет) неожиданно резкое снижение интеллекта является предвестником скорого ухода из жизни. Исследователи еще расходятся во мнении, какие интеллектуальные функции ухудшаются в первую очередь, но феномен «последнего спада» оказывается одним из прогностических признаков приближающегося жизненного финала. «Модель последнего спада утверждает, что человек поддерживает один и тот же уровень поведения, и лишь в последние месяцы перед смертью его способности заметно ухудшаются, как будто его интеллект резко „свертывается“, подготавливаясь к смерти» (30, 53).

Посттрудовое время конечно же осознается и как время завершения жизненного пути человека, как время подведения итогов. Э. Эриксон (38) пишет, что, пожиная плоды прожитой жизни, человек либо обретает покой и уравновешенность, либо впадает в безысходность и отчаяние. Целостность восприятия собственной жизни, выражающаяся в примирении со всеми предшествующими стадиями своего развития, обретение интегративности (термин Эриксона) дают пожилому человеку силы и интерес к жизни. Интегративность поясняется автором как склонность к порядку и значимости, доверие к прошлому, принятие «одного — единственного жизненного цикла с определенным кругом лиц, входящих в него». Прожитая жизнь воспринимается как сфера личной ответственности, как единство собственного жизненного цикла в контексте человеческой истории. В этом случае пожилой человек в состоянии вести диалог с жизнью и смертью, ставить перед собой «последние вопросы» и отвечать на них. Отсутствие или потеря интегративности, по мысли Эриксона, приводит к расстройству нервной системы или полной безысходности: судьба не принимается как обрамление жизни, а смерть как ее последняя граница. Отчаяние вызывается ограничением дееспособности человека, когда он не в состоянии испытать пути, ведущие к интеграции. «Такое отчаяние часто прячется за демонстрацией отвращения, за мизантропией или хроническим презрительным недовольством... отвращением и недовольством, которые там, где они не связаны с видением высшей жизни,

свидетельствуют только о презрении индивида к самому себе» (38, 151).

Литература по геронтологии (науке о старости) приводит многочисленные примеры того, как «организация творческого и плодотворного вечера жизни» помогает сохранять активное состояние пожилым людям. Вместе с тем подчеркивается тот факт, что «умные люди живут дольше». Так и формулируется взаимосвязь и взаимозависимость — умный (думающий) человек стремится как можно дольше оставаться активным. И не всегда активность сопряжена с крепким физическим здоровьем, известно, что зачастую человек с серьезным физическим недугом поражает всех своей жизнестойкостью и плодотворной деятельностью. С другой стороны, суперактивность, продиктованная неприятием старения, которая зачастую сопряжена со страхом ожидания разрушительного воздействия возраста на здоровье, так же неблагоприятно сказывается в жизни пожилого человека. Оптимальным становится стремление к интеграции — когда одна деятельность становится невозможной, находится другая; существует разумное ограничение выполняемых действий, многие пожилые люди отказываются от ответственности в обмен на чувство безопасности. В случае, когда это связано с погружением в свой внутренний мир, по мере того, как ослабевает способность воспринимать внешние события, наблюдается новый вид творчества. Тот, кто разумно относится к ограничению своей дееспособности в пожилом возрасте, способен к творчеству, способен и к «подведению итогов». И самочувствие этого пожилого человека гораздо лучше, чем у тех, кто живет только программами радио и телевидения и не тратит силы на творческую деятельность.

Физическое состояние. Опыт житейских наблюдений и приведенные в специальной литературе результаты исследований (7, 834) наглядно показывают, что человек, ведущий активный образ жизни, к пожилому возрасту может пребывать в лучшей физической форме, чем более молодые люди. Специалистами замечено, что изменения физического состояния в этом возрасте не столько обусловлены биологическими процессами старения, сколько частными причинами. Так, многие физические недуги этого периода связаны с многолетней профессиональной деятельностью человека — шумным производством, работой в химической промышленности, другими

профессиональными факторами. Сказываются несчастные случаи, пережитые человеком в течение предыдущей жизни, перенесенные заболевания. Особым образом отражается на самочувствии пожилого человека его образ жизни — ритм и привычки. У курильщиков со стажем могут развиваться проблемы с дыханием, а у человека, подвергающего себя серьезным нагрузкам на садовом участке, — проблемы с позвоночником. Но и биологические изменения сказываются в этот период все более отчетливо. Постепенно меняется внешность — появляется седина, увядает кожа, иногда меняется пигментация, и на коже выступают коричневые пятна, меняется осанка (из — за «проседания» позвоночника у многих пожилых людей уменьшается рост на несколько сантиметров). Становятся более хрупкими кости, и это зачастую пагубно сказывается на подвижности пожилых людей. Неловкость в движении, которая не имела никаких последствий в предыдущие возраста, теперь может привести к переломам, в пожилом возрасте долго не срастающимся. Происходящие в физиологии стареющего человека морфофункциональные изменения будут подробно описаны в следующей главе. При общей схожести проблем физического состояния пожилого и старческого возраста обратим внимание на их разницу. Пожилой человек старается, по возможности, самостоятельно справляться с физическими недугами, в старческом же возрасте человек становится все более зависим от своего окружения.

2. Старческий возраст

Духовная жизнь. Главной задачей именно последнего жизненного этапа является окончательное приготовление к встрече с Богом. Многие культуры рассматривают долгожительство как награду за добродетельно прожитую жизнь. С этим связывается и появление у стариков поразительной интуиции, глубокого, проникновенного понимания и видения того, что недоступно иным возрастам. «Откровение ино — бытия» (термин взят в книге Слободчикова и Исаева, см. 26, 369) проявляется в разных формах, но признаки похожи — внешне кажется, что стирается грань между сознательным и бессознательным, форма самовыражения несущественна. Человек как

бы выключается из участия в земной жизни, чтобы созерцать вечность. Внутренняя сосредоточенность, плавность движений, взгляд, обращенный внутрь, роднит этот возраст с пренатальным периодом в жизни человека. На новой ступени человек обретает «иную утробу» для того, чтобы собрать силы для иного рождения.

Ожидание собственной смерти становится жизненной задачей. Для ее решения требуются силы. Психолог с многолетним стажем отмечает: «Письма и высказывания очень старых людей показывают, что последние годы переживаются очень по — разному. Так, один старый человек, которому уже далеко за восемьдесят, пишет, что полная зависимость помогла ему понять самого себя и реально и глубоко ощутить слова „Христос во мне“ (13, 91).

Психическое состояние. Самое большое число самоубийств в странах, входящих во Всемирную организацию здравоохранения (кроме Польши), приходится на возраст после семидесяти пяти (30, 174). Старики выбирают более „надежные“ способы ухода из жизни, чем молодежь и подростки. В то время как молодые люди попытками суицида стремятся изменить свое положение и потому выбирают такие способы, которые позволяют быстро вернуть их к жизни, старики сознательно уходят из жизни, наполненной для них болью и страданием.

Отношение к жизни и смерти конечно же складывается у человека из опыта всей его предыдущей жизни, поэтому, говоря о подведении жизненных итогов, стоит помнить, что слово „прощай“ в русском языке имеет один корень со словом „прости“. Мольба о прощении за несправедно прожитую жизнь — один из самых глубоких способов подведения жизненных итогов.

Важной психологической задачей в старости становится переживание возрастающей зависимости от других людей. Для этого надо учиться адаптироваться к новым условиям при уменьшении физических ресурсов. Изменения в сенсорике пожилых людей могут быть весьма серьезными, они могут являться помехой в восприятии образа окружающего мира. Это находит отражение и в психических процессах — меняются многие мыслительные функции (речь, память, воспроизведение информации).

В старости человек может ощущать возрастающий контраст между „скучным“ настоящим и наполненным интересными событиями

прошлым. Отдельные эпизоды из прожитой жизни могут все чаще повторяться в уме, уподобляясь „театру одного актера“. Пик воспоминаний зарегистрирован многими исследователями и приходится на период от десяти до тридцати лет из жизни человека. Яркость воспоминаний зависит от того, насколько эмоционально было заполнено воспроизводимое событие и насколько часто человек впоследствии думал об этом событии либо воспроизводил его в своих рассказах. Многократно воспроизводимые воспоминания с каждым пересказом обретают новые вариации с тем, чтобы улучшилось восприятие их слушателями. Таким образом, событийный рассказ из собственной жизни в течение многих лет сохраняет основную сюжетную линию, но второстепенные детали обнаруживают при этом существенные отличия. Такую особенность стоит учитывать в любой „мемуарной“ деятельности.

Другой существенный момент связан со способом „извлечения“ воспоминаний. Просьба рассказать о наиболее ярких событиях жизни вызывает избыток воспоминаний из более ранней ее части. Высокопарный слог обращения также зачастую вызывает более старые воспоминания. В том случае, когда просят воспроизвести воспоминания по ассоциации и датировать их, то есть сразу ставится вопрос „когда это было?“, также наблюдается обращенность к ранней юности и молодости. Если же дается свобода в воспроизведении воспоминаний, нет условий датирования, нет жесткой заданности тематики, человек может вспомнить и свое недавнее прошлое. Следовательно, способ постановки вопроса часто определяет „возраст воспоминаний“, которые иногда имеют лечебное действие. Некоторые специалисты советуют поддерживать „терапию воспоминаниями“ для стариков, поскольку это помогает им примириться с жизнью.

В заключительной части своей книги „Психология старения“ Ян Стюарт — Гамильтон пишет: „Имеет ли пожилой человек интеллектуальные проблемы или нет, доволен своей жизнью или хочет покончить свою жизнь самоубийством, здоров или не имеет возможности выйти из дому, все это зависит в первую очередь, а может, и единственным образом, от его генетической наследственности и того, как он вел себя в предыдущие периоды жизни. Благополучная старость является наградой, а не

безоговорочным правом. Ее можно достичь только подходя к старению с чистым и открытым разумом“ (30, 198).

Физическое состояние. Практически отсутствует потребность в движении, меняется отношение к еде. Затухает функционирование органов чувств.

Меркнет зрение — сила моя...
(Арсений Тарковский)

Стареющие хрусталики глаза теряют свою эластичность и, как следствие, способность фокусироваться. Поэтому многие старики хорошо различают лишь удаленные объекты (дальнозоркость) либо в состоянии различать лишь мелкие детали (близорукость). Снижается контрастность зрения, слабый по интенсивности источник света не воспринимается, медленнее обрабатывается зрительная информация, уменьшается объем поля зрения. Там, где молодому человеку достаточно движения глазного яблока, старику приходится поворачивать голову, чтобы рассмотреть предметы.

Геронтология описывает изменения слуха, изменения во внутреннем строении уха, происходящие с возрастом. Установлено, что некоторые виды потери слуха связаны с генетическим строением организма, существуют данные о неблагоприятном влиянии на слух окружающих условий („тихие“ и „шумные“ работы, место жительства), наконец, перенесенные заболевания также неблагоприятно сказываются на способности воспринимать звук. Потеря слуха, даже незначительная, ассоциируется со снижением самочувствия, общительности и даже интеллектуальной деятельности. В Древней Греции, например, слово „глухой“ было синонимом слова „глупый“, во многих культурах глухота считалась проклятием, потому что в обществе, не имеющей письменности, глухой человек ограждался от учения. Принято считать, что слепота изолирует человека от вещей, а глухота изолирует человека от общества. В то же время специалисты (30, 30) отмечают, что уровень социальной изолированности слабо соотносится с уровнем потери слуха.

Происходит изменение вкуса. Специалисты дискутируя о том, как изменяется чувствительность к горькому и соленому вкусу в старости,

сходятся во мнении, что чувствительность к кислому и сладкому практически не изменяется (до ста лет), однако в отношении сложных вкусов, то есть вкуса практически всех приготавливаемых продуктов, пожилые люди обнаруживают нарушения в определении вкуса многих повседневных пищевых продуктов. Это зачастую приводит к пищевым отравлениям.

Обоняние почти не изменяется у здоровых пожилых людей. Однако, поскольку большинство стариков имеют те или иные болезни, более корректно утверждать, что обонятельные функции к старости тоже снижаются.

Изменяется и осязание. С годами у человека развивается более высокий порог чувствительности, то есть требуется более сильное раздражение кожи, чтобы почувствовать его. Уменьшается чувствительность к температуре предметов. Некоторые исследователи отмечают увеличение болевого порога в старости, сильные болевые ощущения не воспринимаются как боль, с этим связано большее число „стариковских“ порезов, ожогов и прочих ранений, которые к тому же не так быстро зарастают, как в молодом организме. Снижение осязания связывают как с уменьшением количества сенсоров в утончающейся и сморщенной коже стариков, так и с изменением процесса передачи информации через нервы в мозг.

Заключение

В данном учебном пособии была предпринята попытка характеристики возрастов жизни человека с позиций православной антропологии. Знакомство с возрастными особенностями развития личности, рассмотренными в контексте православной традиции, православного нравственного и догматического богословия будет полезно не только специалистам, работающим в социальной сфере, но и студентам, готовящимся к профессиональной деятельности в этой сфере.

Завершая рассмотрение жизненного цикла человека и тех задач, которые стоят в каждом возрасте земной жизни личности, обратимся к определению смысла жизни в православном учении о человеке. «Человек не обречен на небытие и уничтожение; он призван к преодолению стихии земного существования и к вечной жизни, в которой приобретает безусловное оправдание и смысл весь пройденный им жизненный путь. Пребывая в вере во Христа, в смиренном уповании на беспредельную благость Божию, человек в последний решающий момент жизни становится открыт для вечности и достигает переживания такого внутреннего величия и мира, которыми освещается вся его минувшая, сознательно прожитая жизнь» (1, 31).

Литература

1. Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. — Сергиев Посад, Свято — Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
2. Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учебник для студентов вузов. — Екатеринбург, 1999.
3. Блаженный Августин. Исповедь. Богословские труды. Сборник 19-й. — Изд — во Московской Патриархии, 1978.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 4. Вопросы детской (возрастной) психологии. — М., 1984.
5. Дольто Ф. На стороне ребенка. — М., 1997.
6. Дольто Ф. На стороне подростка. — М., 1998.
7. Крайг Г. Психология развития. — СПб., 2000.
8. Коменский Я. — А. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. — М., 1982.
9. Куломзина С.С. Наша Церковь и наши дети. — М., 1993.
10. Куломзина С.С. Семья — малая Церковь. — М.: Паломник, 1997.
11. Куткене Л. Психологические теории развития. — Вильнюс, 1998.
12. Лавренова Г.В. и др. Практическая энциклопедия молодой православной мамы. — С. — Петербург, Сатись.
13. Ливехуд Б. Кризисы жизни — шансы жизни. — Калуга, 1994.
14. Льюис К. — С. Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 8. Размышления о псалмах. — М., 2000.
15. Массен П., Конгер Дж., Каган Дж., Гивитц Дж. Развитие личности в среднем возрасте // Психология зрелости и старения. — М., 1997.
16. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. — СПб., 1992.
17. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. Т. 2. — М., 1995.
18. О семье и воспитании. — СПб., 1996.

19. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. — СПб., 2000.
20. Просветитель. № 2–3. — М., 1995.
21. Протоиерей Борис Ничипоров. Времена и сроки. — М., 2002.
22. Протоиерей профессор Василий Зеньковский. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М., 1993.
23. Протоиерей профессор Василий Зеньковский. Психология детства. — Екатеринбург, 1995.
24. Протоиерей, профессор Глеб Каледа. Домашняя Церковь. — М., 2001.
25. Сестра Магдалина. Мысли о детях в Православной Церкви сегодня. — М.: Отдел религиозного образования и катехизации Московской Патриархии, 1993.
26. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов. — М., 2000.
27. Смирнова Е.О. Детская психология. — М., 2003.
28. Соколова Н.Н. Под кровом Всевышнего. — М., 2001.
29. Старец Сампсон. — М.: Народная библиотека, 1994.
30. Стюарт — Гамильтон Я. Психология старения. — СПб., 2002.
31. Томе Г. Теоретические и эмпирические основы психического развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. — М., 1978.
32. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. — М., 2001.
33. Феофан Затворник, святитель. Как сохранить благодать святого крещения. — М., 1997.
34. Феофан Затворник, святитель. Путь ко спасению. — М., 1899.
35. Шестун Евгений, протоиерей. Православная педагогика. — М., 2001.
36. Шихи Г. Возрастные кризисы. — СПб., 1999.
37. Экман П. Почему дети лгут? — М., 1993.
38. Эриксон Э. Идентичность: кризис и юность. — М., 1996.
39. Янушкявичене О. Дерево доброе. — М., 1997.
40. Янушкявичюс Р., Янушкявичене О. Основы нравственности. — М., 2000.

Дополнительная литература

41. Иерей Олег Давыденков. Догматическое богословие. Часть 3. — М., 1997.
42. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. — М., 1997.
44. Мид М. Культура и мир детства. — М., 1988.
45. Аверинцев С.С. Солидарность поколений как фактор гражданской свободы.
46. Мошкова И.Н. Рекомендации социальным работникам по работе с молодежью. — www.synergia.itn.ru.
47. Змеев. Андрагогика. М., 1999.
48. Протоиерей Владимир Воробьев. Покаяние. Исповедь: Духовное руководство. — М., 1997.
49. Протоиерей Андрей Воронин, Гарин Д.В. Ковалёвский детский дом. Вчера, сегодня, завтра...(Опыт семейной организации воспитания детей — сирот). Кострома, 2002.
50. СклЯрова Т.В. Над пропастью в горах или использование методов экстремальной психологии в воспитании детей группы риска //Сб. Духовно — нравственное и психологическое здоровье ребёнка в детско — взрослых общностях. М.,2003 (в печати).
51. СклЯрова Т.В. Пути и возможности православного воспитания в современной общеобразовательной школе
<http://www.light.orthodoxy.ru>

notes

Примечания

См.: Янушкявичене О.Л. Дерево доброе: Учебное пособие для начальных классов. — М.: Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, 1997; Роман Янушкявичюс, Ольга Янушкявичене. Основы нравственности: Учебное пособие для школьников и студентов. — М.: ПРО — Пресс, 2002.

Здесь и далее первая цифра обозначает порядковый номер издания, обозначенный в библиографии, вторая — номер страницы.

Латинское слово *tolerantia* буквально означает терпение. Традиционное понимание толерантности в психологии — психо — физиологическое. Оно рассматривается как ослабление реагирования на какой — либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к нему. Социально — психологическое понимание толерантности как терпимости к различным мнениям, непредубежденности в оценке людей позволяет обозначить различия в толерантности и терпимости. О толерантном отношении говорят в том случае, когда человек малочувствителен к тем факторам, которые окружают его, т. к. у него низкий уровень социально — психологической чувствительности (в обыденном сознании это связывается с проявлениями нечувствительности, «черствости» или «холодности»). В ситуации, когда человек проявляет высокий уровень социально — психологической чувствительности, но терпит в силу своих личностных установок, говорят о том, что он проявляет терпимость.

Выготский Лев Семенович (1896–1934) — русский психолог. Разработал культурно — историческую теорию развития психики в процессе освоения индивидом ценностей человеческой культуры и цивилизации. Различал «натуральные» (данные природой) психические функции и функции «культурные» (приобретенные в результате интериоризации, то есть процесса освоения индивидом культурных ценностей).

Эльконин Даниил Борисович (1904–1984) — советский психолог, создатель концепции периодизации психического развития в онтогенезе, основанной на понятии «ведущая деятельность». Разрабатывал психологические проблемы игры, формирования личности ребенка.

Пиаже (Piaget) Жан (1896–1980) — швейцарский психолог, основатель женеvской школы генетической психологии. В начальный период своей деятельности описал особенности представлений детей о мире. В дальнейшем Ж. Пиаже обратился к исследованию развития интеллекта, в котором видел результат интериоризации внешних действий и выдвинул концепцию стадияльного развития психики.

Эриксон, Эрик Гомбургер [Erikson] (1902–1994) — американский психолог и психотерапевт, один из основателей эгопсихологии, автор одной из первых психологических теорий жизненного цикла, создатель психоисторической модели социального познания. В своей психологии основывался на постулате социокультурной обусловленности психики человека. Разработал понятие психосоциальной идентичности как основного фактора психического здоровья. Создал теорию стадийного развития личности, предполагающую прохождение человеком восьми стадий развития.

Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962). Магистр философии Московского университета (1915 г.), в 1915–1919 гг. — профессор психологии Киевского университета, в 1920–1923 гг. — профессор философии Белградского университета. Директор педагогического института в Праге (1923–1926), профессор Свято — Сергиевского православного богословского института в Париже (1926–1962), в 1944–1947, 1949–1962 гг. его декан. Преподавал историю философии, психологию, апологетику и историю религий. Доктор церковных наук (1948 г.). Рукоположен в 1942 г. Редактор альманаха «Вопросы религиозного воспитания и образования» (Ч. I–III) (Париж, 1927–1928) и «Бюллетеня религиозно — педагогического кабинета».

Кольберг (Kohlberg) Лоуренс (1927–1987) — американский психолог, автор концепции морального развития. На ее основе выделил ряд признаков диагностики стадий морального развития, обобщенных в виде оценочной шкалы.

Авторы сочли нужным коснуться здесь вопроса, широко обсуждаемого сегодня в общественных и научных кругах. С середины XIX века было объявлено об открытии наукой нового явления, которое называли явлением телегонии. Телегония (от греческих слов «tele» — вдаль, далеко и «gone» «семя») на сегодняшний день определяется ее последователями как наука, которая утверждает, что на потомство женской особи влияют все ее предыдущие половые партнеры, особенно первый. То есть ребенок, родившийся от женщины, имевшей в добрачный период другие связи, будет носить в себе признаки не только своего отца, но и тех, с кем его мать имела добрачные связи. Специалисты пока не пришли к единому мнению в этом вопросе.